

Анри-Жан Барро

Фрейд и Жакане

сравнительное исследование

БИБЛИОТЕКА КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Издательство Privat

Фрейд и Жане. Сравнительное исследование

Библиотека клинической психологии
1971, Эдуард Приват, издатель

Фрейд и Жане вступление

В наши дни развитие гуманитарных наук стремительно, как время. Понимание истории меняется, если признать, что прошлое то служит резервуаром обещаний для будущего, то становится ликом забвения, что оно либо продолжается в вечном настоящем, либо превращается в тёмную пустоту, прежде чем кануть в лету. Таков закон пульсации цивилизаций, где сталкиваются силы, постоянно изменчивые и чаще всего слепые.

Прошло чуть больше двадцати лет с тех пор, как ушёл Пьер Жане, и чуть больше тридцати лет с тех пор, как покинул нас Фрейд, и тем не менее героическая эпоха, когда Фрейд строил психоанализ мощными ударами личного опыта и интуиции, и когда Жане создавал свой монументальный труд, уже кажется далёкой. Есть НО: если мысль Фрейда жива и даёт повод к интерпретациям столь же оригинальным, сколь и противоречивым, то с Жане дело обстоит иначе: его произведения ныне находят себе прибежище главным образом в специализированных библиотеках.

Этот разрыв во времени и в известности делает сравнительное исследование затруднительным. Мировой престиж психоанализа таков, что всякое сравнение оказывается в известном смысле против течения мнений, которых придерживаются многие умы, и в том числе самые выдающиеся. В самом деле, невозможно воздать должное Жане, не умалив при этом заслуг Фрейда, нельзя поставить их на весы, не рискуя быть обвинённым в том, что чаша Жане перегружена в ущерб чаше Фрейда. С другой стороны, концептуальные антиномии, противопоставившие их по многим вопросам, требуют строгого рассмотрения элементов каждого из этих вопросов и, следовательно, суждения об их правомерности. А правда состоит в том, что весьма трудно не признать правоту Жане более чем в одном пункте, — то есть не совершить своего рода преступления против величества с точки зрения фрейдовской ортодоксии.

Ещё труднее постоянно сохранять безупречную объективность, хотя бы уже в силу природы гуманитарных наук, наиболее эмпирических из всех. Вот почему необходимо с самого начала указать главное намерение предпринимаемого сравнения: признавая

значение психоаналитической революции, мы будем стремиться поместить её как можно более чётко по отношению к труду Жане, а затем попытаемся, пусть самым скромным образом, сблизить две эти великие мысли, которые в существенном радикально расходятся. Можно надеяться, что так удастся приоткрыть перспективу, в которой школьные споры отступили бы на второй план по сравнению с эволюцией клинической психологии и психопатологии.

Наконец, как бы ни был заслужен престиж Фрейда, доктринальное расширение рода «панфрейдизма» — расширение, которого он сам не предвидел и от которого, без сомнения, во многом отрёкся бы, — похоже, не обречено навечно сохранять свою действенность как в теоретическом, так и в практическом отношении, прежде всего вследствие стремительных успехов психологических и социальных наук. Вот почему не лишне напомнить, что Жане тоже был предтечей — и в более рациональном смысле, чем Фрейд.

Но здесь, как и везде, будущее по-прежнему покоится на коленях богов.

Первая часть

Общие сведения

Глава 1

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Будут приведены лишь те биографические сведения, которые признаны полезными для сравнительного исследования; с этой целью за его рамками останутся вопросы географического и этнического порядка, чья важность, однако, отнюдь не ничтожна. Более интересно отметить любопытный параллелизм в профессиональной жизни Фрейда и Жане, и даже в некоторых их трудах.

Несколько ключевых дат:

Фрейд родился в 1856 году и умер в 1939-м; Пьер Жане родился в 1859-м и умер в 1947-м. Жане получил степень по философии в 1882 году, Фрейд стал приват-доцентом в 1883-м. Знаковый год – 1893: Жане защищает докторскую диссертацию по медицине «Психическое состояние истеричных», а Фрейд в том же году публикует первую работу «О психическом механизме истерических явлений», за которой в 1895 году следуют «Исследования истерии» (в соавторстве с Й. Брейером).

Ещё одно совпадение: в 1902 году Фрейд назначается экстраординарным профессором Венского университета, а Жане становится ординарным профессором Коллеж де Франс, сменив Т. Рибо.

(ФРЕЙД)

Этот биографический параллелизм резко контрастирует с постепенным расхождением их мысли, первопричину которого следует отнести на счёт культурной среды и формирования этих двух выдающихся личностей. Фрейд родился в семье торговца. Его

отец, торговавший шерстью, вёл дело, которое не было особо процветающим. В зрелом возрасте он женился во второй раз на женщине намного моложе его. Эта вторая жена, ставшая матерью Зигмунда, была примерно одного возраста со старшим сыном от первого брака, так что Фрейд долго считал этого сводного брата своим настоящим отцом. Эта травмирующая ситуация питала растущую неприязнь между отцом и сыном, обострившуюся, когда отец захотел воспрепятствовать медицинскому призванию сына, которого предназначал для коммерческой карьеры.

Не вызывает сомнений, что семейные конфликты Фрейда служили постоянным ориентиром для его самоанализа и для общих выводов, которые он из него извлекал. Он сам признаёт это, в частности, в письме к Вильгельму Флиссу, написанном в 1897 году: «Я обнаружил в себе, как и у других, чувства любви к матери и ревности к отцу — чувства, которые, я думаю, свойственны всем детям... Если это так, то становится понятным — невзирая на все рациональные возражения против гипотезы о неотвратимом роке — потрясающее воздействие "Царя Эдипа"...» Кроме того, в разных обстоятельствах он сам для себя идентифицировал субстрат скрытой агрессивности — открытие которой является одной из его главных заслуг, направленной не только против отца, но и против окружающих. Так он дошёл до разрыва даже со своим другом и поверенным В. Флиссом после нескончаемых споров. По меньшей мере один из его мотивов можно уловить, читая прощальное письмо Флисса: «Ты читаешь у своих больных, — пишет он, — только собственные мысли». Кроме того, судя по всему, некоторые его друзья считали его невротиком. Юнг доходит до того, что заявляет: «Невроз Фрейда оставляет неизгладимый след в психоанализе». Впрочем, он сам признаёт в письме к В. Флиссу от 10 февраля 1886 года, что отмечен «лёгким нейропатологическим изъяном». Но нельзя не допустить, что это зерно невроза было не только клеймом, но и источником его открытий.

В самом деле, этот смутный период, когда Фрейд переживал трудности и конфликты разного рода, оказался самым плодотворным для его творчества: «В последнее десятилетие XIX века, — пишет Д. Лагаш, — Фрейд, берясь за психологическое лечение невротиков и особенно истеричных, обрел опыт, завершившийся изобретением психоанализа». Фрейд начинает изучать медицину в 17 лет, затем становится лаборантом профессора физиологии Э. Брюкке, который оказал на Фрейда огромное влияние.

По его собственному признанию, он проецирует на Брюкке образ отца, и можно небезосновательно полагать, что этот ранний опыт направил его к одному из своих главных открытий — к открытию переноса. На него также оказал влияние физик Гельмгольц, которого он, по его словам, считал одним из своих кумиров. Он работает поочерёдно в Вене с Э. Брейером, затем в Париже в клинике Шарко (с октября 1885 по март 1886 года), в Нанси в клинике Бернгейма, прежде чем вернуться в Вену, где он вновь встречает Брейера и пускается в великое приключение психоанализа — вопреки всему, несмотря на сопротивление среды.

(ЖАНЕ)

Судьба Пьера Жане была весьма иной. Он принадлежит к большой университетской семье, наиболее прославленным представителем которой до него был его дядя Поль Жане, профессор философии в Сорбонне. Следуя его примеру, Пьер Жане вначале продолжил учёбу вплоть до степени агреже по философии и преподавал в провинции, в частности в Гавре, где ему довелось наблюдать несколько любопытных случаев истерии, прежде чем обосноваться в Париже. Там он стал учеником Шарко, в 1889 году защитил докторскую диссертацию по литературе — «Психологический автоматизм», в 1893-м — докторскую

диссертацию по медицине, в 1902-м стал профессором Коллеж де Франс, в 1913-м — членом Академии моральных наук.

Труд Жане превосходит по масштабам даже труд Фрейда и свидетельствует о духе, близком к энциклопедическому. Помимо многочисленных работ по психологии и психопатологии, он основал совместно с Г. Дюма «Журнал нормальной и патологической психологии» в 1904 году и опубликовал в нём множество статей. Ему также принадлежат различные труды, в частности о Мальбранше и духах-животных, о Бэконе и алхимиках, а также два учебника философии. Наконец, он оставил весьма обширную психиатрическую документацию, сложившуюся преимущественно из наблюдений, собранных в больнице Сальпетриер, лабораторией нейропатологии которой он руководил более тридцати лет.

Жане всегда отличался кипучей деятельностью. Помимо своих многочисленных объёмных трудов и профессиональной работы — как в Сальпетриере, так и в частной практике, — он составил в редкие часы досуга монументальный гербарий, ставший его хобби, увлечением для души. Он также много путешествовал и шесть раз пересекал Атлантику. Но он был малообщительным, искал уединения в работе — настолько, что не думал о том, чтобы воспитывать учеников. Это одна из причин, по которым его имя со временем оказалось в тени психоанализа.

Для истории — как бы несправедлива она ни бывала порой — Жане остаётся основателем психологического динамизма, конкретизированного им под названием психологии поведения. Он рано выступил против интроспективных методов, которые практиковал его предшественник в Коллеж де Франс Т. Рибо: «Никогда ещё я не был так поражён ничтожностью нашей психологической науки, — пишет он, — как когда попытался преподавать её врачам (...). Все эти теоретические построения о чисто логическом механизме мышления не имели никакого отношения к реальной и практической жизни, и врач не мог найти в них никакого объяснения поведению своего пациента». Вероятно, Фрейд заимствует понятие психологического динамизма, однако психодинамика у Жане по природе своей весьма отличается от динамики в психоанализе.

Эти краткие биографические данные уже позволяют наметить различия. Фрейд придаёт большое значение своему личному опыту, воспоминаниям детства, психическим конфликтам, которые он анализирует с возможной объективностью и стремится согласовать с наблюдениями за своими пациентами. Кроме того, он сам признаёт наличие у себя «лёгкого нейропатологического изъяна», что позволило ему остро понимать невротические психические состояния.

Жане и сам в молодости проявлял некоторые депрессивные симптомы. Но то была лишь преходящая депрессия, обусловленная, по всей видимости, переутомлением или случайными причинами. В отличие от Фрейда, он накапливает клинические наблюдения, составляет статистику, охватывающую более 3500 душевнобольных, и неизменно стремится поддерживать сугубо рациональный подход. В этом смысле его можно считать преемником Кл. Бернара, метод экспериментальной медицины которого он применил к клинической психологии и психопатологии.

Фрейд также наблюдает своих пациентов с величайшей тщательностью, но его подход более интуитивен, что иногда сулит ему подлинные проблески гения, но и влечёт слабо обоснованные обобщения. Кропотливые классификации и статистика, которые вели Жане и его помощники в лаборатории Сальпетриера, мало интересуют Фрейда: «В лучшие свои минуты, — пишет он, — психиатры задаются вопросом, заслуживают ли их чисто описательные построения названия науки». Некоторые объяснения, например объяснение

«представления», расценивается им как «простая и бесполезная маскарадность». Он не лучше ладит и с философами, с которыми почти не общался, — исключая Brentano, чьи несколько курсов он прослушал. Он упоминает порой «презрение, с которым философы взирают на нас с высот своих возвышенных требований», и полагает, что «всё это философское пустословие» ничего не может изменить в «загадках мира». Но по любопытному парадоксу, психоаналитические теории несут в себе философские созвучия, которые после его смерти породили оригинальные философские разработки.

Обладая весьма широкой философской подготовкой, Жане строго воздерживался от того, чтобы обнаруживать её в качестве психиатра, однако эта подготовка вновь проявляется в его последних трудах, посвящённых психогенезу, языку или личности, а также в его курсах в Коллеж де Франс. По праву его считают преемником Спенсера, У. Джеймса, в русле эволюционизма своего времени. Его философию можно охарактеризовать как одновременно рационалистическую и натуралистическую. Именно в этом качестве он осуждает неизменное обращение Фрейда к символизму и мифу — обращение, которое он считает мало рациональным, хотя бы уже потому, что трагедии об Эдипе или Нарциссе, антагонизм Эрос–Танатос, миф о Титанах, фанатизм тотемов и табу и т. д. принадлежат скорее к литературе или легенде, нежели к психологической реальности.

Последний вопрос — это вопрос о приоритете, на который претендует Жане в создании динамической психологии. Более чем в одном теоретическом вопросе этот приоритет неоспорим и признан самим Фрейдом — в частности, применительно к понятиям фиксированной подсознательной идеи и сужения поля сознания.

Однако глубокое своеобразие мысли Фрейда оставляет тень сомнения в отношении некоторых существенных аспектов психологической теории. По словам А. Бине и Т. Симона, теории о психическом состоянии истеричных «были намечены Брейером и Фрейдом, а значительно яснее и полнее сформулированы Жане», и вообще «это скорее Фрейд испытал на себе влияние идей Жане». Но если этот вопрос сохраняет определённое историческое значение применительно к психологической теории или к патогенезу неврозов, то он полностью утрачивает его на уровне терапии, где концептуальные расхождения столь велики, что спор о первенстве утрачивает смысл.

НЕКОТОРЫЕ ЦИТАТЫ

Цитаты, составляющие главный предмет этой главы, выбраны произвольно, но не случайно. Задача здесь не только документальная: главное — прежде всего они призваны указать общее направление, в котором будет вестись сравнительное исследование Фрейда и Жане, а уже в следующих главах привести достаточно фактов, чтобы подтвердить выводы.

Поэтому к этому разделу можно возвращаться на протяжении всего сопоставления, когда последующие цитаты потребуют уточнения или проверки исходных данных.

I. ФРЕЙД

Создание психоанализа — это беспримерное приключение в истории психологии и психиатрии, — не только в силу его широчайшего антиконформизма, но и потому, что оно является плодом одинокого усилия, которое велось на протяжении долгих лет. Фрейд осознавал оригинальность и значение своего труда, и, с другой стороны, он неоднократно

настаивал на эволюции своей мысли и на последовательных изменениях, вносившихся в его теории.

Эволюция, изменения моих взглядов на протяжении 13 лет работы столь значительны, что я рискую, добавив их к этому старому изложению, совершенно изменить его характер (...). Внимательный читатель найдёт в этой книге в зародыше всё то, что впоследствии было добавлено к катарсической теории. (Études, предисловие ко 2-му изданию, с. XI). Психоанализ — это не беспристрастное научное исследование, а терапевтический акт; по существу своему он ищет не доказательства, а изменения. (Cinq leçons, с. 67).

Психоанализ никогда не претендовал на то, чтобы дать полную теорию душевной жизни человека вообще: он лишь требовал, чтобы его данные были использованы для дополнения и исправления данных, добытых иными путями. И далее: Психоаналитическое исследование не имеет ничего общего с философской системой, располагающей полной и законченной доктриной. (Essais, с. 202 и 205).

Он (психоанализ) хочет дать психиатрии недостающую ей психологическую основу; он надеется открыть общую почву, которая сделает понятной встречу соматического расстройства с расстройством психическим. (Introduction, с. 3). Эта цитата, по всей видимости, свидетельствует о том, что Фрейд в известной мере не знает теорий Жане, который тремя годами ранее, на Лондонском конгрессе (1913), резко критиковал психоанализ.

Но впоследствии, в связи с терапевтическим и теоретическим успехом психоанализа, Фрейд начинает считать свои гипотезы соответствующими психологической реальности, и его тон становится более догматичным:

Будущее, без сомнения, признает за психоанализом большую значимость как науки о бессознательном, нежели в качестве терапевтического метода. (Encyclopedia Britannica, XVIII, с. 671).

Характерный пример архаизма и обращения к доистории — это анимистическая магия, к которой Фрейд часто прибегает применительно к патогенезу неврозов:

Первичные навязчивые действия у этих невротиков носят, в точном смысле слова, чисто магический характер. (Totem et Tabou, с. 103). По другим вопросам он менее категоричен, даже в самых последних выражениях своей мысли. Так, применительно к определению метапсихологии:

Я называю так способ рассмотрения, при котором каждый психический процесс рассматривается с трёх координат — динамической, топической и экономической, — и вижу в этом высшую цель, доступную психологии. (Ma vie, с. 92). Впрочем, Фрейд признавал, что достигает её редко и лишь для вторичных процессов. Вот почему он уточняет: Подобные представления принадлежат к спекулятивной надстройке психоанализа, и каждая его часть может быть без ущерба и сожаления пожертвована или заменена другой, как только будет доказана её несостоятельность. (loc. cit., с. 49).

Несмотря на эти словесные оговорки, мнение М. Бенасси представляется верным по существу:

Он забывает об интеллектуальных предосторожностях, принятых им вначале, и в конце концов использует свои гипотезы как выражения реальности. И далее: Он смешивает два различных уровня — физико-химический и феноменологический, (...) использует пространственные метафоры для объяснения временных явлений. (М. Бенасси, Psychanalyse théorique, Bulletin de Psychologie, февраль 1968, с. 594).

Вполне естественно, что творческое усилие столь значительного масштаба сопровождалось полной нетерпимостью к тем из его учеников, кто претендовал на изменение его теорий, — в особенности применительно к Юнгу и Адлеру:

Модификация, введённая Юнгом (...), столь запутана, темна и сбивчива, что нелегко понять, какую позицию следует занять по отношению к ней. Эта модификация соответствует новому евангелию, открывающему новую эру в психоанализе и даже новое мировоззрение для остального человечества. (Cinq Leçons, с. 145).

Движение, основанное Адлером, в корне ошибочно. Адлер виновен в тяжчайшей умственной путанице (...). Он смешивает (...) самым неразрывным и непростительным образом биологический, социальный и психологический смысл слов «мужское» и «женское». (loc. cit., с. 138).

То же самое в отношении его теории сексуальности, которая поначалу произвела скандал и долгое время клеймилась как порнографическая. Ещё в 1910 году, на конгрессе по психиатрии в Гамбурге, объяснения Фрейда были отвергнуты с негодованием, а некий профессор Вейгрант заявил: «Этим должна заниматься полиция». Здесь мы ограничимся упоминанием этой теории применительно к патогенезу неврозов:

Мне пришлось признать, что поскольку вообще можно говорить о причине в приобретении невроза, этиология должна состоять в сексуальных факторах. Я обнаружил также, что в общем различные сексуальные факторы порождают различные клинические картины невроза. (Études, с. 207).

Преобладание сексуальных влечений над социальными составляет характерную черту неврозов. (Totem et Tabou, с. 87).

Мёбиус прав, говоря, что все мы немного истеричны. (Trois Essais, с. 61).

Систематическая драматизация, являющаяся одной из характерных черт психоанализа, питается прежде всего символизмом, обращением к мифу, анимистической археологией и в целом особой герменевтикой Фрейда:

Отколовшаяся часть психики в наших случаях «заточена во мраке», как в безднах Этны Титаны, способные потрясти землю, но которым не дано появляться на свет. (Études, с. 184).

В целом Фрейд стремится установить совокупность связей между первобытным мышлением, детским мышлением и неврозом. Характерный пример — инцест, рассматриваемый как табу в примитивных обществах:

Страх инцеста представляет собой существенно детскую черту и поразительно согласуется с тем, что нам известно о психической жизни невротиков. (Totem et Tabou, с. 27).

Толпа предстаёт нам таким образом как воскрешение первобытной орды. И применительно к стадному инстинкту: Человек — животное орды. (Psychologie collective, с. 82 и 85).

Драматизация достигает наиболее полного своего выражения в описании «Я» второй топики:

«Я» предстаёт нам жалким созданием, подчинённым тройному рабству и живущим под угрозой тройной опасности: внешнего мира, либидо «Оно» и суровости «Сверх-Я». Трём разновидностям опасности соответствуют три разновидности тревоги, ибо тревога есть выражение отступления перед опасностью. (Essais, с. 230).

Последние цитаты Фрейда будут посвящены критике, которую он адресовал Жане, с оговоркой, однако, что с обеих сторон критика порой сменялась похвалами. Можно признать, что с их стороны имело место известное непонимание, несомненно более выраженное у Фрейда, чем у Жане:

П. Жане, столь много сделавший для познания истерии и чьи взгляды мы в большинстве своём одобряем, высказал по этому поводу мнение, которого мы не могли бы принять. (Études, с. 185).

Выше я уже показал, почему мнение Жане неприемлемо: по его утверждению, предрасположенность к истерии покоится на конституциональной психической слабости. Практикующий врач (...) скорее склонен будет усматривать эту предрасположенность в избытке, нежели в дефиците. (loc. cit., с. 194).

Жане строил свои концепции, главным образом тщательно изучая умственно слабых истеричных, которых принимают больницы и богадельни, потому что их болезнь и вытекающая из неё умственная недостаточность мешают им приспособиться к жизни. (Introduction, с. 187). Это суждение свидетельствует об известном незнакомстве с трудами Жане. Фрейд, по-видимому, смешивает психологическую слабость с умственной отсталостью.

Более характерно для их концептуального противостояния мнение Фрейда о фиксированной бессознательной идее у невротиков:

Правда, П. Жане сделал то же самое открытие независимо от Брейера; французскому учёному принадлежит даже приоритет публикации (...). Но позднее, проявив чрезмерную сдержанность, Жане выразился так, будто хотел дать понять, что бессознательное было лишь «способом говорить» и что в его представлении этот термин не соответствовал ничему реальному. С тех пор я перестал понимать умозаключения Жане, но думаю, что он причинил себе большой вред, тогда как мог бы снискать большую заслугу. (Introduction, с. 279).

Впрочем, как правило, недостаточно замечают, насколько Фрейд смягчал свой непреклонный догматизм оговорками, отнюдь не преувеличенными. В частности, применительно к истерии:

Как далеки мы ещё от возможности совершенного понимания истерии! Сколь нетвёрдыми чертами очерчены её контуры! (Études, с. 204).

Мы неожиданно вновь сталкиваемся с загадкой, вставшей перед нами: откуда берётся невроз? Какова его конечная специфическая причина? После десятилетий усилий эта проблема встаёт перед нами, психоаналитиками, столь же нетронутой, как и в начале. (Inhibition, с. 75).

Эти последние цитаты весьма показательны. Они ясно обнаруживают суть мысли Фрейда: мысли исследователя, который, прокладывая путь по неведомой области, не скрывает от себя важности препятствий, встречаемых им на пути, но которым тем не менее движет внутренняя уверенность. Под этим углом зрения его непреклонный догматизм представляет собой необходимое оружие, которое не только отражает критику, но и предохраняет его от сомнений в самом себе, — сомнений, которые были бы губительны для его предприятия.

II. ЖАНЕ

Труд Жане слишком мало известен, чтобы можно было дать о нем явное представление несколькими цитатами, выбор которых был бы более или менее произвольным. Укажем лишь, что Жане был раньше Фрейда инициатором динамической психологии, исходящей из его принципа действия, который обнаруживается у истоков всех его теорий, — и прежде всего его «теории действующих сил», унаследованной от Лейбница. Л. Шварц считает его преемником Лейбница, Шеллинга, Шопенгауэра, Кабаниса, Спенсера, — однако добавляет:

Жане не имел предшественника в том, что касается выявления законов, управляющих проявлением этих сил, их исследования, классификации и превращения в конечном счёте в краеугольный камень обширной биопсихологической системы. (Л. Шварц, La Psychologie dynamique de P. Janet, с. XII).

Жане вдохновлялся психологией У. Джеймса, который, в противовес атомистическому ассоцианизму, сформулировал ряд законов, применение которых мы находим у Жане, — в частности, закон потребности и интереса: «всякая потребность стремится вызвать реакции, способные её удовлетворить», откуда следует, что потребность сенсibiliзирует организм. Связь очевидна: Жане не только долго изучает «феноменов интереса», но и переводит саму потребность в термины действия, реакции, тенденций и функций, — последние соответствуют конкретным явлениям, наиболее непосредственно наблюдаемым при неврозах:

Это представление о неврозе как о снижении уровня функционального здания заслуживает особого внимания, ибо позволяет перебросить мост между психологическим смыслом невротических симптомов и их органическим условием. (...) Именно на высших формах функций, на их приспособлении к наличным обстоятельствам, и сказываются неврозы. (Х. Эй, П. Бернар и Т. Бриссе, La Théorie de P. Janet, Manuel de Psychiatrie, с. 435).

Уже теперь расстояние между концепциями Фрейда и Жане представляется значительным — между принципом действия Жане, применяемым изначально ко всем потребностям, и принципом удовольствия, сосредоточенным на либидо. Именно эта исходная антиномия, без сомнения, вдохновляет Жане на критику — порой довольно резкую, — которую он нагромоздил против Фрейда, не отказывая ему порой в искренних похвалах. Кроме того, он упрекает Фрейда — возможно, с некоторой пристрастностью — в том, что тот воспользовался его собственными идеями, окрестив их иными названиями.

По указанным ранее причинам нижеследующие цитаты будут относиться исключительно к критике со стороны Жана, интерес которой отнюдь не является отрицательным, ибо она освещает психоанализ — как теоретический, так и практический — в особом и нередко обнажающем свете. С другой стороны, они показывают, что Жане подверг труд Фрейда глубокому изучению, чего Фрейд в отношении труда Жана не сделал.

В то время (1889) иностранный врач, г-н доктор Фрейд (из Вены), явился в Сальпетриер и заинтересовался этими исследованиями; он убедился в реальности фактов и опубликовал новые наблюдения того же рода. В этих публикациях он сначала изменил термины, которыми я пользовался: он назвал психоанализом то, что я называл психологическим анализом, назвал complexus то, что я называл психологической системой, обозначая этим совокупность фактов сознания и движений — как членов, так и внутренних органов, — остающихся связанными, чтобы составить травматическое воспоминание; он расценил как вытеснение то, что я относил к сужению сознания, он окрестил катарсисом то, что я обозначал как психологическую диссоциацию или нравственную дезинфекцию. Но прежде всего он превратил клиническое наблюдение и терапевтический метод с точными и ограниченными показаниями в огромную систему медицинской философии. (La Médecine, с. 41).

Рассматривая эти доктрины и наблюдения, с трудом понимаешь, чем психоанализ так существенно отличается от психологического анализа и в чём состоит «новая точка зрения», которую он принёс в психиатрию. (Psycho-analysis, с. 8).

Применительно к системе бессознательного, вытеснения и переноса Жане отмечает не без иронии, что Фрейд сам объявляет «эти открытия стали бы для нейропатологии тем, чем стало для географии открытие истоков Нила». (Psycho-analysis, с. 34).

Следует признать, что Жане пересмотрел некоторые из своих критических суждений, в частности, относительно вытеснения или поведения вины. Стоит отметить ответ Фрейда, датированный 1915 годом:

В Париже, по всей видимости, до сих пор разделяют убеждение, столь красноречиво выраженное г-ном Жане на Лондонском конгрессе (1913), согласно которому всё ценное в психоанализе было бы лишь видоизменённым воспроизведением идей Жана, а всё то, что не согласуется с этими идеями, — плохим. Уже в ходе того же конгресса Жане пришлось склониться перед поправками Джонса, который показал ему, что он был плохо осведомлён о предмете. Отвергая его притязания, мы вынуждены признать, что он внёс серьёзный вклад в психологию неврозов. (Фрейд, Cinq Leçons, с. 106 и 107).

Что касается психоаналитических методов в целом, Жане более категоричен:

Во всех случаях, где г-н Фрейд говорит «все больные», обычный психологический анализ говорит «некоторые больные, большое число больных». Мы снова встречаем здесь противостояние безграничного обобщения и точного констатирования. (Жане, Les Médications, с. 235).

В целом Жане считает эти методы мало научными, в особенности применительно к систематическому обращению к символизму:

Всякий факт может рассматриваться как символ другого (...); отсюда следует, что любой факт может означать всё, что угодно. (Psycho-analysis, с. 27).

Эта странная, парадоксальная, но не лишённая величия доктрина была выстроена шаг за шагом профессором З. Фрейдом в ряде работ, публикуемых с 1893 года. (La Médecine, с. 44).

По теории сексуальности Жане накапливает жёсткую критику, признавая при этом частоту сексуальных симптомов у невротиков. На замечание Джонса на Лондонском конгрессе, обвинявшего Жане в том, что он не «провёл психоанализа своих испытуемых» и потому не мог убедиться, что «сексуальные расстройства являются специфическими расстройствами, обусловленными ранним периодом сексуального развития больных», Жане отвечает:

Увы, вижу, что надо иметь веру, чтобы хорошо понять символические интерпретации психоанализа. (Жане, Psycho-analysis, с. 43 и 44).

Как бы то ни было, эта сексуальная интерпретация нервных расстройств становится основой всей патологии (...). Эта концепция вскоре распространяется безмерно: все факты нормальной психологии должны объясняться тем же образом (...). Та же интерпретация должна применяться к судебной диагностике, к религиозной психологии, к литературе, к педагогике, к эстетике и т. д. ... (La Médecine, с. 44).

Жане сам указывает, что его собственные наблюдения постоянно касаются неврозов, последовавших за сексуальным насилием, но лишь затем, чтобы подчеркнуть совершенно оригинальную позицию психоанализа:

Сексуальные явления, которыми он (Фрейд) занимается, — это те, что имеют нравственный отклик, что воздействуют на неврозы через посредство психологических явлений (...). Речь идёт исключительно о травматических воспоминаниях, связанных с сексуальными переживаниями (...). Онанизм, неполные совокупления, сексуальное воздержание интересны лишь в силу сопровождающих их эмоций и определяемых ими травматических воспоминаний (...). Такие воспоминания обнаруживаются у всех невропатов без исключения. (Psycho-analysis, с. 28 и 29).

Для нас этот метод был прежде всего методом символического и абстрактного конструирования: он показывает, как вещи могли бы объясняться в том случае, если бы сексуальное происхождение неврозов было окончательно признано. (loc. cit., с. 39).

Во многих случаях можно установить, что эти сексуальные расстройства, вместо того чтобы быть причиной всей нервной болезни, являются, напротив, её следствием и выражением. (loc. cit., с. 40).

Напротив, Жане одобряет — с некоторыми оговорками — открытия Фрейда, касающиеся вытеснения и переноса. Он одобряет в особенности «родительское смещение» в ходе переноса, но относит его к «явлениям влияния и интереса» в том виде, как он их определил.

Эта концепция вытеснения, безусловно, является одной из наиболее интересных в психологии г-на Фрейда. (Les Médications, с. 224).

Г-н Фрейд (...) находит, что моё прежнее объяснение слабостью психического синтеза совершенно недостаточно: в чём он, вероятно, совершенно прав. Он думает найти более глубокое и более точное объяснение в концепции «вытеснения», репрессии, Verdrängung. (Psycho-analysis, с. 20).

Психоанализ принимает два понятия — понятие переноса и понятие подсознания через вытеснение — и рассматривает их как основополагающие (...). Приняв эти определения раз и навсегда, он ограничивается поиском того, каким образом, в силу какой символической интерпретации, можно привязать симптом к этим основополагающим понятиям переноса и вытеснения. (loc. cit., с. 26).

Я не склонен также всецело принимать теорию, представленную г-ном Фрейдом, который связывает явления влияния с нормальными проявлениями человеческих привязанностей и прежде всего с любовью половой (...). Далеко не зависимые от неё, они (явления влияния) содержат её (чувства любви) как одну из своих разновидностей. (La Médecine, с. 185).

Критика Жане не менее категорична и применительно к психоаналитическому лечению, хотя он и признаёт ему определённые заслуги:

Интересно отметить, что речь по-прежнему идёт о методе психотерапии, корни которого уходят во французский животный магнетизм. Психоанализ является сегодня последним воплощением этих одновременно магических и психологических практик, характеризовавших магнетизм (...). Вероятно, он также познает несправедливые оценки и упадок; но, подобно магнетизму и гипнотизму, он сыграет большую роль и даст полезный импульс психологическим исследованиям. (La Médecine, с. 45).

Психоанализ — это уголовное расследование, которое должно обнаружить виновного, прошлое событие, ответственное за нынешние расстройства, и преследует его во всех маскировках. Психиатр становится сыщиком. (Les Médications, с. 224).

Следует справедливости ради отметить, что позднее, в 1905 году, г-н Фрейд признаёт, что в некоторых пунктах был введён в заблуждение неточными воспоминаниями некоторых больных (...). Он, по всей видимости, отказался от открытия истоков Нила, — говорит нам г-н Ладам. (loc. cit., с. 233).

Что касается свободных ассоциаций в частности, Жане полагает, что речь идёт о посредственном и несколько наивном приёме, ибо больной, несмотря ни на что, чувствует себя под наблюдением и больше, чем принято думать, обустроивает свои слова, чтобы произвести определённые эффекты. (loc. cit., с. 218).

Однако аналитик не всегда обнаруживает травматические воспоминания с сексуальным содержанием:

...при всём желании они не находят ничего подобного. Тогда надо изучать и интерпретировать сны (...). Если этого недостаточно, придётся уметь интерпретировать чувства, которые больной признаёт испытанными в определённых обстоятельствах (...). Эти сексуальные расстройства и эти воспоминания являются не одной из причин болезни, но существенной и единственной причиной болезни. (Psycho-analysis, с. 29 и 30).

Г-н Фрейд добавляет, что надо принимать во внимание не только слова, произносимые субъектом, но и его умолчания, тики, оговорки, натянутые шутки и т. д. ... Надо уметь понять без слов, что молодая девушка хочет выйти замуж или что она обеспокоена последствиями своих отношений с кузеном и говорит об аппендиците, потому что боится оказаться беременной. Всё это превосходно для курса молодых студентов, но

поистине я никогда бы не осмелился давать эти добрые советы врачам-психиатрам. (loc. cit., с. 10).

Применительно к интерпретации снов, которые Фрейд считает «королевской дорогой», ведем к познанию бессознательного:

Этот метод интерпретации представляется странным и весьма опасным, ибо один и тот же сон можно интерпретировать многими способами (...). Интерпретация может быть дана лишь в том случае, если заранее знаешь, в каком направлении следует её производить. (loc. cit., с. 14).

Длительность психоаналитического лечения внушает Жане иронический отклик, заимствованный из сонета Оронто в «Мизантропе»: *Полноте, сударь, время тут ни при чём. (Les Médications, с. 217).* — Ирония, умеряемая другим суждением:

Храм Эскулапа исцелил тысячи больных (...), животный магнетизм исцелил тысячи больных, гипнотическое внушение исцелило тысячи больных, психоанализ исцелил тысячи больных — это неоспоримые факты. Но для нас интересны больные, которые не исцелены и которые взывают ныне к нашей помощи. (Psycho-analysis, с. 48).

Последняя критика обращена против «огромной системы медицинской философии», порождённой психоанализом; она весьма показательна для глубинной мысли Жане:

Мало-помалу врачи были вынуждены отказаться от этой литературы; они поняли вместе со старым Аристотелем, что не следует смешивать жанры, и осознали, что ни метафизике, ни медицине нет никакого интереса в их слиянии. (loc. cit., с. 52).

В последующих главах мы будем стремиться как можно объективнее судить о справедливости критики, которую Фрейд и Жане адресовали друг другу, принимая во внимание неизбежный личный фактор в подобных делах. По меньшей мере обилие критики со стороны Жане доказывает, что он долго и тщательно изучал «психоанализ», и даже если он допускал порой ошибки, нельзя не быть поражённым справедливостью большого числа его суждений.

Вторая часть

Теории клинической психологии

Глава 1

ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

1. ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

а) Биологические данные

Не представляется необходимым приводить другие примеры, дабы показать хрупкость биологических оснований, на которые Фрейд порой опирает свои гипотезы, какими бы словесными предосторожностями он их ни окружал.

(ЖАНЕ)

В противоположность этому, Жане всегда остаётся весьма осторожным, когда прибегает к биологической информации. Единственная проблема, которую он упоминает, — это проблема мозговых локализаций, уже изучавшаяся во времена Шарко, и вполне естественно, что Жане усвоил уроки основателя патологической анатомии. Он и здесь позаботился подчеркнуть недостаточность знаний по этому предмету и ограничивается указанием на важность «старого мозга», или диэнцефала, как в формировании явлений сознания, так и в явлениях рефлексии. Его больше занимают проблемы, поднятые восприятием, — в частности, проблема отношений объект — субъект: «Единство объекта, — говорит он, — определяется актом, зависящим от потребностей и тенденций организма». По этому поводу он критикует теорию формы: «Теория восприятия, сведённая к частным актам, объясняет единство объекта, не прибегая к теории формы». В целом, в отличие от Фрейда, он не решает a-priori проблему отношений биологии и неорганического мира и их влияния на психологическую жизнь. Он упоминает духовную энергию по Бергсону, однако полагает, что «жизнь — это принцип значительно более широкий». По меньшей мере под этим углом зрения противостояние Фрейда и Жане применительно к энергетическому принципу носит радикальный характер.

б) Поляризация

(ФРЕЙД)

Фрейд поляризует психическую энергию на либидо, которое символически представляет совокупность влечений — сексуальных или агрессивных. Поляризация сама по себе упорядочивается в соответствии с принципами удовольствия и реальности и, с точки зрения психоанализа, объясняет явления заряда и разряда, согласно принципу константности. С другой стороны, поляризация определяет своего рода мутацию энергии, на которую нельзя не обращать постоянного внимания: эта энергия, «осаждающая» организм, преобразуется на уровне психического аппарата в динамизм исключительно аффективного порядка. Отсюда и происходят выражения «заряд аффектом», «инвестиция», «перенос» и т. д., так что в конечном счёте нельзя счесть преувеличением рассмотрение психоаналитической теории как теории чистой аффективности. Фрейд, правда, принимает различие, установленное Брейером «между энергией в напряжении, или скрытой, и свободно циркулирующей энергией», что позволяет, в частности, разграничивать «энергетические заряды» различных «психических систем». Но и здесь речь идёт лишь об аффективном динамизме, неизменно направленном к удовлетворению более или менее осознанного желания. Понятно, что в подобной ситуации раздражители, приходящие «изнутри» и от которых нет естественной защиты, порождают конфликты, которые сами являются аффективными.

(ЖАНЕ)

Именно на этом уровне противостояние Фрейда и Жане применительно к энергетическому принципу обнаруживает свою неустранимость. Для Жане психологическая энергия изначально недифференцирована и диверсифицируется лишь впоследствии, по мере того как появляются функции, представленные в абстракции великим семейством тенденций. «П. Жане, — пишет А. Эй, — рассматривает бессознательную силу как слепую и недифференцированную», так что динамика Жане является «изначально деполяризованной». Между тем эта недифференцированная сила согласуется с признанным ещё в прошлом веке понятием взаимозависимости физиологических и психологических функций. Вот почему Жане делает упор на роли,

которую играют нейрогормональные цепи в явлениях регуляции, а также на значении «центрэнцефала» для всех функций облегчения и синтеза.

По всей видимости, с экспериментальной точки зрения «априорная сексуальная поляризация» Фрейда не подтверждается ни применительно к гормональному аппарату, ни применительно к мозговым локализациям. Если инфантильная сексуальность доказана клиническим опытом, то с априорной поляризацией дело обстоит иначе. Сделать из инфантильной сексуальности главный источник психологического динамизма, рассматривать, кроме того, этот динамизм как находящийся на всех уровнях в зависимости от изначально перверсной аффективности — это в существенном относится к области феноменологической гипотезы, которую методическое наблюдение подтверждает лишь отчасти.

В противоположность этому, Жане основывает свой психологический динамизм на принципе действия, который соотносится в действительности с принципом нормальной активности Аристотеля и соответствует на уровне психологии энергетическому принципу. В противовес фрейдистской чистой аффективности можно постановить, что теория Жане является теорией чистой активности. Из этого следует, что вместо того, чтобы прибегать, как Фрейд, к словам-символам — таким как аффект, возбуждение, объект и т. д. — Жане придерживается понятия действующей силы, которая проявляется в двух модальностях: самой силы и психологического напряжения, — модальностях, которые можно сравнить с интенсивностью и потенциалом электрического тока. На различных уровнях могут существовать различные равновесные процессы — как на уровне силы, так и на уровне напряжения, — но как правило между силой и напряжением существует дополнительное состояние. Вот почему Жане заявляет:

«Нужно большое напряжение, чтобы уравновесить большую силу». Но он запрещает себе идти дальше, ибо природа этой силы остаётся неизвестной: «Мы совсем не знаем, что это такое, не более, чем знаем в точности, что такое электрическая энергия».

С другой стороны, действующие силы представляются в нескольких формах: «Психологические силы, — говорит Жане, — как и физические силы, могут иметь два аспекта: аспект латентности и аспект мобилизации». Но клинически наблюдаются прежде всего промежуточные степени: состояния равновесия (неустойчивого, колеблющегося, частичного), сопровождающиеся или нет явлениями резерва, ослабления, разряда и т. д. В целом сложность действующих сил такова, что их можно соотносить лишь с абстрактными моделями, которые не отражают индивидуальных особенностей. Напомним в этой связи о значении, которое Жане придаёт функциям регуляции, от которых зависят состояния инстинктуального и ценестезического равновесия. Как бы кратко это ни было, данное изложение психологической теории позволяет уточнить общий процесс, посредством которого Жане сочленяет конкретное и абстрактное — от энергетического понятия, дополненного понятием действующих сил, — вплоть до его теории тенденций.

Эта глубоко оригинальная теория поначалу не была верно понята, быть может, потому что она идёт в известном смысле против течения научного идеализма в том виде, как его определяет, например, Л. Брюнsvик. В любом случае именно о мыслителях своего времени думает Жане, когда говорит: «Они вкладывают в объекты понятия, о которых говорят, и переносят психологические понятия во внешний мир». В том же духе Аллен упрекал физика в том, что тот «принимает собственные идеи за объекты». Между тем именно обратный путь в действительности избирает Жане: «понятия, о которых он говорит» не являются предметом перенесения, но систематически выводятся из конкретного опыта. Кроме того, эти понятия не могут быть признаны действительными,

если не подтверждаются на уровне функций, то есть на уровне психофизиологического наблюдения. Одним словом, вся психологическая теория Жана основана на строгом биологическом реализме.

По Жане, наиболее тяжёлым следствием идеалистического способа мышления, применённого к психобиологии, является смешение силы и власти, соответствующих «energeia» и «dynamis» Аристотеля. «Сила существует в вещах», — говорит Жане, и «сила существует в том виде, в каком мы её мыслим». Но, добавляет он, смешивать силу, действие и власть — значит впасть в ошибку. Сила не обязательно соответствует биологическому действию, которое не транслируется автоматически во власть. Следовательно, ничто не позволяет говорить о власти вещей: «Действие не влечёт за собой непременно власть», и, кроме того, власть «не совпадает с возможностью, как думал Тэн». В действительности именно аристотелевскую теорию «dynamis» Жане переносит — *mutatis mutandis* — на уровень психобиологической эпистемологии.

Та же реалистическая забота о подчинении теоретического абстрактного конкретному опыту вновь обнаруживается в психопатологии, — в частности, применительно к понятиям психологической силы и напряжения, посредством которых он объясняет у невротиков психологическую слабость (или психастению) и гипотонию. Это последнее разграничение особенно важно, ибо влечёт за собой применение различных, если не противоположных, методов лечения. Жане рассматривает психологическую слабость как существенную причину распада функций и раздробления поля сознания. С другой стороны, гипотония не обязательно сопровождает психастению, точно так же как вольтаж электрической силы не сопровождает интенсивность. По Жане, напряжение состояло бы в более непосредственной связи с эмотивной силой, но без возможности установить между ними постоянное соответствие. В более широком смысле Ж. Руар прибегает к тривиальному образу для пояснения мысли Жане — образу поломки автомобиля. Она может произойти либо из-за отсутствия топлива, либо вследствие механических неисправностей. Первому случаю соответствуют психологическая астения и гипотония; второму — функциональные расстройства. Представляется, однако, что это последнее сравнение не вполне точно передаёт первостепенное значение, которое Жане придаёт психологической слабости в патогенезе неврозов.

В заключение, сравнительное изучение энергетического принципа позволяет измерить глубину пропасти, разделяющей теории Фрейда и Жана. Если возможно выразить в нескольких словах природу их противостояния, можно резюмировать его под тремя пунктами:

1. Фрейд переводит психологическую энергию в термины влечений и возбуждения, Жане — в термины экономии и функций;
2. Принцип удовольствия Фрейда несовместим с принципом действия Жана;
3. Психоаналитическая теория является теорией чистой аффективности, психологическая теория Жана — теорией чистой активности. Следует, однако, сделать одно замечание: Жане тоже говорит о возбуждении, но исключительно с терапевтической точки зрения, одной из существенных характеристик которой является именно соответствие — по меньшей мере у психастеников — «лечению возбуждением». Напротив, психоаналитическое лечение стремится ограничить или по меньшей мере нормализовать «тоническое эндоцеребральное возбуждение», рассматриваемое как общий принцип теории.

Последнее замечание касается различия в природе между вдохновенным подходом Фрейда и системным Жане.

В психоаналитической оптике обращение к символу порой с избытком заменяет необходимость рационального анализа — до такой степени, что достаточно вызвать влечение, либидо, аффект, соотнести их с принципами удовольствия, реальности, константности и по возможности сопрягать их двойной — топический и динамический — аспект, чтобы получить общий взгляд на теорию. Что касается Жане, то пусть даже можно допустить, что он придаёт слишком систематическое значение своему принципу действия, после строгого анализа их различных элементов можно утверждать, что его теории, по меньшей мере, сформулированы рационально. И следует восхититься творческой интуицией, которую Фрейд неоднократно проявлял в теоретических аспектах, когда они оказывались согласны с психологической реальностью.

2. ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

Генетический принцип объединяет наследственные и конституциональные особенности организма. В целом концепции Фрейда и Жане совпадают применительно к определению. Фрейд особо выделяет филогенетические (или наследственные) элементы, онтогенетические (или конституциональные) элементы и психогенетические элементы, находящиеся в постоянной связи. Со своей стороны, Жане долго изучал проблемы, относящиеся к психогенезу. Его можно даже считать предтечей этой сравнительно молодой гуманитарной науки, которой он посвятил свои последние труды: «Начала интеллекта», «Индивидуальность», «Интеллект до языка» и др.

Но в трактовке детского развития их расхождение неустранимо. Тогда как Жане с большой точностью и в объективно анализирует важнейшие проблемы нормального психического становления и механизмы регуляции психогенеза, Фрейд с самого начала помещает ребёнка под знак драматизации и первичного фантазма. Отсюда следует, что ребёнок должен очень рано и бессознательно развивать весьма сложные защитные механизмы, чтобы нейтрализовать свои интрапсихические конфликты, преодолеть комплекс Эдипа, враждебность к отцу, тревогу кастрации и т. д. Несмотря на это, он от природы является с сексуальной точки зрения «полиморфным перверсом» и постоянно проявляет в ходе своего роста невротические явления.

В более общем плане Фрейд считает, что и взрослый человек не обладает естественным психическим равновесием, и по меньшей мере «все мы немного истеричны». В том же духе Марта Робер признаёт, что Фрейд «уничтожает всякую границу между нормальным и извращённым, между сексуальностью взрослого и невинностью ребёнка. Даже в коротком изложении видно, что по генетическому принципу расстояние между Фрейдом и Жане ещё больше, чем по энергетическому: у одного — драматизированная, конфликтная, сексуализированная картина развития, у другого — реалистическая, функциональная и регуляторная.

Эти различные проблемы будут рассмотрены подробнее далее. Их изложение достаточно для того, чтобы отметить радикальную антиномию между теориями Фрейда и Жане, — ещё более радикальную в том, что касается генетического принципа, нежели применительно к энергетическому принципу.

ТЕНДЕНЦИИ И ВЛЕЧЕНИЯ

Следовательно, есть совокупность отношений между влечением, объектом и ожидаемым удовлетворением — отношений, которым Фрейд дал название объектных отношений: они составляют часть субъекта, но обнаруживаются лишь в контакте с объектом, который, по существу, выполняет функцию проявителя возбуждения.

в) Цель

Она соответствует устранению возбуждения, вызванного объектом: «Влечение всегда стремится к удовлетворению, которое может быть достигнуто лишь путём устранения состояния напряжения у самого источника влечения». Следовательно, влечение включает желание, порожаемое объектом, и удовлетворение этого желания выражает удовольствие.

Когда удовлетворение не достигнуто, возникает неудовольствие, на уровне которого вступает принцип реальности. Но, как замечает Д. Лагаш: «Принцип реальности не свергает принцип удовольствия: это лишь его защита; непосредственное удовольствие откладывается в пользу более верного будущего удовольствия». Фрейд подтверждает: «Весь наш психический аппарат служит для того, чтобы доставлять нам удовольствие и избавлять от неудовольствия». Так подтверждается превращение двигательной активности в систематическую аффективность.

Верно, что Фрейд различает влечения «Я» и сексуальные влечения, — первые соответствующие изначально инстинкту самосохранения, вторые — инстинкту воспроизведения. Но по Фрейду, самосохранение сопровождается латентной агрессивностью аффективной по характеру. Что касается сексуальных влечений, Фрейд рассматривает их как динамический элемент отношений между объектом, тоническим возбуждением и разрядкой-удовлетворением.

Несмотря на поправки, внесённые в свои первые теории, нельзя отрицать, что сексуальность господствует во всём психоанализе. По Фрейду, сексуальные влечения «вторгаются всюду». Кроме того, «они многочисленны, исходят из множества органических источников, поначалу действуют независимо одно от другого и лишь впоследствии объединяются в результате более или менее совершенного синтеза. Цель, к которой стремится каждое из них, — это органное удовольствие». Этот важный вопрос будет рассмотрен далее.

Теория влечений вдохновила Фрейда на одно из его важнейших открытий — открытие интрапсихического конфликта. Можно допустить, что понятие конфликта имплицитно присутствует в теориях Жане, — в частности, применительно к антагонизму, замещению, дренажу или регуляции тенденций, — однако это именно Фрейд определил термин и при этом поместил конфликт в свою систему Бессознательного. Во второй топике элементами конфликта оказываются уже не только неудовлетворения или «нехватки», компульсии повторения, вытеснения, фиксации и т. д. ... и не только вторичные защитные механизмы, смещения, аннуляции и т. д. ... В самом деле, как замечает Д. Лагаш: «Психоаналитические объяснения мыслятся более не в терминах влечений, но в терминах защиты «Я» от влечений и эмоций».

С другой стороны, Фрейд объясняет, что место конфликта — это «Я», и что в то же время конфликт одновременно и создает «Я», и им же порождается. Отметим вскользь двусмысленность объяснения, но прежде всего нельзя не быть поражённым описанием «Я»: Фрейд рассматривает его как «осаждённую крепость», которой приходится обороняться не только от влечений «Оно», но и от агрессий внешнего мира, и от суровости «Сверх-Я» — тройная опасность, которой соответствуют «три разновидности тревоги». Можно оценить масштаб пути: от первоначального понятия влечения как органической потребности до представления о нём как о бессознательном участнике конфликтов Я.

Эти два понимания не противоречат друг другу, но они уживаются только внутри весьма абстрактной диалектики, где символика иногда заменяет строгую логику.

По меньшей мере абстрактная концепция влечения как генератора конфликта, а также «Я», рассматриваемого как «сложная совокупность» или как «модель», могут быть, возможно, оправданы с точки зрения столь же абстрактной феноменологии, однако почти утрачивают контакт с психобиологическим опытом структур. Ибо, как метко замечает М. Бенасси: «Субъекты рождаются с различными инструментами. В наследство получают не готовые формы поведения, а средства и способы для поведения».

Это замечание могло бы применяться к психоаналитической теории в целом. Возьмём пример — сублимацию, которая в действительности является высшей целью влечения: Фрейд рассматривает сублимацию как наиболее «здоровый» из защитных механизмов однако лишь потому, что она, по его мнению, соответствует «разблокированию» сексуальных влечений на не-сексуализированную цель-объект, — разблокированию, в котором обычно участвует суровость Сверх-Я. Между тем сублимация сама по себе соотносится с абстрактными моделями эдипова периода, что *a priori* противоречиво. В качестве примера: «Человек переживает своё «анальное удовольствие» детства, накапливая богатства; хирург преобразует свой инфантильный садизм, оперируя больных; артист компенсирует свою скрытую агрессивность, исполняя драматические роли; дружба есть транспозиция гомосексуальных тенденций; певец, оратор реализуют сублимацию орального типа» и т. д. Здесь вновь использование слов-символов, по всей видимости, не способно заменить валидацию гипотез.

3. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Ранее перечисленные данные представляются достаточными для сравнительного исследования теорий Фрейда и Жана. Прежде всего заметим, что тенденция, наравне с влечением, является абстрактным понятием, которое можно рассматривать, по выражению Д. Лагаша, как «пограничное понятие между биологическим и психическим». Но тенденция соотносится с принципом действия, тогда как влечение — с принципом удовольствия. Кроме того, если тенденция и влечение оба вытекают из основополагающих принципов — энергетического и генетического, — то отношение Жана между энергией, действием и тенденцией представляется значительно более рациональным, нежели отношение Фрейда между энергией, желанием и влечением.

Точнее говоря, если это верно, то следует признать всю деятельность психики на аффективном плане, признать тиранию «Короля-Желания», первым министром которого было бы удовольствие. Независимо от символического приёма, по всей видимости, Фрейд порой пренебрегает биологией в пользу диалектики, не всегда соблюдающей принцип достаточного основания. В крайнем случае можно допустить, что отношение желание–удовольствие принадлежит к синекдохе в том смысле, что оно подразумевает большее, говоря меньшее, и обозначает часть вместо целого.

Ещё более затруднительно определить удовольствие — понятие смутное и чисто субъективное. Это не чувство, подобное радости, и не состояние более или менее длительное, подобное счастью. С другой стороны, ничто не позволяет *a priori* отождествлять удовольствие с удовлетворением желания, и неудовольствие — с его неудовлетворением. И прежде всего нерационально обобщать процесс полового акта (инвестиция, напряжение, разряд, удовольствие) и распространять его на всю аффективную жизнь во имя принципа константности, ибо все наши органические функции, все наши интеллектуальные, социальные, нравственные склонности и т.д. являются источниками удовольствия или неудовольствия. Именно в этом смысле Гамлен думает определить удовольствие «когда представляет его как оценку субъектом, с его точки зрения субъекта, состояния, в которое его привело удовлетворение тенденции». Однако это определение, волей-неволей, является причинным, поскольку состояние удовольствия есть следствие удовлетворения, и потому не может считаться характеристикой. Таково мнение М. Марсаля, констатирующего, что ценность определения Гамлена «есть функция того, что он понимает под тенденцией (...). Из двух терминов — удовольствие и тенденция — один непременно является первичным. А в порядке познания, в психологии, именно удовольствие должно быть сохранено как неопределимое». Фрейд думает устранить трудность, отождествив удовлетворение и удовольствие, — однако в таком случае можно задаться вопросом, рационально ли отождествлять некое движение с сопутствующим ему психическим впечатлением.

Со своей стороны, Жане допускает, что акт первичен по отношению к удовольствию, что согласуется не только с логикой, но и с психофизиологическим опытом. Для примера: когда ребёнок пьёт из бутылочки, удовольствие сосания вторично по отношению к удовлетворению питательной потребности. Доказательство тому — если дать ребёнку пустую бутылочку, неудовольствие, которое он испытывает, неизбежно вторично по отношению к неудовлетворению жизненной потребности. Отсюда следует, что «оральная стадия» должна соотноситься с инстинктом самосохранения, а не с «первичным фантазмом» либидинального характера. Принцип действия Жане, таким образом, более логичен, нежели принцип удовольствия Фрейда.

В действительности он согласуется с принципом нормальной активности Аристотеля, согласно которому: «Удовольствие завершает акт (...) как своего рода цель, к нему прибавляющаяся, подобно тому, как к юности прибавляется красота» («Никомахова этика», X, гл. IV).

Ещё одно различие состоит в господствующей роли, приписываемой Фрейдом сексуальным влечениям, тогда как для Жане половой инстинкт соответствует лишь одной из форм жизненной энергии. Вернёмся к примеру с сублимацией: двусмысленность «разблокирования» сексуальных влечений в том виде, как его понимает Фрейд, обусловлена тем, что неизвестна природа гетерогенных сил, ответственных за него, и что, кроме того, компоненты «суровости Сверх-Я», которые Фрейд уподобляет репрессивным силам родительского или социального происхождения, с необходимостью носят сексуальный или агрессивный характер. Непонятно, каким образом эти силы, даже подчинённые принципу реальности, определяют сублимацию, которая уже не является ни сексуальной, ни агрессивной.

В противоположность этому, объяснение Жане одновременно проще и естественнее: то, что Фрейд называет сублимацией, Жане приписывает «торжеству» высших тенденций, «сверхактивированных», или надстроенных над низшими тенденциями вследствие психологического динамизма особого качества. Объяснение Жане предлагает, кроме того, преимущество установления достаточно чёткого различия между нормальной и

патологической сублимацией. В качестве примера он изучает блаженство и характеризует его «подавлением двигательной активности в пользу деятельности внутренней мысли, сверхактивированной великим чувством радости». В конечном счёте происходит качественная поляризация в определённом направлении внутренней мысли.

Но в нормальном состоянии это поляризованное блаженство остаётся подчинённым психофизиологической регуляции, какова бы ни была при этом интенсивность аффективных реакций. Напротив, экстаз становится патологическим, как только оказывается следствием психологической слабости, сужения поля сознания и вытекающего отсюда моноидеизма. Сублимация налицо, но уже нерегулируемая. Впрочем, сопровождающее её гипноидное состояние, фабуляции, галлюцинации и нередко даже бред подтверждают её патологический характер.

Столь же радикально противостоят Фрейд и Жане в отношении понятия объекта. Для Жане понятие объекта неотделимо от сложных механизмов восприятия — в том же смысле, что и теории У. Джеймса применительно к общей тенденции субъекта к построению посредством синтетического движения единства воспринимаемого объекта.

Кроме того, эта деятельность синтеза перцептивных данных «зависит от потребностей и тенденций организма».

Следовательно, объект соответствует реальности — либо экстероцептивной, либо проприоцептивной. Он становится фантазматическим лишь тогда, когда перестаёт соответствовать перцептивной реальности, — либо в ходе нормальной игры воображения, либо как невротическая дереализация.

Подход Фрейда совершенно иной. В целом он осуществляется в обратном направлении по сравнению с феноменологической интенциональностью: объект в известной мере составляет часть субъекта, так что восприятие играет лишь роль проявителя — такова, в действительности, значимость объектных отношений. Но прежде всего Фрейд устанавливает постоянную связь — поначалу чисто гипотетическую, затем рассматриваемую впоследствии как психическая реальность — между объектом и фантазмом по меньшей мере в момент пробуждения сознания. По его мнению, изначальный объект ребёнка — это мать (или её заместитель), которой он бессознательно приписывает магическое значение: протофантазм Эдипа берёт начало с первых контактов ребёнка и матери. Одновременно материнский объект нагружается драматическими инвестициями, порождающими враждебность к отцу, тревогу кастрации, «полиморфное» извращение и т. д., и играет определяющую роль в психогенезе и психическом развитии ребёнка, даже когда тот приходит к тому, чтобы «преодолеть Эдипа». По меньшей мере эти объяснения, по всей видимости, не отвечают строгому научному рационализму и во всяком случае не выдерживают сравнения с концепциями Жане.

(ЖАНЕ)

Другая важная проблема — это проблема языка, которую Жане особенно изучал в своих последних трудах, в частности, с точки зрения психогенеза. По его мнению, язык соответствует интеллектуальному поведению, от которого зависит «внутренняя мысль» не меньше, если не больше, чем межличностные отношения: «Язык есть, в конечном счёте, лишь последний результат всего элементарного интеллектуального поведения». Кроме того, язык неотделим от перцептивной активности, ибо именно слово (платоновское «онома») «фиксирует акт восприятия и придаёт объекту единую форму» или по меньшей мере позволяет перевести «элементарный интеллектуальный акт, различающий форму в

этом тотальном акте восприятия». Но слово, как фиксирующий агент акта восприятия, служит посредником между различными формами интеллектуального поведения, а также между различными формами интеллектуального поведения и двигательной активностью.

Жане принимает точку зрения Бергсона: «Слово, созданное для того, чтобы переходить от одной вещи к другой, по существу своему подвижно и свободно» («L'Évolution Créatrice», 1907, с. 173).

Вот почему Жане считает, что «проблема языка состоит в понимании того, откуда берётся та дополнительная сила, которую язык прибавляет к действию», и, с другой стороны, в анализе его «исключительной эффективности» не только в акте восприятия, но и через его «точки приложения», равно как его социальное влияние.

Упомянем важный элемент теории Жане — отношения языка с внутренней мыслью. Здесь вновь эта теория предвосхищает новейшие достижения психогенеза: «Мысль не появляется с самого начала жизни, она предполагает определённую степень развития». Но если Жане уподобляет мысль внутреннему языку, он также рассматривает её как поведение особого рода, так что говорить с самим собой — это уже следовать поведению: язык есть действие. В том же смысле он определяет мысль как «совокупность поведений, являющихся внутренними». Напротив, признавая первенство мысли перед двигательным действием, он не углубляет своего анализа дальше, поскольку это вышло бы за пределы психологии: «Психология поведения, рассматривавшая сначала внешние акты, способна ли дать отчёт о явлениях мысли?» На этот вопрос Жане отвечает отрицательно, но вместе с тем возражает против психофизиологического механизма: «Наше поведение — это не просто механизм, всегда одинаково реагирующий на раздражители, приходящие из внешнего мира». Эти последние цитаты недвусмысленно свидетельствуют, что, рассматривая функцию языка как ассимилируемую интеллектуальной тенденцией, Жане критикует не только избыток символизма, а также систематическое обращение к магическим представлениям первобытного мышления в психоаналитической теории, но и статистический автоматизм стимула–реакции в бихевиористских теориях.

(ФРЕЙД)

Для Фрейда проблема языка тоже первостепенна, но он решает её по-своему, создавая собственный язык. П. Рикёр хорошо показал, что глубокая оригинальность мысли Фрейда требовала соответствующего языка, однако, что вместе с тем интерпретация этого языка становилась философской задачей (ср. П. Рикёр, «De l'Interprétation, Essai sur Freud»). Именно через язык Фрейд ворвался в философию, хотя и разоблачал при случае как «возвышенные требования», так и «пустословие» философов (Inhibition, с. 12).

Существенное отличие от Жане состоит в том, что Фрейд ни в коем случае не рассматривает язык как интеллектуальную функцию, но скорее как выражение сверхдетерминации реальности. Вот почему он позволяет себе наделять особым смыслом употребляемые им термины и прежде всего признавать за ними символическую ценность в рамках своих гипотез. Он создаёт таким образом для собственного употребления герменевтику, в которой символ, метафора, миф, археологические отсылки порой заменяют логическое рассуждение.

Отсюда следует, в частности, что Фрейд и Жане не только обозначают одни и те же клинические факты различными терминами, но прежде всего наделяют употребляемые ими термины различными значениями. Наиболее характерный пример — это расстройства внутренней мысли, связанные с большим числом психоневротических состояний

вследствие того, что они касаются одновременно механизмов восприятия, представления и языка. В нормальном состоянии можно сказать, что для Жанае внутренний динамизм слова позволяет фиксировать объект по отношению к окружающей среде, тогда как Фрейд интересуется лишь объектными отношениями и соответствующими представлениями, что приводит его к фиксации самого слова, наделяя его при этом символической и сверхдетерминированной ценностью.

У душевнобольных это лингвистическое различие оказывается усиленным в несоразмерных пропорциях вследствие того, что всякие расстройства внутренней мысли с необходимостью отражаются в языке. Для Жанае расстройства языка являются следствием распада высших функций, поскольку функция языка соотносится с интеллектуальными формами поведения. В совершенно иной перспективе Фрейд считает, что внутренняя мысль подчинена «всемогуществу идей», и, с другой стороны, что расстройства этой мысли носят тот же характер, что и анимистическая магия: язык становится вторичным по отношению к идее, и у душевнобольных он сам становится магическим, символическим и мифологическим. Антиномия между концепциями Жанае и Фрейда здесь принципиальна и неразрешима.

II. АФФЕКТИВНАЯ ЖИЗНЬ

Сравнительное изучение аффективной жизни представляет особый интерес, поскольку Жанае в той же мере, что и Фрейд, пожертвовал духу системы: Жанае подчиняет аффективность принципу действия и вытекающим из него тенденциям, тогда как для Фрейда именно аффективность упорядочивает влечения согласно принципу удовольствия.

Возникает предварительный вопрос о значении основных терминов, используемых Жанае и Фрейдом. Во многих случаях их значение варьируется в значительных пропорциях, и эта семантическая двусмысленность отчасти объясняет доктринальные расхождения или непонимания. Ради упрощения сравнение будет сведено к нескольким существенным терминам: аффективность, чувствительность, чувство, эмоция.

1. АФФЕКТИВНОСТЬ

В широком смысле аффективность обозначает совокупность аффективных состояний и как таковая соответствует простой, неразложимой идее, которую можно определить лишь приближённо, путём сравнения и исключения. Нередко различают так называемые пассивные аффекты (удовольствие, боль, эмоция) и аффективные тенденции (склонность и страсть).

По данному вопросу теория Жанае оригинальна, но не избегает некоторой критики. Для него аффективность связана и ограничена представлением ощущений — без какой-либо примеси идей. Она является либо экстероцептивной, либо проприоцептивной, соотносясь с мнемоническими приобретениями. Но прежде всего Жанае полагает, что во всех случаях речь идёт лишь об автоматическом и реакционном движении, что противоречит психобиологическому опыту. Со своей стороны, Фрейд остаётся верен своему обычному способу мышления и основывает свою теорию аффективности целиком на слове-символе — аффекте, — чья семантическая перегруженность не обходится без двусмысленности. Он будет рассмотрен далее.

2. ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Она определяется в целом как «способность испытывать и производить реакции, аффективного характер». Из этого определения выделим два главных элемента: аффективное состояние и аффективная реакция. Ниже мы увидим, что Жане признаёт лишь аффективную реакцию (реакцию на психологическое действие), так что для него чувствительность и аффективность являются синонимами, с той, однако, оговоркой, что чувствительность охватывает более непосредственно психоорганические реакции. Одним словом, чувствительность у Жане безразлично соответствует немецким терминам *Sensibilität* и *Affektivität*.

Со своей стороны, Фрейд нечасто употребляет термин «чувствительность», наделяя его иным значением по сравнению с Жане — *Sinnlichkeit*, приближающимся к определению Канта: «Способность иметь представления (*Vorstellungen*) в зависимости от того, как объекты воздействуют на нас». Ниже мы увидим, с помощью каких процессов Фрейд приходит к установлению абстрактных отношений между чувствительностью, объективными отношениями, представлением и идеогенией.

3. ЧУВСТВО

(ЖАНЕ)

Жане сформулировал теорию чувства, которая, без сомнения, является слабым местом его психологического динамизма, — прежде всего потому, что для него чувства «суть реакции на наши собственные действия». Кроме того, он считает, что чувства «зависят от функций, играющих большую роль в организме, — функций регуляции». Точнее: «Обычные действия происходят от раздражителей внешнего мира. Чувства, напротив, суть внутренние реакции. Они, как говорит Шеррингтон, проприоцептивны». И в другом месте: «Чувства конституированы именно этой совокупностью реакций на наши собственные акты, и таким образом — рассматривая чувства как регуляции действия — можно отвести им место в психологии поведения и объяснить их тем же образом, что и другие психологические явления». Именно из этого отношения между реакцией и регуляцией Жане выводит четыре «основополагающих» чувства: усилие, усталость, тревогу, торжество, — носящие по своей природе существенно реакционный характер, и которые Жане отличает от «аффективных» чувств: симпатии, печали, веселья и т. д.

Г-жа Фаве-Бутонье не принимает теорию Жане: «Он ошибается, — говорит она, — полагая, что чувство приходит после действия, — в действительности оно приходит вместе с ним». Кажется даже, что в некоторых случаях именно чувство управляет действием.

В качестве примера: ценестезическая тревога (*Angst der Kreatur*) с необходимостью предшествует действию, которое она определяет, или, точнее, оказывает приоритетное влияние на поведение. То же верно и в отношении некоторых «аффективных» чувств, — например, ревности. С другой стороны, трудно допустить вместе с Жане, что сентиментальные реакции переходящи и нормально сменяются возвратом к спокойствию: «Спокойствие, — говорит он, — единственное состояние, к которому стремится развитый человек». Возможно, что в этом пункте Жане уподобляет чувство эмоции, — однако, как бы то ни было, можно допустить вместе с г-жой Фаве-Бутонье, что «место, отведённое чувству, похоже, не уменьшилось, — скорее напротив».

Наконец, различие между основополагающими чувствами и аффективными чувствами представляется чисто умозрительным, — тем более что ныне сведения, доставляемые экспериментальной психологией и подтверждённые нейрофизиологией, позволяют

заклЮчить об относительной автономии сентиментальных движений вообще: признано, что эти движения зависят от сложной совокупности связей между таламусом и корой. В частности, таламус, как констатирует Ж. Делэй, «является органом существенно чувствительным». Напротив, с нейрофизиологической точки зрения невозможно установить классовое различие между чувствами.

Как бы то ни было, уместно напомнить в этой связи утверждение Ж. Пиаже: «Психология — это прежде всего биология».

Зато положительный элемент теории соответствует значению, которое Жане придаёт функциям психофизиологической регуляции: «Человек учится реагировать на действия себе подобных (...), а затем применяет это поведение к себе самому и учится реагировать на собственные действия», — откуда следует, что эти реакции (сентиментального порядка).

...если верно, что чувство участвует в формировании личности и в равновесии сил, то не менее верно и то, что формирование личности зависит также от рефлексии, суждения и воли, которые должны порой, напротив, нейтрализовать сентиментальные реакции и от которых в конечном счёте зависит самообладание. В любом случае, если чувство нередко является регулятором действия, бывает также, что действие — и прежде всего волевое действие — в свою очередь является регулятором чувства.

Можно также допустить у Жане определённое смешение чувства и эмоции, в частности, когда он считает, что чувство является одновременно знаком и местопребыванием наиболее сильных психических расстройств: «В нормальных чувствах, — говорит он, — есть изменчивая сложность, противостоящая сильной и длительной простоте патологических состояний. Не преувеличивая парадокс, хочется сказать, что для того, чтобы действительно наблюдать тревоги, усталости, печали или радости, надо идти наблюдать больных; у нормального человека есть лишь наброски чувства». Но напротив, некоторые неврозы характеризуются крайней бедностью сентиментальной жизни больных.

Справедливо признать в заключение, что Жане позаботился смягчить строгость своей теории, уточнив, что его принцип не должен быть «ни всеобъемлющим, ни исключительным».

(ФРЕЙД)

Фрейд, со своей стороны, редко употребляет слово «чувство» и рассматривает его преимущественно в нравственном или социальном смысле. Его занимает, по существу, не само чувство, а психические расстройства, являющиеся его следствием, и именно эти расстройства он включает в два ключевых термина: аффект и волнение. Кроме того, эти слова-символы в известном смысле динамизируются благодаря понятию инвестиции, которая количественно и качественно управляет объектными отношениями. В этом феноменологическом построении чувство лишь косвенно отвечает кантовскому определению *Sinnlichkeit*, ибо если по-прежнему верно, что «посредством чувствительности объекты нам даны», то уже нет обязательного соответствия между конкретным психоорганической чувствительности и абстрактной символизацией аффективных расстройств.

Итак, если определение Жане оспоримо, то определение Фрейда двусмысленно. Это объясняет тот факт, что порой психоаналитическое чувство может быть принято без

ущерба в смысле эмоции или даже осознания. Вот несколько примеров: «Чувство вины (суровость Сверх-Я) — это и есть то же самое, что строгость совести; это восприятие «Я» слезки, которой подвергается «Я»».

И в другом месте: «Мы знаем (...) два источника чувства вины: один — это тревога перед авторитетом, другой, более поздний, — тревога перед Сверх-Я», — откуда рождается угрызение совести. В этом последнем случае чувство может быть переведено как осознание, следующее за «зарядом аффектом», и уже почти не соответствует *Sinnlichkeit*. Упомянем в этой связи, что Жане воздал должное Фрейд применительно к поведению вины, но не применительно к процессам виновности. Другой пример: «Религия, нравственность, общественное чувство — эти три основных элемента высшей сущности человека...» Здесь общественное чувство является синонимом социального сознания. С другой стороны, изучая «психологическую массу» толп, наделённых «коллективной душой», он замечает, что толпы «испытывают одни и те же чувства в присутствии данной ситуации», однако, что в силу их коллективного состояния эти чувства достигают особой интенсивности, вытекающей из «аффективного заражения». Здесь чувство сливается с эмоцией.

В заключение, объяснительные определения чувства могут быть поставлены под сомнение как у Фрейда, так и у Жане, но по весьма различным причинам. И прежде всего между их соответствующими определениями остаётся очень мало точек соприкосновения. Если таковая и есть, то это, быть может, та, которую можно установить применительно к понятию «заряда аффектом», или количественному фактору инвестиции. По Фрейд, этот заряд варьируется, с одной стороны, в зависимости от «тонического эндоцеребрального возбуждения», а с другой — от «психического напряжения», откуда берётся различие между стеническими аффектами, «компенсирующими напор возбуждения посредством двигательного разряда», и астеническими аффектами — такими как страх или тревога. Между тем есть все основания полагать, что в этом пункте Фрейд вдохновлялся понятиями психологической силы и напряжения в том виде, в каком их определил Жане.

Но в действительности мы вновь обнаруживаем здесь фундаментальное противостояние между принципом удовольствия Фрейда и принципом действия Жане. Аффект управляет действием, а не является его реакцией, так что в конечном счёте весь психический аппарат носит аффективный характер. Кроме того, первенство, отдаваемое Фрейдом сексуальным аффектам, влечёт серьёзные последствия для психического равновесия: «Быть может, не лишне всякий раз указывать, — говорит Фрейд, — что половой фактор далеко превосходит по важности и по патологическим последствиям все прочие факторы».

Но, с другой стороны, он уже у ребёнка обнаруживает сексуальную перверсию и периоды невроза, откуда можно заключить, что в крайнем случае «чистая аффективность» Фрейда является нормально патологической аффективностью, к тому же подчинённой влечениям, в значительной части неуправляемым. Вмешательство как принципа реальности, так и «суровости Сверх-Я» лишь отчётливее обнаруживает аффективное состояние «Я», психическое равновесие которого всегда находится под угрозой и неизменно подчинено реакциям тревоги.

В более широком смысле можно сказать вместе с г-жой Фаве-Бутонье, что «оригинальность психоанализа состоит в том, чтобы объяснить единство человеческой души, познавая её чувства». Если оставить пока в стороне проблему «обособленных областей» сознания, остаётся, однако, что эта чистая аффективность несовместима с чистой активностью Жане. И если верно, что теория Жане чрезмерно систематизирована, то не менее верно и то, что всякий раз, когда чувство может быть интерпретировано как

простое психическое впечатление, следующее за неким движением, оно соответствует в действительности проприоцептивной реакции, вытекающей из движения. Однако в большинстве случаев это психическое впечатление задействует специфические структуры аффективности, связанные с памятью или воображением, и именно в этом пункте теория Жана, по всей видимости, может считаться неполной. Хотя, по существу, она представляется более рациональной и более близкой к биологической конкретике, нежели теория Фрейда.

4. ЭМОЦИЯ

Фрейд и Жане сходятся на динамической концепции эмоции, а также на её важности в формировании невротических симптомов, однако расходятся в формулировке теоретических гипотез.

Эмоция определяется с трудом — идёт ли речь о тонкой эмоции, эмоции-шоке или дезорганизирующем переживании. Во всех случаях эмоция соответствует движению, исходящему из раздражителя — либо экстероцептивного, либо проприоцептивного, — которое изменяет или нарушает психическое состояние. В употреблении и по примеру английских психологов термин нередко распространялся на совокупность аффективных явлений. Уже Поль Жане, дядя Пьера Жане, даёт эмоции определение того же порядка и проводит различие лишь между эмоцией и ощущением: «Эмоциями мы будем называть ощущения, рассматриваемые с аффективной точки зрения, то есть как удовольствие и боль, оставляя название ощущения для явлений представления». Одни авторы различают эмоцию-шок и эмоцию-чувство; другие характеризуют её спонтанностью и тем фактом, что она относится к элементарному аффекту так же, как страсть к склонности. Прадин устанавливает законы контраста, насыщения, обстоятельств, адаптации и т. д., чтобы отличить её от других аффективных движений. В целом термин употребляется в весьма различных значениях, и эта двусмысленность не позволяет установить точное сравнение между концепциями Жана и Фрейда. Потому и ограничимся несколькими понятиями, относящимися к невротическим расстройствам, в которых эмоция играет важную роль.

(ЖАНЕ)

В духе У. Джеймса Жане допускает органическое происхождение эмоционального движения. Кроме того, он констатирует, что эмоции «значительно менее отчётливы, чем чувства, в сознании и порождают более сильный беспорядок», почти всегда сопровождающийся реакциями соматического порядка. Следовательно, есть большое различие «между эмоцией и хорошо организованным чувством». В своих элементарных проявлениях эмоция есть «вырывание инстинкта»; в своих наиболее тонких проявлениях она выражает «рекуррентность в изменённой форме некоторых телеологических движений». В ряде своих трудов Жане анализирует эмоциональные процессы — как в связи с психологическим автоматизмом, так и в возникновении или изменении симптомов. Он описывает начальный шок, затем период инкубации (или моральный период), затем активный период в результате мобилизации дремлющих резервов, нерегулярных расходов, и, наконец, стадию истощения. Он констатирует также частые связи эмоций с памятью или воображением, а у невротиков — с подсознательными процессами, вытекающими из фиксированных идей или травматических воспоминаний.

Но неизменно он привлекает регуляторные функции и принципиально различает эмоции нормального субъекта и невротика.

(ФРЕЙД)

В весьма иной перспективе, но аналогичной той, что он принимает применительно к чувству, Фрейд почти не говорит об эмоции — лишь о волнении, которое он наделяет символической ценностью наравне с аффектом. В «Исследованиях истерии» речь идёт о диффузных эмоциях, сопровождающих грёзы, о «неэмоциональных сумеречных состояниях», о «эмоциональных представлениях» или же о травмирующей эмоции, — однако в большинстве случаев Фрейд обращает всё своё внимание на психические расстройства, порождённые эмоциональным движением, а не на саму эмоцию. Сравнение и здесь не позволяет установить никакого согласования между концепциями Жане и Фрейда.

В заключение, фундаментальное различие между психологическим динамизмом Жане и психоаналитической динамикой обусловлено тем, что Жане исходит из движения, чтобы прийти к организации (или структуре), тогда как в обратном направлении Фрейд исходит из структуры и стремится объяснить её движения.

Жане недвусмысленно уточняет, что психологическая энергия постоянно направлена к построению единства формы, так же как физическая энергия лежит у истоков единства объекта. Без сомнения, он вспоминает Аристотеля: материя влюблена в форму. Во всяком случае именно в аналогичном смысле он заявляет: «Тенденция к интеграции и к построению единства является существенным характером интеллекта и даже действия, она применяется к построению личности так же, как к построению атома», — признавая при этом, что личность не обязательно достигает совершенного единства. Психологию Жане можно, таким образом, квалифицировать как молекулярную.

В диаметрально противоположной перспективе Фрейд определяет прежде всего структуры, которые прогрессивно преобразует в абстрактные модели, затем стремится собрать их воедино, устанавливая потоки энергии, содержащие различные «уровни» и материализующиеся различными «способами иннервации», природа которых не уточняется.

Можно ли, таким образом, квалифицировать и психоаналитическую теорию как молекулярную? Так подтверждается ключевое различие, постулированное в начале этой главы, между функциональным характером теорий Жане и структурным характером теорий Фрейда.

ГЛАВА 3

СЕКСУАЛЬНОСТЬ

Проблема сексуальности — это та, что поначалу вызвала самые яростные нападки на психоанализ. Как можно было видеть в главе II, Жане сам неоднократно подверг её обстоятельной критике, признавая при этом достоинства «этой странной, парадоксальной, но не лишённой величия доктрины».

(ЖАНЕ)

Со своей стороны, Жане не изучает специально, как это делает Фрейд, более или менее нормальные последствия сексуальных влечений и тем более конфликты «Я», из них вытекающие, но сексуальность как таковую, которую он переводит в термины первичной тенденции, функции и поведения. Последнее анализируется особенно с социальной точки зрения. Впрочем, он не претендует на новизну в этой области и называет нескольких авторов, которыми вдохновлялся, в частности, Крафта и Эбинга в 1880 году. Он цитирует

также Шиллера, который ещё около 1780 года заявлял: «Я вижу, как философы занимаются множеством явлений, но недостаточно занимаются явлениями сексуальными, которые, однако, вместе с алиментарными тенденциями являются преобладающими социальными формами поведения».

По своему обыкновению, сексуальные тенденции анализируются с величайшей точностью. Прежде всего он относит их к категории элементарных социальных форм поведения. Затем анализирует их отношения с любовью. Применительно к «любовно-обладанию» он различает сексуальное обладание и нравственное обладание: первое соответствует физиологическому акту, требующему огромного расхода сил («больше, чем у локомотива»), а второе — социальному поведению особого рода. Кроме того, он различает «любовь-стремление», в котором стремление к половому акту составляет примерно лишь половину случаев, а другая половина относится либо к симпатии, либо к реализации интересов или потребностей: потребности в направлении, в восхищении, в приключениях или в самопожертвовании.

Он изучает также отношения сексуальных тенденций со сном, со стыдливостью, с извращением и т. д. Следовательно, признавая важность сексуальности, он полагает, что она ответственна лишь за половину мотиваций — как на индивидуальном, так и на социальном уровне.

То же переносится в психиатрическую область. Для Жане невротик занят сексуальными проблемами не более нормального субъекта, и прежде всего он не допускает, как Фрейд, что «этиология неврозов должна определяться сексуальными факторами». В частности, применительно к истеричным, Жане заявляет, что «они не более эротичны, чем нормальные люди», и в большинстве случаев привлекает разлаживающее действие чрезмерной эмоциональности. Кроме того, психическая слабость, сужение поля сознания, моноидеизм поляризуют и концентрируют внимание больного на сексуальных объектах, — откуда Жане заключает, что сексуальные расстройства невротиков могут в той же мере оказаться следствием, что и причиной симптомов.

(ФРЕЙД)

Хотя на практике Фрейд и смягчил свой первоначальный пансексуалистский уклон, он никогда не переставал придавать сексуальным влечениям преобладающее влияние для всех структур психики и для всех форм социального поведения. Сексуальное влечение служит ему моделью для поведения в целом: изначально оно выражается в виде желания, или потребности в удовлетворении, которая определяет состояние психологического напряжения, затем выражается в инвестиции вслед за «объектным» представлением и завершается разрядом, обуславливающим возврат к психическому равновесию. То же самое для всех механизмов — сознательных или бессознательных — с тем усугубляющим обстоятельством, что неудовлетворения, вытеснения, защитные механизмы, компульсии повторения, первичные извращения, тревога и т. д. автоматически драматизируются и переоцениваются, исходя из «протофантазма» первоначального и сексуального.

Психоаналитическая теория слишком известна, чтобы необходимо было более подробно останавливаться на всех этих проблемах.

После различных модификаций, внесённых Фрейдом в свою теорию сексуальности, можно сказать, что эта теория является последовательной в абстракции — при условии принятия предпосылок, на которых она основана. Тем не менее она оставляет нетронутым определённое число двусмысленностей, если не противоречий, породивших серьёзные

трудности интерпретации. В целом, если стремиться в полной объективности противостоять притяжению, которое вызывает эта теория, то приходишь к выводу, что критика Жана обоснована. Но в самом дискурсе Фрейда возможно было бы выявить частое смешение гипотезы и информации, феноменологического изобретения и обращения к биологическому опыту. Единственный пример: в «Трёх очерках по теории сексуальности» Фрейд говорит, что его психоаналитические исследования независимы «от какого-либо биологического исследования» и, что некоторые положения, касающиеся существенных вопросов, привели его к результатам, «не согласующимся с таковыми в биологии». Однако в том же очерке он развивает химическую теорию пубертата и допускает, что сексуальное возбуждение имеет химическую (или гормональную) основу. Но если симптомы, за которые ответствен пубертат, имеют биохимическую причину, то непонятно, почему Фрейд отказывается от биохимической информации применительно к другим существенным проблемам. Он уточняет, правда, что «умозрительные надстройки» психоанализа могут быть пожертвованы или заменены, если будут признаны «недостаточными», однако в данном случае речь идёт о сексуальности, то есть о самом основании психоанализа, а не о надстройке.

Во всяком случае, в трудах Жана подобных двусмысленностей не встречается.

Это факт, что без фрейдовских концепций, касающихся инфантильной сексуальности, весь психоанализ рухнет. Нельзя отрицать, что до него психологи в целом пренебрегали «принятием во внимание важности инфантильного периода в развитии сексуальной жизни вообще», и Жане сам это признал. Но иначе обстоит дело с топологией, систематизацией и драматизацией инфантильной сексуальности.

Кроме того, Фрейд игнорирует психофизиологическую регуляцию, что позволяет ему определять ребёнка как «полиморфного извращенца» и заявлять, что «детские неврозы в целом (...) являются регулярными эпизодами развития, которым пока уделяют слишком мало внимания». Наконец, инфантильная сексуальность отражается на всех уровнях личности взрослого: комплекс Эдипа, символически драматизирующий власть сексуальности над ребёнком, составляет теоретическую модель, применимую ко всякому индивиду, — от оральной стадии до тревоги кастрации, венчающей его. Различные стадии эдипова периода служат также моделями для формирования личности вплоть до претензий заменить характерологию: тот или иной склад личности относился бы к оральному типу, анально-садистическому типу и т. д. То же самое на патологическом уровне: «Ни у одного невротического взрослого нельзя не найти признаков детского невроза». Если же верно, что психоаналитическая теория позволяет объяснить определённое число случаев и что, в частности, инфантильная фиксация, являющаяся важным открытием Фрейда, обнаруживается у многих взрослых — характерных не только для невротиков, — то не менее верно и то, что безмерное распространение драматизации сексуального фантазма, символизированного трагедией Эдипа, само по себе является чисто гипотетическим. По выражению Жана, «надо иметь веру», чтобы с этим согласиться.

То же самое относится к понятию либидо — слову-символу, значение которого Фрейд постепенно расширял, так и не сумев чётко отграничить либидо от его сексуального основания, даже когда соотносит его с Я-либидо, или с объектным либидо, или подчеркивает роль агрессивных влечений. Во «Введении в психоанализ» он уточняет, что либидо — это термин, заимствованный из теории аффективности: «Мы обозначаем им энергию влечений (рассматриваемую как количественная, но не измеримая величина), относящихся к тому, что мы резюмируем словом любовь». И «ядро» этой любви — «сексуальная любовь, последним звеном которой является сексуальный акт». Из этого

принципа Фрейд выводит различные «состояния» либидо: влюблённость, ограниченную «Я» и объектом; гипноз, так же ограниченный «Я» и объектом, но покоящийся на заторможенных сексуальных тенденциях; коллективное усиление (толпа пребывает принципиально в состоянии гипноза, но замещает объект идеалом «Я»), невротический ряд, включающий двойное сочленение сексуальной функции: конфликта и регрессии.

Во второй топике Фрейд усиливает количественный характер либидинальных инвестиций: «Мы образуем таким образом представление о количестве либидо, чьим психическим представителем было бы либидо «Я», производство, увеличение и уменьшение, распределение и смещения которого должны снабдить нас средствами объяснения наблюдаемых психосексуальных явлений». Количественные трансформации либидо сами по себе носят сексуальный характер и осуществляются, когда либидо «завладело сексуальными объектами, то есть стало объектным либидо». То же самое применительно к бессознательной агрессивности, которую Фрейд, возможно, задумал вслед за Адлером, но включил в свою теорию либидо. Латентную агрессивность можно рассматривать как ещё одно важное открытие Фрейда, однако она нередко оказывается неотличима от сексуальности. Фрейд сам это признаёт, когда устанавливает тесный параллелизм между преследующе-преследуемым комплексом и садомазохистским комплексом. Он также признаёт, что его теория либидо не является экспериментально обоснованной: «Психоанализ, — говорит он, — ещё не в состоянии чётко разграничить либидо «Я» и прочие действующие в «Я» энергии. Вот почему в настоящее время теорию либидо можно развивать лишь умозрительным методом». Сексуальность тем не менее остаётся незыблемым основанием — как теоретическим, так и практическим.

То же самое замечание справедливо для проблемы сублимации. Принимая во внимание наследственные или конституциональные факторы, Фрейд резюмирует следующим образом «дальнейшую судьбу» влечений:

- а) перверсии вследствие элементарных диспозиций либидо;
- б) бессознательное вытеснение и торможение;

в) сублимация, которую Фрейд объясняет следующим образом: «Избыточные возбуждения, вытекающие из различных источников сексуальности, находят вывод и применение в других областях, так что диспозиции, поначалу опасные, производят заметное увеличение пригодности и психической активности». Кроме того, сублимация осуществляет трансцендирование объектного либидо в пользу объекта-цели, который уже не является сексуальным, но сохраняет естественное родство со своим первоначальным корнем. Несколько примеров приведено выше. Одним словом, сублимация составляет одновременно защитный механизм против объектного либидо и процесс «высвобождения «Я», которому содействует «Сверх-Я».

Именно в ходе этих процессов особенно ощущается значение, придаваемое Фрейдом «Сверх-Я». Он приписывает ему функцию контроля, критики или даже запрета, однако всегда — как и применительно к принципу реальности — в расчёте на будущую компенсацию удовольствием.

«Наряду с неизбежным неудовольствием оно (Сверх-Я) обеспечивает также получение удовольствия, своего рода компенсаторное удовлетворение». Вот почему он уподобляет влияние «Сверх-Я» влиянию родителей или их заместителя: «Как в детстве, «Я» озабочено тем, чтобы не утратить любви этого господина». Отсюда можно заключить, что, по мысли Фрейда, все психические процессы упорядочены в зависимости от принципа удовольствия, что цель влечения — сублимированного или нет — подчиняется «Королю-Желанию», и что в конечном счёте все модальности этой количественной

энергии, обозначаемой им под символическим именем либидо, соответствуют любви с сексуальным ядром.

Верно, что Фрейд неоднократно подчёркивал условность своих гипотез, и знал о факторах, ограничивающих их практическую ценность. В качестве примера он уточняет, что «Три очерка о сексуальности» могут содержать лишь то, что психоанализ признаёт или в состоянии подтвердить. Вот почему из этих очерков, по всей видимости, не может выйти теория сексуальности». И в другом месте:

«Важность всех ранних сексуальных проявлений возрастает вследствие психического фактора, происхождение которого нам неизвестно и который мы пока не в состоянии учесть иначе как совершенно предварительным образом». Его колебание становится ещё более явным, когда он пытается уточнить биологические факторы сексуальных процессов: «С сожалением должны признать, что наши исследования расстройств сексуальной жизни отчётливо указывают на недостаточность...», применительно к компульсии, что существует «нечто, выходящее за рамки этого подкрепления, движение более примитивное, более элементарное, более глубокое, более поучительное, чем принцип удовольствия», и что это нечто не поддаётся анализу. Но пытаюсь объяснить это движение, «он выходит за рамки клиники в область теории, и это наиболее слабая часть изложения». Однако впоследствии гипотезы Фрейда стали рассматриваться как точно соответствующие психологической реальности, и, как уже упоминалось, в большей мере — значительным числом его учеников, нежели им самим.

Сравнительное исследование по проблеме сексуальности обнаруживает между Фрейдом и Жане противостояние того же рода, что разделяет их относительно тенденций и влечений. Отметим лишь, что некоторые механизмы — такие как вытеснение и перенос, а также поведение вины — были приняты Жане, однако в ином контексте, вытекающем из общего теоретического противостояния. Со своей стороны, Фрейд признал точность некоторых находок Жане, о чём будет сказано позже. В настоящий момент главная критика, формулируемая Жане против фрейдовской теории, может быть резюмирована в одном слове: пансексуализм, который многие психологи и по сей день ставят в упрёк психоанализу, — упрёк, от которого психоаналитики уворачиваются, порой весьма категорично.

В качестве примера Ж. Лаплан считает, что термин «пансексуализм» употребляется преимущественно в смысле полемического ярлыка и как «ударный термин» против труда Фрейда и что, в действительности, следует понимать сексуализированность психоанализа как «примат факта сексуальности». Всегда, возможно проводить подобные разграничения, однако в данном случае трудно отрицать, что Фрейд основал свою теорию сексуальности на значительном числе фактов, которые он объявляет очевидными, и что весь психоанализ рухнет с того момента, как он уберет сексуальный фундамент. Фрейд сам неоднократно выступал против обвинения в пансексуализме, предъявлявшегося ему, не отказываясь, однако, ни от психологического, ни от патологического сексуалистского примата — будь то полиморфные перверсии детства, конфликты «Я», интерпретация снов, нарциссизм, перенос, патогенез неврозов или даже его концепция пары Эрос–Танатос. В подобном контексте разграничение между терминами «пансексуализм» и «сексуальный примат» становится неопределённым. Отметим лишь, что некоторые ученики Фрейда оказались в этом пункте более фрейдистами, чем он сам, и в значительной мере способствовали своего рода первичной систематизации фундаментального характера психоанализа.

Именно начиная с 1900 года, с первого издания «Толкования сновидений», психоаналитические теории проникли в широкую публику — благодаря концепциям

Фрейда по данному предмету, — не без того, чтобы вызвать ожесточённые полемики самого разного рода. Фрейд заявляет в самом деле, что находит в сновидении подтверждение «господствующей роли сексуальности» исходя из «желаний инфантильного происхождения». Он уточняет эту роль, обстоятельно перечисляя значительное число «типических символов», которые, по его собственному признанию, он установил, на основе самоанализа. Вот их резюмированный перечень:

Все вытянутые предметы, а равно все длинные и острые оружия суть онирический символ мужского члена: кинжал, сабля, ружьё, револьвер, молоток и т. д. То же самое относится к плугу (с функциональной точки зрения) и к пилочке для ногтей (быть может, по причине трения).

Коробки, шкапулки, ящики, шкафы, корабли, всевозможные сосуды и даже дома символизируют женское тело. То же самое относится к комнате (Frauenzimmer – дословно женщина, но парциально: Frauen – женщина, zimmer – комната), однако значение её различно в зависимости от того, открыта она или закрыта. Система двух комнат символизирует два отверстия женского органа (сон очень редкий у ребёнка, у которого существует лишь анус). Крутые тропинки, лестницы, ступени (восхождение или спуск) представляют половой акт.

Стены и фасады представляют стоящего мужчину.

Столы, доски (по аналогии с кроватью) передают в общем либо сексуальный, либо пищевой комплекс.

В одежде женская шляпа символизирует мужской пол. То же самое относится к пальто (Mantel напоминает Mann).

Галстук у мужчины вызывает ассоциацию с пенисом.

Все более или менее сложные машины суть символ половых органов, чаще всего мужских.

Сны о пейзажах — в особенности о склонах или лесистых горах — соответствуют описанию половых органов.

Кастрация вызывается снами о лысине, стрижке волос, потере зуба, обезглавливании.

Сны о животных весьма показательны для половых органов: рыбы, улитки, кошки, мыши (из-за шерсти) и прежде всего змеи — символы мужского члена. В той же категории Фрейд располагает насекомых: быть покрытой насекомыми означает быть беременной.

Половые органы могут также быть представлены различными частями тела: мужской пол — рукой или ногой, женский пол — ртом, ухом или глазом.

Выделения — моча, слёзы, сперма — могут заменять одно другое. Но сперма является наиболее значимой.

Символ пути важен: если путь поворачивает направо, он указывает верное направление (брак или отношения с проституткой — в зависимости от менталитета субъекта). Дорога, поворачивающая налево, — это дорога преступления, или некоторых эквивалентов: гомосексуальности, инцеста, сексуальных извращений и т. д.

Из этого перечня представляется логичным заключить, что по меньшей мере сексуальные проблемы приобрели в глазах Фрейда почти осаждающий характер, обнаруживающийся неоднократно. Фрейд сам признаётся в этом в предисловии ко второму изданию, в 1908 году, переведённому под названием «Толкование сновидений», где заявляет, что речь идёт не об интерпретации снов душевнобольных, но о его собственных снах: «Для меня, — добавляет он, — эта книга имеет ещё иной смысл — субъективный смысл, который я уловил лишь после того, как завершил книгу. Я понял, что она была куском моего самоанализа, моей реакцией на смерть моего отца, — самую острую потерю в жизни мужчины». Когда знаешь, каким был для Фрейда «эдипов» конфликт его детства, это заявление приобретает особую ценность.

С другой стороны, сексуальное вдохновение сна согласуется с принципом удовольствия: «Сон служит прежде всего тому, чтобы избавить сновидца от неудовольствия, а дух — тому, чтобы обрести удовольствие. Именно вокруг этих двух центров вращается вся наша психическая деятельность». В другом месте он переводит сон в термины желания, то есть поиска заместительного удовлетворения, всегда упорядоченного в зависимости от принципа удовольствия. По его мнению, цель сна — «осуществление желания, его мотив — желание».

Таким образом устанавливается система постоянных отношений между сексуальностью, сном и желанием.

Однако в подобных вещах, и по собственному признанию самого Фрейда, такая интерпретация онирической деятельности по существу является субъективной, и её ценность всегда может быть поставлена под сомнение. Потому и затруднительно принять утверждение Фрейда в заключение воспроизведённого выше перечня: «Всё это само собою разумеется». Мы здесь весьма далеки от «философского сомнения» Кл. Бернара.

Нетрудно было бы обнаружить пансексуализм (или сексуалистский примат) во всех вопросах, анализируемых Фрейдом, — как с теоретической, так и с терапевтической точки зрения: в поведении и бессознательных мотивациях в целом, в конфликтах «Я», в нарциссизме, в запретах типа Табу, в тревоге, в преследующе-преследуемом комплексе, в поведении вины, в сублимациях и т. д., вплоть до оговорок или острот: «Острота, — пишет Марта Робер, — связывается с Теорией Сексуальности местом, которое в ней занимает само понятие удовольствия». То же самое применительно к психоаналитическому лечению, в ходе которого врач стремится прежде всего добраться до проявлений инфантильной сексуальной перверсии.

В том же смысле он расспрашивает пациента о его снах, ибо, по заявлению Фрейда: «Интерпретация снов — королевский путь к познанию бессознательного в психической жизни».

Пансексуализм утверждает себя также в социальном поведении. Так, Фрейд объясняет первые наброски организованного труда в первобытных обществах:

«Сексуальный интерес таким образом сместился, перейдя на труд. Можно сказать, что первобытный человек смирился с трудом лишь тогда, когда сделал из него эквивалент и заместитель сексуальной активности. Вот почему слово, произносившееся в ходе совместного труда, имело два смысла — один выражал половой акт, другой — активный труд, уподоблявшийся этому акту». В том же смысле современник Фрейда Р. Осборн устанавливает естественную связь между сексуальной функцией и «ритмическим возбуждением в труде». Объективно ли установлено, что «всё это само собою

разумеется»? Ответ на этот вопрос не может быть утвердительным — ни применительно к психическому аппарату, ни применительно к патогенезу неврозов.

Другие ученики Фрейда возвели теорию сексуальности на высоты, недоступные наблюдателям, не являющимся психоаналитиками. Характерный пример — д-р Ференци, снискавший репутацию более фрейдиста, чем сам Фрейд, который ещё в 1904 году разработал сексуалистскую символику на основе образа рыбы. По его мнению, тело матери — это «пруд саламандры», а мужской орган — это «орган-Мелюзина». Точнее, мать рассматривается как «символ океана», который представлен амниотической жидкостью, а пенис — как символ рыбы, пережившей «великую катастрофу обмеления». Именно это д-р Ференци называет «таласальной регрессией», из которой произошла «геологическая травма». Одним словом, пенис следует понимать как рыбу, приспособившуюся к наземной жизни, что могло бы служить отсылкой к нынешнему «фаллоцентризму». По меньшей мере такая интерпретация в той же мере принадлежит литературе, что и объективной психологии.

То же самое, и в ещё большей мере, применительно к психоаналитическому переводу, выполненному Мари Бонапарт, текста Эдгара По, где пансексуалистская систематизация очевидна. Этот текст посвящён описанию мрачного аббатства, в котором укрылся молодой Просперо: «Зала была строго обёрнута чёрными бархатными занавесями, покрывавшими весь потолок и стены и ниспадавшими тяжёлыми складками на ковёр той же ткани и того же цвета. Но в этой зале цвет окон не соответствовал убранству. Стёкла были алыми — насыщенного кровавого цвета». И вот перевод Мари Бонапарт: «Западная зала задрапирована алым чёрным, но залита кровью при свете окон. Кровь менструаций матери вспоминается таким образом в связи с её гемоптической кровью — всё в клоакальной рамке, единственно существующей для воображения ребёнка». Не отрицая реальности инфантильной сексуальности, представляется более рациональным отнести подобное описание к воображению молодого Просперо, тяжело травмированного воспоминанием о «четырёх умерших». Нет никакой необходимости в данном случае переводить этот драматический конфликт в термины скотской сексуальности и тем более соотносить с анально-садистической типологией «воображаемое бегство», более или менее обсессивное и вытекающее из травматических реминисценций.

Ещё один пример пансексуалистской систематизации — описание психосексуального развития девочки у Р. Мируза: «Центральная проблематика, — пишет он, — это проблема удержания – выталкивания каловых масс. Она разыгрывается на уровне агрессивности, позволяя символическое выражение враждебности через выталкивание масс вопреки родительскому запрету, или послушной любви через их удержание. Агрессивное выталкивание сопровождается воображаемыми продуктами, в ходе которых вытолкнутые массы опасны. Эта анальная установка обретает всю свою силу в экспульсивном процессе родов». Ограничимся упоминанием первенства желания над потребностью, удовольствия (агрессивного) над нормальной активностью — и если и есть случай, когда агрессивное удовольствие представляется удивительным, то это именно случай родов. То же самое относится к характерологии, которую психоаналитики выводят из «доистории», актуализирующейся в эдипов период: «Тонкое использование клавиатуры агрессивности, — добавляет Р. Мируз, — и формирование развитых защитных механизмов в виде реакционных образований будут определять структуру характера». В этом случае становится невозможным разграничить агрессивность и сексуальность.

Аналогичное наблюдение можно сделать применительно к следующим цитатам, заимствованным у М. Кляйн: «Мысль пугающая, если не невероятная, представляется

разуму образом шести-двенадцатимесячного младенца, пытающегося уничтожить свою мать зубами, ногтями, экскрементами и всем своим телом, то есть пользующегося всеми средствами, которые его садистские тенденции предоставляют в его распоряжение и которые его воображение превращает в опасное оружие». И далее: «Оральная зависть является одним из главных побуждений, толкающих детей обоих полов к желанию проникнуть в тело матери (...). Однако вскоре их деструктивные влечения перестают направляться только против матери и распространяются на отца. Они воображают, в самом деле, что в ходе орального совокупления мать поглощает пенис, который остаётся у неё внутри, а отец располагает большим их количеством; их нападки на тело матери, таким образом, нацелены и на заключённый в нём пенис». Подобные тексты с трудом избегают критики общего порядка: не только становится невозможным разграничить агрессивность и сексуальность, но и, кроме того, сексуалистская систематизация приобретает в них почти осаждающий характер.

Представляется, таким образом, установленным, что существует пансексуализм, напрямую вдохновлённый теориями Фрейда. Однако, каково бы ни было преувеличение его различных проявлений, он содержит важные положительные элементы — в частности, инфантильную фиксацию и регрессию, или архаизм. Это важные и действительно крупные открытия Фрейда, при условии их освобождения от пансексуалистского контекста. То же самое применительно к понятию латентной агрессивности, несмотря на смешение агрессии и сексуальности.

(ЖАНЕ)

В рамках сравнения, противостояние Жане фрейдовскому пансексуализму категорично — идёт ли речь об устройстве психического аппарата или о патогенезе неврозов.

Воспроизведённые в главе III цитаты позволяют сгруппировать критику Жане под тремя пунктами:

- 1) систематическое распространение психологического на патологическое (непризнание регуляторных функций);
- 2) расширение и обобщение мотиваций сексуального порядка на уровень социального (заторможенные или отклонённые сексуальные тенденции);
- 3) систематизация символизма и постоянное обращение к античным мифам, восходящим вплоть до первобытной орды (обобщённый регрессивный процесс).

Тем не менее Жане остаётся объективным и при случае делает скидку на преувеличения духа системы: «Над преувеличениями и иллюзиями, уродующими психоанализ, — пишет он, — находится большое число ценных исследований по психоневрозам, по эволюции мышления ребенка, по различным формам сексуальных чувств. Эти исследования привлекли внимание к малоизвестным фактам, которые традиционная сдержанность склонна была игнорировать». Можно без особого риска предположить, что последующие поколения подтвердят этот вывод Жане.

ГЛАВА 4

НАРЦИССИЗМ

(ФРЕЙД)

Нарциссизм характерен для эволюции мысли Фрейда. Незадолго до первой мировой войны он привнёс существенный элемент в психоаналитическую теорию, ещё до формулировки второй топики.

По Фрейду, термин принадлежит Нэке, который первым воспользовался им для обозначения извращения, сравнимого с тем, что претерпел Нарцисс греческой легенды, умерший от чрезмерной любви к самому себе. По своему обыкновению, Фрейд расширяет мифологическую драму до размеров вида и рассматривает нарциссизм одновременно как нормальный компонент психического аппарата и как патологическое явление.

С последней точки зрения, он встречается при мегаломании психически больных, паранойях или при некоторых формах ипохондрии. С психологической точки зрения нарциссизм являлся бы правилом у всех детей, у которых он был бы высоко развит, а также в обычных любовных отношениях. Все эти проявления имеют единый археологический корень, к которому Фрейд возводит необычайную переоценку «Я», всемогущество идей и магию, характеризующие первобытные общества. Во всех случаях нарциссизм — это перераспределение либидо с объекта на собственное тело: «Взрослый индивид питает к собственному телу нежность, которой обычно окружают внешний сексуальный объект». Так нарциссизм тоже оказывается подчинён сексуальному примату. По Д. Лагашу, «тезис состоит в том, что часть эгоизма, самолюбия, носит тот же характер, что либидо, инвестированное во внешние объекты (...). Доказательство основывается на смещении либидо — от «Я» к объектам и наоборот (...): чем больше себя любишь, тем меньше любишь объекты, и наоборот». Отсюда следует, что «чрезмерная любовь к себе» удовлетворяется одновременно как объект и как цель; откуда Д. Лагаш заключает: «Диалектический прогресс мысли Фрейда вновь приводил таким образом влечения к единству». Это не так, конечно, в других областях психоаналитической теории.

Для учеников Фрейда введение нарциссизма стало подлинной революцией. По словам Марты Робер, Фрейд хотел также отметить неизгладимой печатью свою концепцию либидо как строго сексуальной и индивидуальной энергии, «тогда как Адлер делал из него силу на службе социальной жизни, а Юнг настолько расширял его, что оно становилось энергией как таковой, чем-то вроде двигателя универсальной жизни». Однако Марта Робер упорствует в рассмотрении мысли Фрейда как в корне дуалистической, — в том числе применительно к нарциссизму, — вследствие различия между нарциссическим либидо и объектным либидо. Она выявляет наиболее скрытую движущую силу мысли Фрейда, который избегал всего, что могло бы подкрепить идею единства психики. Напротив, Д. Лагаш полагает, что инвестиции и контринвестиции делают возможным осмысление единства через обмены между «Я» и объектом (и наоборот). Для него принципиально, что «сумма интереса, вложенного в объекты и в «Я», остаётся постоянной».

Эти диалектические противостояния, породившие многочисленные споры ещё при жизни Фрейда, воспроизводятся не только для того, чтобы добавить дополнительный элемент к психоаналитическому пансексуализму, но и потому, что они освещают одновременно мысль и личность самого Фрейда. Марта Робер небезосновательно полагает, что после периода, в котором утверждается сексуалистский примат, Фрейд пережил уход во внутреннюю изоляцию, вытекающий из аффективных неудач, разрывов с лучшими друзьями и т. д., и именно этот возврат к внутреннему одиночеству вдохновил Фрейда на идею нарциссизма. Равным образом, в годы старости и с появлением жестокой болезни, которая должна была в конечном счёте забрать его, Фрейд провозглашает одновременно свой фундаментальный пессимизм и подчинение инстинктов жизни инстинктам смерти. Он сам это признаёт: «Но есть одно, чего мы не можем скрыть от себя: мы незаметно для

себя вошли в гавань шопенгауэровской философии, согласно которой смерть является «подлинным результатом» и, так сказать, целью жизни». Эрос на службе Танатоса. Здесь вновь сугубо субъективный характер психоаналитической теории представляется очевидным.

Те же наблюдения можно сделать применительно к психопатологии. Фрейд использует наблюдения за больными для легитимизации своей нарциссической предпосылки, а также своей теории сексуальности. Он берёт за пример историю несчастного президента Шребера — параноика и гомосексуалиста, — без обиняков заявляющего: «Я не люблю никого и ничего, я люблю лишь себя»; или же «человека с волками» — жертвы «навязчивости исследования». В целом Фрейд считает, что при паранойе «высвободившееся либидо фиксируется на «Я», используется для усиления «Я». Таким образом, стадия нарциссизма (...), на которой «Я» субъекта было единственным сексуальным объектом, вновь достигается». Здесь снова нарциссизм выступает как выражение сексуальности, «обращённой» от объекта на «Я».

(ЖАНЕ)

Не представляется, чтобы Жане упоминал нарциссизм в произведённых им анализах фрейдизма. Быть может, он рассматривал его как одну из гипотез, относящихся к «умозрительной надстройке психоанализа». Но это лишь предположение — сколь бы обоснованным оно ни было, — хотя бы уже потому, что нарциссизм принадлежит символизму и мифологии, которые Жане всегда осуждал. Возможно, однако, перевести нарциссизм на психопатологический язык Жане — другими словами, соотнести его с его теорией тенденций. Тогда можно допустить, что, вынося за скобки символизм, Жане перевёл бы нарциссизм как процесс дренажа гипертрофированных первичных тенденций без неизбывной сексуальности в своей природе. Например, в случае президента Шребера этот процесс определялся бы конститутивной, неполяризованной паранойей, а сексуальные извращения оказались бы следствием параноидных тенденций, связанных с реакциями неудачи или отступления. Даже неневротический нарциссизм Жане, по всей видимости, тоже относил бы к этим же тенденциям и рассматривал бы с практической точки зрения как сугубо характерологическую, или точнее параноидную модальность. С тех пор характерология позволила установить различные типы, в различной мере содержащие параноидные или сексуальные тенденции, без необходимости прибегать к символизму, систематической драматизации или взывать к «возврату инфантильного тотемизма» для объяснения археологического происхождения нарциссизма. В действительности, завышенная самооценка является распространённым наблюдением; она не является с необходимостью патологической и тем более с необходимостью сексуальной по происхождению; помимо характерологических элементов, которые она содержит, она скорее является следствием культурного развития, нежели пережитком первобытного мышления.

Таково по меньшей мере мнение, которое логично приписать Жане применительно к нарциссизму. Небезынтересно отметить, что в то время, когда Фрейд опубликовал свой «Очерк о нарциссизме» (1914), Жане уже подробно изложил свои теории неврозов, в частности, в «Неврозы и фиксированные идеи» (1904) и в «Неврозы» (1909), — и выступил с общей критикой психоанализа на Лондонском конгрессе в 1913 году. Впоследствии он всё более отдалялся от психоаналитических концепций — как для уточнения своих собственных концепций психотерапии, в частности в «Психологические лечения» (1919) и в «Психологическая медицина» (1924), так и для дополнения своих прежних трудов, относящихся не к психиатрии, но к клинической психологии. В

действительности именно психологии и «психофилософии» Жане посвятил последние пятнадцать лет своей деятельности писателя и профессора Коллеж де Франс.

Схематически можно допустить, что именно начиная с изобретения нарциссизма разрыв между Фрейдом и Жане стал окончательным. Например, Жане не только не упоминает его в своём важном труде «Любовь и ненависть» (1932), но прежде всего развивает теорию любви, диаметрально противоположную психоаналитической. По меньшей мере можно заключить, что в представлении Жане психоаналитический нарциссизм не соответствует ничему реальному и эмпирически наблюдаемому.

ГЛАВА 5

СКРЫТАЯ АГРЕССИВНОСТЬ

(ФРЕЙД)

Латентная агрессивность — один из ключевых элементов психоаналитической теории, значение которого обычно недооценивают: она не только направила Фрейда к его концепции второй топки, но прежде всего соответствует психической реальности с двойной — филогенетической и онтогенетической — точки зрения. Верно, что ещё до Фрейда Адлер в 1911 году подчёркивал «роль агрессии в ущерб сексуальности» и, в частности, изучал её последствия с двойной — социальной и педагогической — точки зрения, в особенности применительно к преступности.

Но именно Фрейду приписывают заслугу в том, что агрессия была понята как неосознаваемый, структурный компонент личности — отсюда выражение «латентная агрессивность». Отметим, с другой стороны, что изложение второй топки было опубликовано в 1923 году и что между нарциссизмом (1914) и агрессивностью (1923) произошла первая мировая война, глубоко потрясшая Фрейда. Можно, таким образом, допустить, что именно война непосредственнее всего вдохновила Фрейда на эту гениальную рефлексию: насилие, какова бы ни была его природа, имеет своим первоначальным корнем бессознательную агрессивность, нормально существующую у каждого индивида в скрытом состоянии.

В рамках второй топки (Оно – Я – Сверх-Я) агрессивность неотделима от понятия конфликта. «Я» определяется как «осаждённая крепость», подвергающаяся прежде всего натиску влечений. Но это уже не только сексуальные влечения — существуют также агрессивные влечения, отличные от них, так что психоанализ, по выражению Д. Лагаша, оказывается глубоко изменён «значением, которое он отныне придаёт защите «Я» и агрессивности». Понятие конфликта было упомянуто ранее и приводится здесь лишь для того, чтобы напомнить, насколько мысль Фрейда эволюционировала начиная с его первой топки. Но, с другой стороны, следует отметить определённую двусмысленность второй топки, вытекающую из невозможности категорически разграничить влечения «Я», приблизительно соответствующие инстинкту самосохранения, сексуальные влечения и агрессивные влечения.

Не будем задерживаться на этой проблеме, содержащей слишком много метонимических приёмов, чтобы можно было установить логическое соответствие между психоорганической реальностью и феноменологическим описанием. Имеется понимание, во всяком случае, что агрессивность представляет собой неоспоримую психическую реальность. Применительно к поведению эта агрессивность выражается либо в более или менее открытой, или замаскированной враждебности по отношению к другому, либо в

«враждебном обращении на себя»); последнее определяет поведение вины, осложнённое или нет мазохизмом. Ради упрощения скажем, что проявления враждебности, отличающиеся крайним разнообразием, являются экстенциональными или интенциональными (термины, не используемые Фрейдом, но удобные).

Кроме того, агрессивный процесс лишь редко однонаправлен, и экстенциональные элементы нередко сочетаются с интенциональными у одного и того же субъекта: это преследующе-преследуемый комплекс Фрейда, нередко связанный с комплексом фрустрации, возникающим вслед за конфликтами «Я» и повторяющимся неудовлетворением, ими порождаемым. Между тем прежде всего на этом уровне разграничение агрессивности и сексуальности становится неопределённым — в силу того, что удовольствие – неудовольствие по-прежнему остаётся золотым правилом психической динамики.

В самом деле, можно задать вопрос, не заключён ли в самом сексуальном влечении важный агрессивный фактор? Эта инстинктивная жизнь является по существу своему агрессивной. Эти различные вопросы могут, по всей видимости, породить весьма различные ответы, главным характером которых было бы их чисто умозрительное качество.

Более укоренённым в реальности феноменом Фрейд делает агрессивное явление – механизм проекции: проекция, являющаяся «экстенциональной» и становящаяся интроекцией, когда является «интенциональной».

Наиболее ясный пример носит патологический характер и относится к бреду: это случай параноика, «проецирующего» вовне агрессивный аффект, который нередко деформирован, порой даже обращён в свою противоположность: любовь, испытываемая и проявляемая в объектных отношениях, оказывается превращённой, так что внешняя проекция осуществляется в форме ненависти. Даже когда паранойя не сопровождается бредом, бывает, например, что муж может измерять любовь своей жены враждебностью, которую она ему проявляет, — и нередко с лихвой! Опыт показывает, что преследователь всегда очень близок к преследуемому в аффективном плане. Фрейд обстоятельно цитирует в этой связи случай президента Шребера, который в ненависти, проявляемой им к Флексигу, целился в действительности в своего отца, к которому сохранял глубокую — одновременно бессознательную и «обращённую» — привязанность. Однако и здесь двусмысленность вновь обнаруживается, когда Фрейд объясняет параноидальную идею преследования как защиту против «пассивной гомосексуальной составляющей инфантильной сексуальности». Мы вновь встречаем трудность интерпретации и разграничения агрессивности и сексуальности — трудность, которую последующая формулировка второй топики не устранила.

Фрейд также обобщает агрессивность на уровне социального поведения, — в частности, в «Недовольстве культурой», вышедшем в 1929 году. Он придаёт ей чрезмерное значение и, кроме того, связывает её с «суровостью Сверх-Я», приписывая ему всё более жёсткое подавление влечений, которое было бы главной причиной «Недовольства». Он выводит из этого, в частности, что упразднение частной собственности стало бы действенным средством, ибо, по его мнению, собственность естественно вытекает из агрессивности и инстинктов разрушения, периодически ставящих цивилизацию под угрозу. Таким образом устанавливается диалектическая связь между собственностью, агрессивностью, инстинктом разрушения и войной. В том же смысле он задаётся вопросом: «Способен ли прогресс цивилизации, и в какой мере, обуздать возмущения, вносимые в общую жизнь человеческими влечениями агрессии и саморазрушения?»

Этот вопрос будет затронут позднее.

Отметим здесь, что фрейдистское «недовольство» составляет характерный пример распространения теорий клинической психологии на различные области. По существу проблемы заметим лишь, что наряду с агрессивностью существует также «скрытая ненадёжность» — одновременно филетической и генетической природы, первоначальный исток которой следует отнести на счёт непрерывных опасностей борьбы за жизнь. В этом контексте инстинкт собственности, весьма развитый у ребёнка, вытекает в той же мере, если не в большей, из потребности в безопасности, нежели из агрессивности завоевания.

Отметим также, что агрессивность объясняет насилие, не узаконивая его тем не менее, — разве что вынося за скобки психофизиологическую регуляцию. Фрейд, таким образом, по всей видимости, допускает смешение этой потребности в безопасности, питающей инстинкт собственности, и необузданных злоупотреблений, в этимологическом смысле слова, ответственность за которые лежит на этом инстинкте.

(ЖАНЕ)

По принципу, Жане осуждает любое диалектическое распространение теорий клинической психологии на иные сферы. Со своей стороны, он всегда остерегался «смешивать жанры» — вот почему он упрекает Фрейда в том, что тот превратил психоаналитические теории в «огромную систему медицинской философии». С другой стороны, он не рассматривает агрессивность как таковую — латентную ли или преобразованную в более или менее открытую враждебность, — но говорит лишь о тенденциях, их сложности, а также о соответствующих эмоциональных действиях и реакциях. Например, чувства торжества или тревоги подразумеваются как реакции в конкурентных актах или агрессивных столкновениях. С другой стороны, он мыслит особую категорию «аффективных чувств» — в которую входят любовь и ненависть, — отличая их от «благожелательных» или «недоброжелательных» (враждебных) «тенденций»: «Эти знаменитые благожелательные и недоброжелательные тенденции, — пишет он, — (...) отнюдь не являются чувствами. Следует остерегаться смешения тенденций: нападения тигра на овцу, и ненависти тигра к овце». Это разграничение агрессивности и ненависти верно, однако оно в принципе отнесено к поведению, то есть к действию, — так что в крайнем случае уже не разграничишь агрессивную тенденцию и соответствующие сентиментальные реакции. Жане сам подтверждает это, заявляя: «Ненависть является (...), как и все чувства, способом поведения».

Здесь мы вновь встречаем концептуальное противостояние, отмеченное ранее между Фрейдом и Жане применительно к чувству.

Фрейд изучает агрессивность не как таковую, но как бессознательное влечение, которое символизирует в понятии аффекта; для Жане агрессивность есть не что иное, как первичная реакция, которую он относит к сложной системе тенденций в соответствии с принципом действия. Между этими двумя объяснениями — обоими в различной мере и в различных смыслах принадлежащими духу системы — нет общей меры.

Главное, что отличает Жане, — это роль психофизиологической регуляции, которую Фрейд практически не учитывает. У здорового человека агрессивность обычно регулируется и не становится патологической.

Она становится опасной, когда регуляторные функции ослаблены — из-за психической слабости, травм, хронической неудовлетворённости или того, что Фрейд называл фрустрацией.

Автор считает необходимым отдельно разобрать именно проблему фрустрации, поскольку именно там лучше всего видно, как агрессия превращается в симптом, если контроль ослабевает.

ГЛАВА 6

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕГУЛЯЦИЯ

С биологической точки зрения регуляция является, по выражению Л. Бунура, «функцией всех функций», — в силу того что она контролирует и обеспечивает равновесие организованной жизни на всех уровнях: морфогенез, гуморальное, формальное, функциональное равновесие. В фундаментальных исследованиях были даже идентифицированы «регуляторные гены», от которых зависят сборка и бесконечно сложное развитие молекулярных цепочек.

(ЖАНЕ)

Опережая своё время, Жане понял первостепенную важность этого специфического свойства живой материи: «То, что характеризует жизнь, — пишет он, — это то, что она восстанавливает вещества, которые разрушила, и восстанавливает их с тем же химическим составом, теми же качествами и в тех же количествах». Ещё более важным — и более оригинальным — является процесс, посредством которого Жане устанавливает конкретную связь между этой биохимической регуляцией и психологической регуляцией: для характеристики этого процесса он заимствует у Риньяно выражение «стационарное равновесие метаболизма» и заявляет: «Стационарное — это перевод слова «длительность»». Другое выражение: «Именно это понятие устойчивости в противовес изменчивости и называется длительностью».

Это факт, что во внешнем мире разнообразие энергетических отношений относится во всех случаях к принципам инерции и наименьшего действия, тогда как живой организм обладает свойством не только накапливать энергию в соответствии с присущими ему законами эволюции, но и стабилизировать эту энергию в зависимости от специфических и высоко дифференцированных структур. Это также факт, что отношения между стабильностью и длительностью составляют само основание ценестезического сознания, которое, сверх того, сопрягает их в равной относительности.

Регуляция, таким образом, есть «функция всех функций», включая психологические функции. Во всяком случае, именно в этом смысле Жане анализирует «функции регуляции», включает их в свою «функциональную» психологию и, на теоретическом уровне, в свою теорию тенденций — от первичных (или животных) тенденций до интеллектуальных и прогрессивных. В целом он констатирует естественную тенденцию организма к регуляции действия — посредством либо усилия, либо сентиментальных реакций: «Дела обстоят, — пишет он, — словно вся совокупность личности всегда приходит на помощь всякой недостающей тенденции». Исходя из этого принципа, он изучает, с одной стороны, «аффективные колебания» в связи с авторегуляцией, и с другой — различные «аффективные состояния», вытекающие из дефектной регуляции: состояния унылого бездействия, меланхолические состояния, состояния возбуждения и радости, экзотические состояния и т. д. Кроме того, он стремится соотнести функции регуляции с их биологическим корнем — в частности, со «старым мозгом», или диэнцефалом, а также с «нейрогормональными цепями».

Л. Шварц приводит в этой связи живописный образ современного Жане биолога Г. В. Бунге: «Луна симпатического восходит, когда солнце центральной нервной системы заходит». Как бы приблизительна ни была эта метафора, она по меньшей мере частично характеризует регуляцию у Жане. С этой точки зрения можно даже рассматривать Жане как предтечу психосоматической медицины, — предтечу тем более заслуживающим внимания, что в его эпоху знания в этой области были ещё ограничены.

Небезынтересно сопоставить концепции Жане с концепциями биологов сегодняшнего дня. В качестве примера приведём мнение П. Шошара: «Кто говорит психика, тот неизбежно говорит про мозговую активность, а кто говорит мозговая активность — тот говорит тесная взаимосвязь с диэнцефалическим соматопсихическим перекрёстком». Для большей точности сегодня известно значение «ретикулярной формации» — особой структуры, расположенной на уровне «ствола мозга», — для контроля и регуляции функций как органических, так и психологических, связанных, с одной стороны, с корой, а с другой — с вагосимпатической системой. С соматической точки зрения П. Шошар считает, что от этих функций регуляции зависит «мудрость тела», связанная в особенности с «теми восхитительными регуляторными механизмами, которые нам представляет симпатическая система». Жане, таким образом, оказался прав, называя «старый мозг» главной структурой, от которой зависят функции регуляции.

С психологической точки зрения теория Жане представляет особенный интерес. Констатируя непрерывность отношений между чувственными реакциями и регуляторными функциями, он стремится прояснить их с двойной — индивидуальной и социальной — точки зрения. В этом смысле он различает четыре регуляции, связанных с соответствующими сентиментальными реакциями: усилие, выражающееся в ускорении действия, усталость (сужение, ослабление действия), тревогу (страх перед действием) и торжество или триумф (расточительство, перерасход действия).

Эти четыре великих регуляции отличаются от регуляций, вызываемых «аффективными чувствами» — такими как симпатия, печаль, веселье и т. д., не всегда соответствующих нормальному психологическому равновесию. Наконец, состояние спокойствия — это состояние существ разумных и здоровых, у которых регуляция осуществляется естественно, без сентиментальных колебаний. Однако в виде общего правила «все чувства (...) — усилие, усталость, печаль, радость — могут сопровождать одно и то же действие и придавать ему различный тон». Возможен и обратный процесс: «Именно, — добавляет Жане, — различные регуляции могут применяться к одному и тому же действию» и, с другой стороны, «одна и та же регуляция может применяться к различным действиям». Объяснение Жане не меняется, когда вместо действия он обращается к своей теории тенденций: он устанавливает тесные отношения между функциями регуляции и эволюцией тенденций: «Психологические регуляции то увеличивают силу, от которой зависит активация тенденции, то, напротив, уменьшают её, и прежде всего в определённых случаях прерывают, тем или иным образом, выполнение действия». Отсюда понятно, что для Жане функции регуляции в значительной мере зависят от социальных отношений и форм социального поведения: «По всей вероятности, — говорит он, — они развились именно на уровне социального поведения».

Эти краткие ссылки представляются достаточными для оценки значения функций регуляции. Теориям Жане ставили в упрёк их чрезмерную абстрактность и, кроме того, ограничение роли чувства реакционным движением. Однако в действительности подобные лакуны могут быть восполнены без труда — в частности, путём привлечения новейших достижений нейрофизиологии, равно как и клинической психологии. Остаётся, во всяком случае, что теории Жане устанавливают совокупность конкретных отношений

между биологической энергией и психологической энергией и параллельно — между функциями и структурами. Кроме того, они обнаруживают необыкновенное усложнение, вытекающее из негэнтропической мутации физической энергии в биологическую, — мутации, самыми удивительными проявлениями которой являются функции регуляции. В самом деле, нет никакого соответствия между этими специфически биологическими функциями и законами смещения равновесий, установленными физиками (принцип Лё Шателье), и не более — с гомеостазом, нынешним выражением принципа Фехнера, представляемым как характерный для живой материи: в организме количество энергии стремится оставаться постоянным.

Гомеостаз относится либо к расходу энергии, соответствующему раздражению для какого-либо действия, либо к избытку энергии, выражающемуся в активности «чистого расхода» (игра, искусства, различные «симулякры»). Понятие избытка энергии отчётливо отмечает разницу качества между физической и биологической энергией, однако этот избыток соотносится также с постоянством типа Фехнера, что не мыслимо применительно к психофизиологической регуляции. То же самое на чисто психологическом уровне: гомеостатическое постоянство согласуется с ценестезическим отношением между стабильностью и длительностью, однако это отношение произвольно механизировано. В частности, оно не принимает во внимание существенного различия между энтропией расходов физической энергии и негэнтропическими приобретениями биологической энергии. Между тем регуляция, действенная для всех функций и на всех уровнях психоорганической активности, не мыслима вне избыточных приобретений живой материи. Вот здесь-то и встречается великое препятствие, с которым сталкивается биологический механизм.

(ФРЕЙД)

Со своей стороны, Фрейд неизменно игнорировал психофизиологическую регуляцию и никогда не принимал во внимание ничего, кроме принципа константности (или принципа Нирваны). Единственное понятие, общее для Фрейда и Жана, — это понятие психического равновесия; однако, тогда как Жане приписывает нормальное равновесие регуляторным функциям, Фрейд приписывает его защитным механизмам: смещению, отмене, реактивному образованию, откладыванию, вытеснению, высвобождению «Я» посредством сублимации и т. д. Между регуляцией и защитными механизмами существует, в действительности, лишь ложная аналогия: регуляция — это естественная функция, тогда как защитный механизм — это уже патологический процесс, стремящийся сохранить равновесие, рассматриваемое как нестабильное и постоянно находящееся под угрозой. С самого рождения ребёнок был бы вынужден искать — так и не достигая его — собственного равновесия, проходя через различные стадии эдипова периода; психически его формирование постоянно испытывает влияние драмы и фантазма, либидинальных требований, тревоги кастрации, — так что он является «полиморфным перверсом».

Сам лишь факт «преодоления Эдипа» уже требует задействования защитных механизмов, патологическая природа которых неизбежно вытекает из его первоначальной перверсии, а также из периодов невроза, сопровождающих его рост. Позднее, если психическое равновесие нарушится, субъект бессознательно задействует нередко aberrантные механизмы и обретёт таким образом ненормальное равновесие — невротическое. Именно в этом смысле Фрейд рассматривает невроз как негатив извращения или перверсии. Истерик уравнивается благодаря явлениям конверсии, по отношению к которым он проявляет «прекрасное безразличие». Он нейтрализует свои сексуальные «аффекты» посредством бдительности.

Параноик освобождает на другом от своей фантазматической агрессивности. Женщина «обращает» свою реальную привязанность к мужу в беспощадную ненависть и т. д. Всё это клинически верно, однако в конечном счёте можно задаться вопросом, действительно ли необходимо и даже не опасно ли прибегать *a priori* к драматизации и фантазму для объяснения одновременно нормального психогенеза и патогенеза неврозов.

Положение полностью меняется, если ввести психологическую регуляцию. Если верно, что ребёнок рано проявляет извращённые тенденции — сексуальные или нет, — то первые психические конфликты можно более просто приписать тенденциям более или менее анархическим, которые Жане квалифицирует как первичные или животные, и привлечь естественную регуляцию для обеспечения психического равновесия, — в связи с первыми формами социального поведения. По Жане, регуляция зависит прежде всего от психологической силы и напряжения (последнее весьма высоко у ребёнка) и, во вторую очередь, от социальной среды. Функции регуляции сами развиваются и становятся более эффективными у ребёнка, растущего в благоприятном семейном климате.

По меньшей мере регуляция позволяет провести — более или менее чёткую — границу между нормальным и ненормальным и постулировать в принципе, что она является недостаточной или искажённой у невротиков. Можно также понять, что эта недостаточность определяется психологической слабостью в том виде, как её определил Жане, а также диссоциацией функций и раздроблением поля сознания. Напротив, психоаналитическая теория не позволяет более разграничить психическое равновесие и ложное равновесие невроза — защитные механизмы являются одними и теми же в обоих случаях. В очередной раз функциональный динамизм Жане обнаруживает свою несовместимость со структурными системами и символизмом Фрейда.

ГЛАВА 7

ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ

Проблемы сознания занимают центральное место в исследованиях Фрейда и Жане — как применительно к психическому аппарату, так и применительно к патогенезу неврозов или психотерапии. Их значение возрастает ещё и потому, что они жили в эпоху, когда само понятие сознания было поставлено под сомнение с различных точек зрения — философской, психологической, экспериментальной.

Примечательно, что оба они в принципе установили, что психические расстройства не могли бы получить наиболее приближённого объяснения без привлечения фактов сознания. С точки зрения сравнения, это предварительное наблюдение подтверждает то, что было отмечено ранее, а именно, что Жане и Фрейд приняли постепенно расходящиеся подходы, исходя из общего понятия: реальности психологического сознания.

(ЖАНЕ)

Можно допустить, что ещё до Фрейда Жане способствовал тому, чтобы лишить философию — в пользу психологии — монопольного права на эту проблему. Он не отказывается от понятия единства сознания как структуры, но лишает его онтологического контекста и полагает, что это единство осуществляется лишь в ходе долгого обучения.

Речь, таким образом, уже идёт не о соотношении сознания с единством бытия, однако, с другой стороны, речь не идёт и о том, чтобы отрицать его реальность, рассматривать его

как «абстрактную сущность, лишённую значения», или как историческую фикцию: «Бихевиоризм, — пишет Уотсон, — (...) считает, что вера в существование сознания возвращает нас к старым дням суеверия и магии»¹.

Рассмотрение отношений бихевиоризма и психиатрии вышло бы за рамки нашей задачи — потому ограничимся напоминанием о том, что именно как клиницист Жане стремится проанализировать, по завершении долгого и тщательного исследования, модальности сознания, нарушения которого сами по себе доказывают его реальность. В частности, он приписывает центрэнцефалу, или «старому мозгу», базовую функцию, функцию упорядочения и оформления — посредством либо облегчения, либо торможения, — соответствующую по существу «функции бдительности». Кроме того, он определяет «уровни сознания» в связи с развитием и иерархией психологических структур. Он вводит понятие «уровней сознания», связанных с развитием и иерархией психических структур.

В целом можно сказать, что Жане изучает сознание в двух различных аспектах: как структуру и как функцию, — последняя соответствующая различным свойствам первой. Как структуру он не рассматривает его как абстрактную сущность в смысле кантовского «осознания». Оно не соответствует также, согласно классическому определению, интуиции, которую «дух имеет о своих состояниях и актах». В рамках психогенеза его можно мыслить как структуру, которая образуется, «обучаясь» самой себе, и естественным образом стремящуюся к единству. Напротив, множественность его функций нередко делает его лишённым этого атрибута единства, которое в определённых отношениях навязывается уму как необходимость: «Сознание, — пишет Жане, — казалось философам неизменным абсолютom; мне же оно представляется, напротив, переменным и относительным (...). Выражение «подсознательный акт» лучше понимается, когда сознанию придаётся этот относительный характер». Кроме того, оно не является фундаментальным характером психологических фактов, и с психогенетической точки зрения «вмешивается позже, чем принято думать». Следует настаивать на том, что для правильного понимания мысли Жане единство сознания, которое он допускает как структуру, не противоречит сознанию «переменному и относительному» как функции и не противоречит также понятию «второго сознания, проявляющегося посредством актов», или понятию «одновременных существований».

Именно в этом смысле можно понять отношения, которые Жане устанавливает между сознанием и мыслью: «Сознание, — говорит он, — является, таким образом, одним из существенных признаков мысли». Но вместе с тем он считает, что акт сознания — это «психологическая операция более высокого порядка, нежели сам акт, которого она осознаёт». Между тем для Жане мысль сама по себе является актом, что позволяет ему устанавливать сложную совокупность отношений между сознанием, мыслью и активностью — как экстенциональной, так и интенциональной, — а также определять поле сознания, которое у нормального субъекта имеет те же измерения, или, точнее, те же протяжения, что и само действие.

Исходя из этого, он описывает при неврозах либо раздробленность, либо сужение поля сознания. Невроз для него — «болезнь развития функций», и он связывает изменения поля сознания с нарушениями именно как функций.

Напротив, именно как структуру Жане определяет единство сознания: «Если мы рассмотрим сознание людей, — говорит он, — не обнаружим ли мы в нём весьма чёткое единство и различие, отделяющее людей друг от друга? Это единство не навязано извне, оно находится внутри существа в его единстве действия и сознания». Именно на этом

уровне можно лучше всего уловить глубинный смысл психологического динамизма Жана: принимая во внимание отсылку к бытию — совершенно исключительную у него, — он связывает сознание с двойной — структурной и функциональной — точки зрения с формированием личности. В этой новой перспективе структурное единство сознания будет выражаться с функциональной точки зрения в синтетическом действии на личность.

В том же смысле он описывает личность как «труд к объединению и различению». Она соответствует «совокупности операций, актов — малых или больших, — служащих индивиду для построения, поддержания и совершенствования своего единства и своего отличия от остального мира». Однако личность — «тоже конструкция, стремящаяся к единству, но не имеющая уверенности в том, что достигнет его». Она «находит свой зародыш в физиологическом единстве тела», выражающемся изначально в «элементарной схеме поведения собственного тела». На этом уровне мы вновь встречаем ценестезическое сознание нынешних теорий о формировании «нейросознания».

Ту же функцию синтеза Жане видит в связях между «Я» и социальными формами поведения. Теория Жана не менее оригинальна: он думает, что «Я» является лишь особым аспектом персонажа, ибо, говорит он, «отношения не все проходят через него. Внешний мир — это понятие, которое строится постепенно, как и «Я». Они могут вступить в отношения по итогу, но не вначале, поскольку их ещё нет». Откуда он заключает: ««Я» вторично по отношению к персонажу». Следовательно, «Я» постепенно образуется как структура вследствие информации, приходящей извне, и вытекающих из неё социальных форм поведения (сентиментальные формы поведения, иерархические формы поведения оценки и экономии сил, формы поведения власти и прогрессивной индивидуации и т. д. ...). Между тем формирование «Я» соответствует само по себе «социальной оценке», усиливающей «существенное обособление от других» посредством прогрессивного различения с другими. В ходе всех этих процессов и благодаря различным функциям сознания — бдительности, упорядочения и оформления, синтеза — «Я» строится мало-помалу в своего рода внутреннем диалоге, конечный предел которого соответствует «поведению тайны». человек говорит всё тише и тише, пока единственным адресатом его речи не оказывается он сам. Образовав таким образом своё единство, ««Я» станет духом, таинственным принципом действия, ибо мысль будет источником инициативы, и индивидуальная личность, благодаря всему этому социальному поведению, будет значительно более объединённой и более чёткой». Нет возможности продолжать дальше это довольно поразительное восхождение психологического динамизма Жана, которое по меньшей мере позволяет понять двойной смысл понятия сознания — в зависимости от того, анализируется ли оно как структура или как функция.

С точки зрения психопатологии понятно, что для Жана душевнобольной не приходит к осуществлению этого единства личности, «Я» и сознания, — откуда он выводит свои понятия диссоциации, дезагрегации или распада, и даже «декапитации» функций, одновременно с дроблением или сужением поля сознания. А. Бине констатирует в этой связи, что Жане неизменно возвращается к «множественности сознания и личности», что он даже берётся определять три или четыре одновременные личности, способные влиять друг на друга. Кроме того, он вдохновляется этим в психотерапии и стремится развивать «ту или иную личность за счёт той или иной другой». Следует, однако, уточнить, что Жане говорит не об одновременных личностях — за исключением случаев раздвоения личности, — но об «одновременных подсознательных существованиях». Так, он уточняет отношения между «одновременными подсознательными существованиями, с одной стороны, и различными сомнамбулизмами, с другой». Он приписывает эти явления ослаблению «силы психического синтеза», при котором субъект «упускает значительное число психологических явлений». На этой стадии одновременность подсознательных

существований приводит к «состоянию дезагрегации», наиболее характерный пример которого — истерия, с той оговоркой, однако, что, согласно определению Жана, истерия выражается в распаде или диссоциации функций без нарушения интеллектуальной или двигательной функции, что позволяет отличить её от шизофрении, — по меньшей мере в большинстве случаев. То же самое, когда истерия вызывает раздвоение личности с дроблением поля сознания: «Существенный характер этой болезни дезагрегации — образование в духе двух групп явлений, одна из которых составляет обычную личность, другая — кроме того способная делиться — образует ненормальную личность, отличающуюся от первой и ею полностью игнорируемую».

В то время, то есть в начале века, Жане не всегда был правильно понят, независимо даже от влияния, которое уже оказывала психоаналитическая теория. В качестве примера А. Бине и Т. Симон заявляют, что при истерии существует «состояние разделения сознаний». Между тем Жане никогда не употребляет термина «разделение», практически равнозначного полному разрыву в поле сознания, как поступает Фрейд. Напротив, как мы увидим далее, Жане всегда утверждал, что существует относительная непрерывность состояний сознания — даже при неврозах. Зато он, без сомнения, одобрил бы удачную формулу П. Гартенберга: «Больной не осознаёт осознанного факта» — но не следующий за ней комментарий: «Сознание — наиболее хрупкий атрибут психической психологии». Оно — «лишь эпифеномен, бессильный свидетель психической активности». В самом деле можно постулировать в принципе, что эпифеноменализм несовместим с динамической моделью Жана.

Упомянем последний элемент проблемы — присутствие при себе, которое предполагает сознание, не только как психоорганическая структура, но и как функция бдительности и синтеза. Верный правилам, которые он сам себе установил, Жане остерегается затрагивать философский аспект проблемы. Едва упоминает он Бергсона и уточняет, что «понятие присутствия (...) порождает совокупность чувств, которые только начинают углубляться». Этот важный вопрос будет затронут вновь применительно к теории бессознательного Фрейда. Заметим лишь здесь, что если сознание ответственно за «присутствие при себе» личности, то патологическое раздробление поля сознания должно непременно сопровождаться относительным «отсутствием при себе». Именно это в действительности и происходит не только в психозах, таких как шизофрения или паранойя, но и в простых неврозах, как истерия, а в особенности в сомнамбулических (или гипноидных) состояниях.

В очередной раз патология, по всей видимости, наоборот доказывает психологическую реальность единства личности и сознания при всей изменчивости и относительности её функциональной активности.

(ФРЕЙД)

С Фрейдом проблема сознания погружает наблюдателя в мир теней, в котором порой вспыхивают ослепительные молнии гения. Мы покидаем трудный и нередко неблагоприятный путь психологического динамизма, стремящегося прежде всего быть объективным и рациональным, и отправляемся исследовать таинственное царство теней и света, где кружащие голову вершины скрывают бездонные глубины, и где нам

предлагается познать «сокрытое». Прежде чем проникнуть в эту доселе неисследованную область, необходимо осуществить в известном смысле мутацию духа, постараться самому стать психоаналитиком, дабы понять одну из наиболее мощно оригинальных мыслей своего времени.

Заметим прежде всего, что, ещё в большей мере, чем для Жана, проблемы, поставленные фактами сознания, занимают центральное место в исследованиях Фрейда. Отметим также, что Фрейд редко употребляет существительное «сознание» — как в своей первой, так и во второй топики: «Сознательное, — пишет он, — образует отправную точку всех наших исследований». Оно «является единственным характером психических процессов, данным нам непосредственно и не поддаётся нисколько разграничению между системами». С другой стороны, Фрейд никоим образом не озабочен онтологическим аспектом проблемы, однако парадоксально его теории порождают важные философские отзвуки, отражающиеся в различных областях — в особенности в области языка. Следует прежде всего подчеркнуть структурный и пространственный характер его различных систем: системы бессознательного (Бсз), предсознательного (Псз) и сознательного (Сз) первой топики, или системы Оно — Я — Сверх-Я второй топики.

В целом Фрейд не занимается сознанием как таковым — ни философскими, психологическими или социологическими доктринами, с ним связанными. Он не изучает также психогенетических или функциональных элементов проблемы. Его позиция совершенно оригинальна: с теоретической точки зрения он строит «обособленные системы» — одновременно абстрактного и символического характера, — которые связывает между собой «потоками энергии», содержащими несколько уровней или «слоёв» и применительно к которым он упоминает различные «способы иннервации». С практической точки зрения он почти не интересуется нормальными явлениями сознания, но прежде всего расстройствами сознания и вытекающими из них симптомами. В этом пункте понятна критика М. Бенасси, констатирующего, с одной стороны, что Фрейд смешивает два уровня — физикохимический и феноменологический, — и, с другой стороны, что он приходит к рассмотрению своих гипотез как буквальной психологической реальности.

То же самое применительно к отношениям сознания и «Я». Фрейд не занимается проблемами личности, разграничения «Я» и персоны, унитарной ориентации под контролем сознания и т. д., — проблемами, которым Жане посвятил несколько трудов. Фрейду существенным представляется определение «Я» в зависимости от его конструкций...

«Я» неотделимо от понятия бессознательного конфликта, о котором уже шла речь ранее и применительно к которому М. Бенасси заявляет: «Конфликт лежит у истоков «Я» и вместе с тем им порождается: эта двусмысленность показывает нам, что «Я» — несколько неточное понятие». Несмотря на это, Фрейд извлекает из него весьма важные практические выводы, в частности, сравнивая «Я» с «осаждённой крепостью» и обозначая его как «жалкое создание», разрываемое между драмой и тревогой.

Именно конфликт он делает ответственным и за расстройства сознания, сопровождающие бесконечно сложные явления неврозов, — аффекты и волнения, инвестиции и контринвестиции, компульсии повторения, идеогении, защитные механизмы и т. д. Очевидно, что это монументальное и цельное построение контрастирует с функциональным динамизмом Жана. Фрейд сам это признаёт: «В этом, — пишет он, — наша концепция отличается от концепции Жана. Для нас диссоциация функций происходит не из-за врождённой неспособности психического аппарата к синтезу; мы

объясняем её динамически конфликтом двух психических форм, мы видим в ней результат активного восстания двух психических созвездий — сознательного и бессознательного — одного против другого». Эта оригинальная цитата, по всей видимости, свидетельствует о том, что Фрейд не уловил точно мысль Жане: помимо онтогенетических факторов, признаваемых самим Фрейдом, Жане не приписывает диссоциацию функций врождённой неспособности, но рассматривает её как возмущение — тоже динамическое — психического аппарата, главной причиной которого является психологическая слабость; кроме того, эта психастения не является с необходимостью конституциональной и никак не может быть уподоблена «врождённой неспособности». Можно заключить по меньшей мере, что теория Жане является более динамической, чем теория Фрейда, противопоставляющего в абстракции два «психических комплекса» и потому подвергающегося критике М. Бенасси, упрекающего его в использовании пространственных метафор для объяснения временных явлений.

С точки зрения сравнения, нет никакого соответствия между концепциями Жане и Фрейда. Противостояние неустранимо между сознанием по Жане — сознанием одновременно функциональным и реакционным (функции бдительности, контроля, облегчения и синтеза), нормально ориентирующим личность к собственному единству, — и сознанием по Фрейду, расщеплённым на «обособленные области» (или «психические комплексы»), гипотетически соотносимые с топическими системами, содержащими противоречивые элементы, — о чём будет сказано подробнее далее.

То же самое в отношении «Я» и его бессознательных конфликтов. Жане рассматривает «Я» как структуру, динамически ориентированную к внутреннему единству, которого она не обязательно достигает, тогда как Фрейд пространственно представляет его как «осаждённую крепость».

Для Жане конфликт может соответствовать лишь случайности на пути, возникающей либо вследствие травматизмов, либо в ходе бесконечно сложной игры тенденций, психологического обучения и психогенеза в целом. Остаётся, однако, что понятие интрапсихического конфликта является существенным открытием Фрейда, — с той, однако, оговоркой, что его теоретическое объяснение двусмысленно и что с практической точки зрения он приобретает значение лишь начиная с невроз.

Именно так, во всяком случае, следует интерпретировать мысль Жане, ибо у нормального субъекта он привлекает функции регуляции, благодаря которым подсознательный конфликт естественным образом завершается возвратом к равновесию. Между тем Фрейд игнорирует психофизиологическую регуляцию, что склонно лишний раз доказывать, что он плохо знал труд Жане или по меньшей мере не интерпретировал его объективно. Во всяком случае, представляется очевидным, что, если бы Фрейд принял во внимание регуляцию, психоаналитическая теория была бы более рациональной, менее гипотетической и, без сомнения, также менее подчинённой фантазмам и систематической драматизации.

1. ПОДСОЗНАТЕЛЬНОЕ ЖАНЕ

Оно в значительной мере соответствует «частичной каталепсии» Ласега (по меньшей мере на патологическом плане), также послужившей базой исследования для Жане: «Слово «подсознательное», — пишет он, — если придерживаться значения, которое я ему давал, когда предложил употреблять его в 1886–1889 годах, ограничивается суммированием особых черт личности, представляемых наблюдателю некоторыми расстройствами личности в ходе особого невроза — истерии». И далее: «Именно этот особый характер

явлений, представляемых больными истеричными, — это отношение, понимающее или нет, — я и пытался некогда резюмировать словами «подсознательное», «сужение поля сознания», «дезагрегация личности». Однако добавляет: «Именно в психиатрической клинике и возник вопрос о подсознательном, он ещё не созрел для того, чтобы выйти за ее пределы».

В целом Жане относит к подсознательному состоянию большое число патологических явлений и в первую очередь различные состояния «сомнамбулизма», которые Фрейд вслед за Брейером должен был квалифицировать «гипноидными».

Кроме того, он констатирует, что подсознательность определяет странный психологический автоматизм, который он делает ответственным за то, что называет «постоянными стигматами» — такими как суггестивность и доверчивость (в особенности у истеричных), и которые он использует в психологической терапии, как в состоянии бодрствования, так и при помощи своего метода активного внушения под гипнозом. К подсознательному же он относит большое число расстройств чувствительности, памяти, воли и т. д. и прежде всего «подсознательные и одновременные существования». Он констатирует, что многие больные «плохо связывают со своей личностью некоторые явления, которые другие люди не колеблются считать личными».

Многие из них беспрестанно повторяют: «Это не я действую, это не я сделал это, это мои руки сделали сами... Это не я говорю, это не я ем, это не я чувствую, это не я страдаю, это не я слышу и т. д.». Этим объясняются, с одной стороны, «прекрасное безразличие» истеричных, и, в более широком плане – одновременные существования, некоторые бредовые состояния, а также раздвоения личности, не относящиеся к шизофрении. Впоследствии Жане расширил семантическое поле подсознательного, включив его в свой психологический динамизм: «Сознание, — пишет он в 1929 году, — слагается из множества операций, и то, что называют подсознательным, — это сохранение некоторых операций совершенно элементарной степени, тогда как более высокие операции исчезли», что объясняет в некоторых случаях «подсознательность функций». Следовательно, подсознательное соответствует в широком смысле сохранению некоторых операций в форме мнемонической латентности. Жане видит тому доказательство в актуализации (припоминание — опознание — локализация) подсознательной фиксированной идеи, которую он неоднократно получал у больных в гипнотическом состоянии. Эта актуализация, нередко вызывающая быстрое исцеление невроза, отличается от психоаналитического катарсиса тем, что последний более не включает терапевтического гипнотизма. Другое подсознательное состояние, описанное Жане, — это состояние грез и мечтаний, которое он полностью отличает от сновидений: «Г-н Ксавье де Местр («Путешествие вокруг моей комнаты») прелестно описал эти глупости, которые «зверь» в нас совершает, пока «душа» недосматривает за ним».

Таким образом, мнение А. Пьерона представляется не вполне обоснованным, когда он пишет, образно выражаясь: «Жане как раз перестал отводить роль подсознательному, тогда как Фрейд заселял его своими персонажами, словно настоящий театр». В действительности Жане прежде всего хотел противопоставить свою концепцию подсознательного системе Без Фрейда — и можно предположить, что именно поэтому он систематически ограничивал значение своих открытий в этой области. Во всяком случае, его определение подсознательного, которое следует сблизить с «подпороговым сознанием» У. Джеймса, вписывается в линию принципа непрерывности Лейбница и его степеней сознания.

2. БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ ФРЕЙДА

Рассмотрение этого краеугольного камня психоаналитического здания будет по возможности ограничено элементами, наиболее поддающимися сравнению. Прежде всего потребуется кратко проанализировать механизмы вытеснения, позволяющие в первом приближении понять смысл, вкладываемый Фрейдом в бессознательное. Затем будут кратко изложены теоретические отношения бессознательного с двумя топиками — с отмечанием преобразований, внесённых Фрейдом в психоанализ.

а) Вытеснение

Именно наблюдение случаев истерии вдохновило также Фрейда на открытие вытеснения, которое он тотчас же включил в психический аппарат нормального субъекта: «Мы познакомились сначала с вытеснением, — пишет он, — и образованием симптомов на примере истерии». И далее: «Мы признали сохранение вне сознания существенным характером истерического вытеснения», что позволяет ему, в частности, разграничить истерию и невроз навязчивости, при котором симптомы остаются отчасти сознательными.

В 1882 году Брейер уже наблюдает явления вытеснения, которые он сопоставляет, с одной стороны, с тем, что он называет «абреакцией» травматических воспоминаний, и с другой стороны — с эмоциональным состоянием субъекта в момент травмы. По его мнению, абреакция может доходить до окончательного забывания — либо «посредством износа воспоминаний», либо посредством действия субъекта, когда речь идёт о «вещах, которые больной хотел забыть и которые он намеренно удерживал, отталкивал, вытеснял из своей сознательной мысли». Можно отметить в этой связи, что Брейер не мыслит «обособленной области» для воспоминаний, вытесняемых больным из сознания, и что в этом пункте он располагается между «мнемонической латентностью» Жана и системой Бсз Фрейда.

Фрейд, со своей стороны, нечасто употребляет термин «абреакция», который считает двусмысленным. Он ограничивает его употребление определёнными компенсаторными механизмами защиты применительно к травматическим реминисценциям. В качестве примера: «Ребёнок ведёт себя таким же образом в отношении всех неприятных впечатлений, повторяя их в игре; переходя от пассивности к активности, он стремится психически овладеть впечатлениями своей жизни. Если именно это понимать под «абреакцией» травмы, мы не имеем больше возражений против этого термина».

В действительности именно Фрейд принадлежит заслуга определения вытеснения через цензуру. В рамках своей первой топика он говорит: «Вытеснение (...) — это процесс, благодаря которому акт, способный стать сознательным, то есть принадлежавший предсознанию, становится бессознательным». Этот процесс возврата провоцируется цензурой, заставляющей акт «отступить обратно».

Фрейд, с другой стороны, различает две цензуры — одну между системой Псз и системой Сз, другую между системой Псз и системой Бсз. Что касается природы вытеснения, Фрейд признаёт за ним одновременно пространственный и динамический характер в двух последовательных фазах: фиксация неудовлетворённого влечения на инфантильной стадии и вытеснение в собственном смысле в бессознательном «психических производных» «оставшихся позади» влечений. Речь тогда идёт о первичном защитном механизме, однако, кроме того, может существовать третья фаза, патологического порядка, соответствующая «возврату вытесненного», то есть «поверхностному прорыву» вытесненных и деформированных влечений со всеми вторичными явлениями, которые

они влекут за собой, — изоляцией, отрицанием, маскировкой, эквивалентностью, конверсией и т. д. Речь в этом случае идёт о патологическом «дефорсировании», рассматриваемом Фрейдом как «неудача вытеснения», из которого происходят симптомы. Таким образом, именно на основе наблюдения ограниченного числа больных Фрейд с гениальной интуицией предполагает существенный процесс психического аппарата. Лишь то и происходит, что систематическое распространение психиатрического наблюдения на общую психологию не всегда даёт столь же примечательные результаты, и именно в этом смысле Жане критикует противопоставление «между безграничным обобщением и точным констатированием». Тем не менее он воздаёт должное Фрейду за открытие вытеснения, но наделяет последнее иным значением.

То же самое в отношении последовательных преобразований, внесённых Фрейдом в свою теорию вытеснения. В первой топике данные проблемы весьма просты: содержание системы Бсз — это, по существу, вытесненное: «Наше понятие бессознательного, — пишет Фрейд, — тем самым выводится из теории вытеснения. Вытесненное для нас — прообраз бессознательного». Впоследствии он уточняет, что «бессознательное — наиболее широкий термин, вытесненное — более частный. Всё вытесненное бессознательно, но мы не можем утверждать, что всё бессознательное является вытесненным».

С «Метапсихологией» вытеснение меняет природу вследствие того, что Фрейд отказывается от топического представления или по меньшей мере стремится согласовать его с представлением энергетическим, которое символизируется понятием инвестиций. В этой новой перспективе вытеснение необходимо соответствует «отзыву инвестиции, однако возникает вопрос, в какой системе происходит отзыв и к какой системе принадлежит отозванная инвестиция». Решение, предложенное Фрейдом, таково: «Отзыв предсознательной инвестиции, сохранение бессознательной инвестиции или замена предсознательной инвестиции бессознательной инвестицией». Одним словом, вытеснение «действует на представления на границе систем Бсз и Псз (Сз)». Из этого нового описания, позволяющего устранить «топическую гипотезу» в пользу функциональной гипотезы, следует, с одной стороны, что вытеснение является уже не содержанием Бсз, но энергетическим процессом, и, с другой стороны, что его значение как механизма психической активности уменьшается.

Наконец, третье определение вытеснения формулируется одновременно с топикой Оно — Я — Сверх-Я: вытеснение становится защитным механизмом «Я».

Фрейд отныне считает, что влечения «Оно» составляют главную опасность для «Я», откуда он выводит, что ««Я» защищается от опасности, используя феномен вытеснения». Он уточняет механизм: «Либо влечение сохраняет свою силу, либо оно стремится эту силу восстановить, либо, наконец, оно оживляется каким-то новым поводом, (...) однако поскольку путь удовлетворения остаётся заблокированным вследствие того, что мы называем «рубцом вытеснения», оно прокладывает (...) доступ к так называемому заместительному удовлетворению, которое появляется в форме симптома, — и всё это без согласия и понимания «Я». Все явления образования симптомов могут рассматриваться как «возвраты вытесненного». Одним словом, вытеснение защищает «Я» от влечений «Оно» и «рубцует» в форме ставшего автоматическим механизма. Однако оно не может предотвратить замещающее удовлетворение, порождающее симптомы. В подобном контексте значение вытеснения ещё более уменьшается по сравнению с предыдущей теорией — вплоть до того, что в конечном счёте вытесненное «поставлено вне закона, исключено из большой организации «Я» и подчинено теперь лишь законам, управляющим областью бессознательного». Одним словом, Фрейд поворачивается спиной к своим

первым теориям: не только роль, приписываемая вытеснению, всё более сужается, но прежде всего оно радикально меняет природу. В самом деле, это уже не неудача вытеснения ответственна за симптомы, но, напротив, его консолидация (рубец) как защитного механизма «Я». Ниже мы увидим, что последовательные теории вытеснения разделяют участь теорий самого бессознательного.

б) Две топики

Именно в Нанси, в клинике Бернгейма, Фрейд, по выражению А. Эснара, «получил наиболее сильные впечатления, касающиеся возможности мощных психических процессов, остающихся, однако, скрытыми от сознания людей». Затем в Вене он в сотрудничестве со своим учителем и другом И. Брейером и присутствует при первых результатах, полученных последним благодаря своему «очистительному методу» или катарсическому лечению. Однако Брейер практиковал терапевтический гипнотизм, и Фрейд с большим энтузиазмом использовал его для своих первых больных около 1886 года, но мало-помалу отказался от него в пользу внушения в состоянии бодрствования.

Поначалу важное событие направило Фрейда к его первому открытию в области патогенеза: злословие, постигшее Брейера с одной из его больных (Анной О.) в 1882 году, было, в сущности, первым подлинным переносным опытом, пережитым психиатром. Констатируя то же явление у своих больных, Фрейд гениально угадал, по выражению Л. Шерток, с одной стороны, «превратить препятствие в инструмент — анализ сопротивлений и переноса, составляющий, как известно, существенную часть аналитической техники», а с другой — отклонить аффективные домогательства больного на заместителя родителя. Без сомнения, аффективные отношения между врачом и больным были известны ещё до него (они были отмечены ещё в 1785 году Пюисегюром), однако именно Фрейду принадлежит заслуга уточнения природы аффективного динамизма, характеризующего отношения врач – больной, и понимания того, что речь идёт о «ложных отношениях», — «сентиментальный запрос» больных обращается, через личность врача, к «персонажу, принадлежащему их далёкому прошлому». Напротив, перенос еще больше вовлёл своего автора на путь пансексуализма: «Тот факт, — пишет Фрейд, — что перенос — сексуальный, грубо окрашенный, нежный или враждебный, — наблюдается в ходе лечения любого невроза, без чьего-либо желания или провокации, всегда представлялся мне неопровержимым доказательством сексуального происхождения импульсивных сил невроза».

Л. Шерток полагает, что именно около 1892 года Фрейд сформулировал свою теорию переноса, и именно феномен переноса в значительной мере побудил его отказаться от терапевтического гипноза в пользу прямого внушения. Всё возрастающее значение, придаваемое им изучению сновидений, восходит к 24 июля 1895 года, когда ему приснился так называемый сон «Об инъекции Ирме», и был сделан вывод, что сновидение «состоит по существу в осуществлении скрытого желания». Вытеснение, перенос и интерпретация снов, таким образом, составили главные элементы теории бессознательного, по крайней мере в её начальной форме. Впоследствии эта теория претерпела преобразования, полностью изменившие её природу, при том, что без придавалось всё более пронизывающее значение. В 1932 году в «Новых лекциях» Фрейд попытался дать бессознательному общее определение: «Наиболее древнее, наиболее правильное значение слова «бессознательное» — описательное; мы называем бессознательным любой психический процесс, существование которого доказано его проявлениями, но о котором мы ничего не знаем, хотя он и протекает в нас». К несчастью, оказывается, что процессы — это вытесненное цензурой «зажатое» (*geklemmt*) в бессознательном, которое не смогло разрядиться в словах и актах (*abreagieren*), не смогло

устранить свою аффективную мощь через нормальный выход, и стало источником нарушения в равновесии психических сил.

Поначалу Жане признаёт, что не питал «большой симпатии к вытеснению». Затем, на опыте, он допустил, что «вытеснение могло бы быть в определённых случаях поводом для фобии или подсознательности».

С самого начала констатируется значительное различие между видением Жане, ограниченным определёнными случаями невроза, и фрейдовской концепцией двойного психического процесса — между системами Сз и Псз, с одной стороны, и системами Псз и Бсз — с другой. Однако даже в области психиатрии Жане критикует психоаналитическую интерпретацию этих процессов. Психоанализ, говорит он, «принимает два понятия — понятие переноса и понятие подсознания через вытеснение — и рассматривает их как основополагающие (...). Приняв эти определения раз и навсегда, он ограничивается поиском того, каким образом, в силу какой символической интерпретации, можно привязать симптом к этим основополагающим понятиям переноса и вытеснения». Здесь под сомнение ставится сам психоаналитический метод в том смысле, что Фрейд ставится в упрёк подтверждение заранее построенной схемы по данным клиники, тогда как у Жане путь обратный: от наблюдений к осторожным обобщениям.

Впрочем, критика Жане касается лишь первой формулы вытеснения — топки Бсз–Псз–Сз. Не представляется, чтобы он следил за дальнейшей эволюцией мысли Фрейда, однако можно считать установленным, что он ей противился всегда в силу систематического обобщения объяснения и умозрительного характера гипотез. С другой стороны, можно предположить, что одобрение Жане касалось лишь динамического аспекта вытеснения, понимаемого как психическое движение, но ни в коем случае не распространялось бы на последующие концепции Фрейда (содержание системы Бсз, отзыв инвестиции, защитный механизм «Я»).

Другое противостояние, касаемое природы вытесненного.

Для Фрейда вытесненное конституируется, исходя из неудовлетворений, компульсий повторения, аффективных фрустраций и т. д. под знаком принципа удовольствия, тогда как для Жане речь идёт лишь о тенденциях и функциональной активности. С этой точки зрения жанеисткая позиция представляется более рациональной, чем фрейдовская, ибо отношения между психологическими функциями и вытеснением составляют факты клинического наблюдения. Именно в этом смысле Жане критикует систематическое обращение Фрейда к символизму, о котором говорит, что событие, рассматриваемое как символ другого, может означать всё, что угодно. Наконец, непризнание Фрейдом функций регуляции ещё более углубляет разрыв, разделяющий его от Жане, с двойной — психологической и патологической — точки зрения. У нормального индивида эти функции обеспечивают психическое равновесие и, следовательно, нейтрализуют возможные последствия травматичного вытеснения; у невротика вытеснение всегда соответствует ненормальному процессу, что объясняет симптомы: таков, в сущности, тезис Жане, несовместимый с последовательными теориями Фрейда.

Однако наиболее резкое противостояние вытекает из того, что у Жане вытеснение соответствует лишь подсознательному состоянию латентности, тогда как у Фрейда оно относится во всех случаях к бессознательному. Здесь мы затрагиваем существенный элемент концептуального противостояния между Фрейдом и Жане, значение которого позволяет измерить сравнение.

(ФРЕЙД)

Фрейд объясняет свою концепцию «обособленной системы» Бсз, говоря, что «отдельные латентные процессы (...) пользуются высокой степенью взаимной независимости, словно они не состоят в отношениях друг с другом и ничего не знают один о другом». Кроме того, он возводит происхождение бессознательной активности к первобытному анимизму, «производной формой» которого она была бы. Понятно, что в подобной ситуации Фрейд отвергает «наименование «подсознательного» как некорректное и обманчивое», и определяет систему Бсз как вневременную.

(ЖАНЕ)

В противоположность этому, подсознательное Жане соответствует лишь состоянию мнемонической латентности — конституциональной или нет, — которую психиатр стремится «мобилизовать». Самое резкое расхождение: у Жане вытесненное — это состояние подсознательной латентности, тогда как у Фрейда — содержание бессознательного. Жане не принимает идею «отдельной системы» с пространственной топологией и вне-временным статусом, а также все связанные с этим «специализации», допускаемые психоаналитической теорией.

Понятна также взаимная критика, которой Фрейд и Жане обменивались, — критика, свидетельствующая о меньшем усилении к пониманию у Фрейда, нежели у Жане.

Понятно, что Фрейд считает себя вправе отвергнуть наименование «подсознательного» как некорректного и обманчивого, однако нельзя смириться с тем, что он приписывал Жане мнение, согласно которому бессознательное «было лишь способом говорить». Что касается Жане, его критика столь же категорична, но более точна: «Другие авторы, — пишет он, — употребляли то же слово (подсознательное) в бесконечно более возвышенном смысле. Им обозначали удивительные виды деятельности, существующие якобы внутри нас без нашего подозрения об их существовании; им пользовались даже для объяснения внезапного энтузиазма и провидений гения». И в другом месте: «Чтобы утверждать иное, нам необходимы были бы точные знания о признаках высших и низших явлений мозговой деятельности, о законах ассоциации сознания с мозговыми явлениями — знания, которых у нас нет никоим образом. Не при случае плохо известных симптомов душевной болезни следует пытаться решать эти великие проблемы метафизики». Ещё более резким является следующее суждение: «То, чего следует избегать, — это подсознательного, которого никогда не видят и которое ограничиваются строить по своей фантазии».

В действительности противостояние Жане психоаналитическому бессознательному является в меньшей мере клиническим, нежели философским, ибо оно основано на понятии присутствия.

Рассматривая мысль как акт и отождествляя её с внутренним языком (говорят с самим собой), эта мысль — более или менее сознательная — санкционирует «присутствие при себе» в тот самый момент, когда внутренний язык становится рассказом. В конечном счёте именно само настоящее стало рассказом. Исходя из этого принципа, Жане определяет презентификацию как психологическое действие, состоящее в построении настоящего (сам акт презентификации), затем во вставке «рассказа» в до и после, наконец в упорядочении вокруг «непосредственных рассказов, с ним связанных». Между тем очевидно, что мыслимая таким образом презентификация исключает всякую концепцию существования вне времени или «отсутствия при себе». В итоге речь может идти в

случаях апперцепции или неидентификации лишь о мнемонической латентности, то есть о подсознательном.

Заметим в этой связи, что и здесь Жане придерживается рационального наблюдения фактов и выводов, разрешённых экспериментальным методом, унаследованным от Кл. Бернара. Он запрещает себе любую философскую интерпретацию этих фактов и, когда наблюдение не доставляет ему элементов, которые он счёл бы недостаточными для валидации теории, предпочитает признать своё незнание и ограничиться точной констатацией. В качестве примера он говорит о «психологических силах», что они составляют «абсолютно неразрешимую проблему», и добавляет, что «психологу выгоднее оставаться в своем поле и выражать факты психологически». Напротив, Фрейд не имел философской подготовки; он при случае упоминает «возвышенные требования» философов, чьё «пустословие» разоблачает, уточняя при этом, что он «враждебен к изготовлению мировоззрений». Таким образом, именно не предвидев этого и вопреки себе, его теория бессознательного как незыблемой «инфраструктуры» психоанализа пробудила философские созвучия и стала рассматриваться как способная прояснить «загадки мира».

Как указывалось ранее, подсознательное Жане остаётся согласным с лейбнизианской теорией степеней сознания и принципом непрерывности: «Это большая ошибка, — говорит Лейбниц, — думать, что в душе нет никакого восприятия, кроме того, которое (субъект) осознаёт» («Новые опыты», II, § 15 и III, § 12).

Впрочем, Лейбниц не предвидит разрыва между сознательными восприятиями и «глухими и более чем глухими состояниями», где восприятия «не апперцептируются» — по классическому выражению. Во всяком случае, «ниже» этих состояний нет уже ничего и не может ничего быть, ибо если бы это было так, это «ниже» соответствовало бы небытию, что было бы противоречиво по отношению к единству бытия. Согласно правилу, которое он себе установил, Жане воздерживается от постановки онтологического аспекта проблемы и даже от упоминания этого возможного следствия небытия сознания в бытии как таковом. То же самое применительно к умозрительной части лейбнизианской панлогики, покоящейся на абстрактном понятии монады. Вот почему можно заключить из трудов Жане по клинической психологии, что он вдохновляется философией Лейбница, но как «левый лейбнизианец».

В противоположность этому, разрез, осуществляемый Фрейдом между временным сознательным и вневременным бессознательным, а также лингвистическое использование, которое он из него делает, имеют философские и даже метафизические последствия большого значения. Их анализ вышел бы за рамки сравнения. Потому лишь констатируем, что всемогущество бессознательного, вытекающее из второй топики, является не только генератором тревоги с психологической точки зрения, но и вписывается в философскую перспективу, открывающуюся на гегелевскую диалектику. Кроме того, концепция «Я», рассматриваемого одновременно как фундаментальная структура, если не бытия, то по меньшей мере видимости, и как источник даже в большей мере, нежели место бессознательных конфликтов, позволяет расположить Фрейда ещё левее левых гегельянцев. Сравнение, таким образом, можно заключить лишь констатацией общей несовместимости между Жане и Фрейдом с различных точек зрения — методологической, клинической, патологической, теоретической, философской.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПАТОГЕНЕЗ НЕВРОЗОВ

В рамках сравнения практически невозможно изучать отдельно симптоматику, этиологию и патогенез (то есть клиническую картину, причины и механизмы неврозов), поскольку все эти различные аспекты какой-либо душевной болезни сводятся к существенной проблеме предпринятого исследования — проблеме объяснения. Примечательно, в самом деле, что, в отличие от многих психиатров, ограничивающихся описанием симптомов для постановки диагноза и формулировки терапии, Фрейд и Жане оба стремились сочетать описание и объяснение — как причинное, так и патогенетическое, — дабы обосновать свою терапию в ещё большей мере, нежели свои теории.

(ЖАНЕ)

Жане продвинулся далеко на этом пути, дальше Фрейда, и следовал при том иным методом: описывал с крайней тщательностью констатируемые явления, свёл более 3500 наблюдений, составил статистику — до такой степени, что Фрейд сам пришёл к тому, что рассматривал этот труд как лишённый подлинного предмета: «В лучшие свои минуты, — пишет он, — психиатры задаются вопросом, заслуживают ли их чисто описательные построения названия науки». Нельзя знать, была ли в мысли Фрейда эта критика обращена специально к Жане, однако можно считать установленным, что применительно к последнему она не оправдана: для Жане максимально точное описание является необходимым предварительным этапом, который позволяет обосновать объяснение; его наиболее совершенной, тонкой и в то же время необходимой формой выступает определение. Следует допустить, что в психиатрии определение может быть лишь эмпирическим и никогда не обладает статусом логического определения; однако если Жане упорствует дать определение неврозу, признавая при этом, что тот ускользает от любой точной дефиниции, то нельзя сказать, что итог его усилий отрицателен: он не только предельно уточняет сам концепт невроза, но и по ходу этого анализа существенно проясняет его патогенез.

На счет отношений, возникающих из конфликтов между «Я» и идеалом «Я». Однако всегда именно либидо («Я» или объектное) управляет одновременно объектными отношениями и конфликтами «Я», так что в конечном счёте всегда обнаруживается сексуальность, даже когда она по какой-либо причине заторможена. Фрейд это признаёт, заявляя, в частности: «Преобладание сексуальных тенденций над социальными составляет характерную черту невроза». И равным образом: «Невроз характеризуется тем, что ставит психическую реальность выше реальности факта». Между тем как на индивидуальном, так и на социальном уровне либидо, подчинённое само по себе сексуальности в зависимости от принципа удовольствия, упорядочивает психическую реальность на всех уровнях — либо непосредственно, либо в смысле отложенной реализации.

(ЖАНЕ)

Помимо критики, формулируемой против пансексуализма психоаналитической теории, а также против концепции единого сексуального корня для всех неврозов, Жане подчёркивает «совершенно оригинальную позицию психоанализа» по данному предмету. Фрейд, говорит он, интересуется приоритетно не сексуальными расстройствами как таковыми, но прежде всего «травматическими воспоминаниями, относящимися к сексуальным переживаниям».

Связи между сексуальными травматизмами и симптомами часты, однако не у всех больных. Бывает, что «при всём желании не находят ничего подобного. Тогда надо изучать и интерпретировать сны». Однако для Жане «этот метод интерпретации представляется странным и весьма опасным, ибо один и тот же сон можно интерпретировать многими различными способами», и прежде всего «интерпретация может быть дана лишь в том случае, если заранее знаешь, в каком направлении следует её производить». Но бывает также, что и изучение снов недостаточно. Тогда «придётся уметь интерпретировать чувства, которые больной признаёт испытанными в определённых обстоятельствах». Наконец, вступают в игру символизация и сексуальная детерминация начиная с раннего детства — от сексуальной перверсии, обнаруживаемой, когда ребёнок сосёт большой палец, до практики онанизма, обнаруживаемой в страсти к фортепьяно. Одним словом, именно сами принципы психологии глубин, и в особенности принципы теории бессознательного, оспариваются Жане.

МЕХАНИЗМЫ НЕВРОЗА

Продолжим сравнительное исследование, анализируя главные патологические механизмы. Они будут сгруппированы под следующими рубриками:

Психологическая астения;
Бессознательное представление;
Психологическая травма;
Подсознательная фиксированная идея;
Сужение поля сознания;
Тревога.

Перечисление сравниваемых данных должно позволить подтвердить или опровергнуть общее противостояние — с двойной, теоретической и практической, точки зрения — между концепциями Фрейда и Жане.

1. ПСИХИЧЕСКАЯ АСТЕНИЯ

(ЖАНЕ)

В связи с двумя основополагающими принципами — энергетическим и генетическим — Жане долго анализировал душевную болезнь, которую он назвал психастенией и которая непосредственно вытекает из психологической слабости, независимо от «колебаний» психологического напряжения. По его мнению, существует эссенциальная психастения, характеризующаяся не только obsessions, но и достаточно отчётливо узнаваемой клинической картиной: расстройства воли, внимания, памяти, нестабильность чувств, общее впечатление незавершённости (действия, интеллектуальные формы поведения, эмоции и т. д.), странность «Я», нарушение функции реального, диффузная тревога, потребность в руководстве и т. д. Сомневающиеся и педантичные люди принципиально являются психастениками, сохраняя при этом возможность проявлять живой ум. Жане приводит в этой связи случай молодой девушки, говорящей на пяти языках, играющей на фортепьяно и скрипке, даже сочиняющей музыку, однако при этом наряду с obsessions и симптомами незавершённости проявляющей неожиданные пробелы в рассуждении. В особенности Жане приписывает кризис obsessions или фобии, вынужденное беспокойство маниакально-депрессивного типа, раздражительность и т. п. вариациям психологического напряжения и видит тому подтверждение в терапевтических результатах, получаемых им

при применении различного лечения — в зависимости от того, идёт ли речь об истинной психастении или о гипо-гипертонии. В настоящее время многие психиатры смешивают психастению и обсессивный невроз.

Помимо эссенциальной психастении, Жане полагает, что психологическая слабость ответственна за многочисленные случаи невроза, поскольку она более или менее непосредственно определяет диссоциацию или распад функций. Он называет в первую очередь истерию, рассматриваемую им как особую форму психастении. Он считает, с другой стороны, что психастеники особенно уязвимы к разлаживающей эмоции, которая в свою очередь нередко развивает предрасположение — посредством дренажа первичных тенденций — к эротизму: элементарные действия, соответствующие сексуальным тенденциям, предполагают, с одной стороны, моноидеистическую центрацию на сексуальном объекте, и, с другой стороны, почти всегда сопрягаются с другими действиями (интеллектуальным действием, действием вербального плана, рефлексивным действием, прогрессивным действием, верой и т. д.). Хотя он и не произносит этого слова, Жане имплицитно определяет конфликт, который в рамках психастении выражается в сомнении, неуверенности в себе или обсессии. Однако это понятие конфликта не имеет никакого отношения к психоаналитическому конфликту, ибо оно вписывается в сложную совокупность действий и реакций, которые Жане относит к своей теории тенденций. Кроме того, эволюция тенденций нормально «регулируется» с двойной — физиологической и психологической — точки зрения, так что при неврозе недостаточность функций регуляции тоже может быть приписана психологической слабости. Между тем Фрейд не признаёт регуляцию и рассматривает лишь защитные механизмы невротического порядка подобно интрапсихическому конфликту, их порождающему. В более широком смысле Жане не допускает фрейдовского процесса ненормального напряжения, заряда и разряда, а также невротических компенсаций психоанализа: «Я не очень хорошо понимаю, — признаётся он, — ибо «тенденция теряет свой заряд, разряжается различными способами». Например, она может быть дренирована тенденцией, имеющей более высокую степень напряжения. Она может также быть интегрирована в процесс мобилизации «неиспользованных сил», удержана в латентной форме и т. д. Одним словом, Жане считает, что «либидинальная поляризация» психоанализа упрощает до крайности элементы интрапсихического конфликта, а также соответствующие патогенетические реакции. Напротив, понятие психастении позволяет хотя бы отчасти прояснить бесконечно сложную игру невротических процессов.

Это относится, в частности, к анализу, произведённому Жане, сексуальных расстройств, которые, по его мнению, обнаруживаются у двух третей больных. Однако как указывалось ранее, Жане изучает сами расстройства с целью наделить их патогенетическим значением, тогда как Фрейд принципиально стремится вскрыть воспоминание о сексуальных травмах с целью наделить их интерпретацией, согласной с его теориями. Наиболее трудно характеризовать невроз — истерию, из которой Жане приводит большое число наблюдений и которую квалифицирует как «протеиформную болезнь» по двум главным причинам: истеричный может проявлять симптомы, уже не являющиеся истерическими, и, напротив, неистеричный невротик может проявлять специфически истерические симптомы. Вот почему он разграничивает «истерическое психическое состояние», характеризующее «невропатическими» стигматами, и более или менее преходящие истерические симптомы.

Остаётся, однако, что сексуальные расстройства особенно часты у истеричных. В качестве примера Жане приводит случай молодой девушки 22 лет, которая компенсирует свои генитальные импульсы тиками, гримасами, театральными позами, доходит до того, что зашивает рубаху и простыни, предохраняя себя от онанизма,отягощена религиозными

угрызениями и непрестанно повторяет: «Нет, нет, прочь, сатана». Галлюцинации и специфически истерические бредовые состояния тоже часты: в особенности экстатические состояния, таков случай Мадлен, которая под гипнозом обнаруживает свою навязчивую идею греха плоти и муки проклятия.

То, что Фрейд переводит как жёсткий процесс заряда — разряда, Жане переводит как ряд сложных действий, вытекающих, с одной стороны, из инстинктивной энергии, и с другой стороны, из всё более высокого напряжения, не совместимого с психастеническим состоянием. В этой перспективе «разряд» — прямой или компенсаторный по Фрейду — соответствует у Жане удовлетворению инстинктивной потребности (удовольствие обозначено вторичным по отношению к потребности), из чего вытекает уменьшение напряжения. Жане приводит также большое число случаев компенсаций — как нормальных, так и ненормальных. В качестве примера: «Маргарита больше не нуждалась в гипнозе после замужества. (...) Берта заменила гипнотизёра любовником». Среди весьма частых случаев компенсации или конверсии Жане особо настаивает на расстройствах языка, которые внимательный наблюдатель может распознать у истеричных. Как типичный пример Жане приводит случай молодой девушки из превосходной семьи, проявлявшей кризу копролалии и в самых непредвиденных обстоятельствах произносившей непристойности. Речь шла о выражениях, усвоенных от злых шутников, злоупотреблявших истерическим автоматизмом больной.

Эти несколько примеров приведены для того, чтобы показать, что Жане отнюдь не преуменьшал важности сексуальных факторов в патогенезе неврозов. Однако вместо того, чтобы рассматривать их как постоянную причину болезни, он думает, что в большинстве случаев они являются следствием дезагрегации, если не «декапитации» высших функций в пользу первичных тенденций, среди которых сексуальные тенденции нередко господствуют в клинической картине. В этом смысле истерия представляет образцовую модель, поскольку определяет «ослабление способности синтеза», которая «позволяет сохраняться психологическим явлениям, однако не объединяет их с идеей личности» или вызывает «нарушение личного восприятия и актов». Однако эти явления не обязательно носят сексуальный характер и тем более не обязательно порождены половым инстинктом. Даже в случаях «соматической конверсии» (термин, заимствованный у Фрейда) «грубые висцеральные возбуждения» соответствуют у Жане преувеличению низших тенденций без обязательной сексуальной поляризации.

Наконец, колебания психологического напряжения объясняют сложность наблюдаемых явлений, ибо психастения может сопровождаться как гипотонией, так и гипертонией со всеми возможными промежуточными вариациями, а также с вытекающими из них расстройствами сознания. По меньшей мере клиницист может, благодаря этому разграничению между психологической силой и напряжением, поставить относительно точный дифференциальный диагноз. Например, Жане считает, что при эссенциальной психастении, где господствуют obsessions, «депрессия, сопровождаемая психическим возбуждением, затрагивает волю, внимание и функцию реального. При истерии функциональная недостаточность касается восприятия и построения личности». Различие симптомов приписывается в первом случае падению психологического напряжения, а во втором — сужению поля сознания. Однако психастеник может проявлять специфически истерические симптомы, что затрудняет диагноз. В другом плане Жане считает, что при истерии, когда психологическая слабость сопровождается гипотонией, больные значительно более чувствительны к эмоциональным реакциям. Теориям Жане ставили в упрек их чрезмерную абстрактность и систематичность, однако тот же упрек мог бы быть обращён к теориям Фрейда. С другой стороны, тщательный анализ Жане содержит практические показания для психотерапии и даже для общего лечения, ибо не только

лечение психастении значительно отличается от лечения тензионных расстройств, но прежде всего этот анализ позволяет во многих случаях не смешивать излечимый невроз с хроническим психозом.

(ФРЕЙД)

Фрейд, со своей стороны, неоднократно отмечал своё категорическое противостояние концепциям Жане.

Применительно к истерии: «Среди истеричных встречаются лица, обладающие наиболее ясным умом, наиболее сильной волей, наиболее критическим духом». Кроме того, он упрекает Жане в определении «истерического типа» (этот термин имеет здесь то же значение, что и «физический тип», включающий узкую удлинённую грудную клетку, маленькое сердце и т. д). «...Мы не смогли бы допустить, что психическая слабость составляет «истерический тип» и характеризует предрасположенность к истерии». Здесь можно подумать, что Фрейд плохо осведомлён: Жане никогда не определял «истерического типа», но лишь «истерическое психическое состояние», как и сам Фрейд. Кроме того, он смешивает психастению с психической слабостью (или умственной отсталостью).

Против жанеистской психологической слабости Фрейд выдвигает «тоническое эндоцеребральное возбуждение», которое в активном мозге «оказывается неравномерно распределённым». Следует отметить в этой связи, что Фрейд ставит вариации эндоцеребрального возбуждения в зависимость от двух факторов: потенциальной энергии и нервного напряжения, — что доказывает, что Фрейд при случае вдохновляется Жане, чтобы прийти к диаметрально противоположным выводам: Жане переводит свои понятия психологической энергии и напряжения в термины действия и поведения, тогда как Фрейд переводит их в термины влечения и символизирует под именем аффекта в зависимости от принципа удовольствия. Кроме того, тоническое возбуждение поляризовано на сексуальности: «Сексуальные возбуждения, сексуальный аффект составляют переход между увеличением эндогенных волнений и аффектами в собственном смысле слова». И далее: «Сексуальный инстинкт является, безусловно, наиболее обильным источником длительных напоров возбуждения (и тем самым неврозов)». В более широком смысле противостояние в очередной раз — между «чистой активностью» Жане и «чистой аффективностью» Фрейда.

Фрейд в системе не отрицает психологическую слабость — в особенности в депрессивных состояниях, — однако отказывается рассматривать её как патогенетический фактор. Например, он приписывает явления истерического торможения оскудению «Я» и потере располагаемым им либидо. Однако эта потеря энергии отнюдь не определяется психастеническим состоянием, она вытекает из «значительного подавления аффектов, из необходимости сдерживать непрестанное появление сексуальных фантазмов». Другими словами, слабость обусловлена истощением «Я», находящегося в состоянии перманентного конфликта: она является следствием, а не причиной процессов торможения.

И вновь противостояние неустранимо.

2. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Сравнительное исследование требует прежде всего нескольких семантических уточнений, ибо именно на данном пункте концепции Фрейда и Жана могут быть проанализированы наиболее объективно.

Представлять — значит «*rem presentem facere*» — это акт, посредством которого объект становится присутствующим для субъекта. Прежде всего заметим, что это присутствие — уже упоминавшееся ранее применительно к теории бессознательного — действительно задействует сознание, ибо когда объект становится присутствующим для субъекта, он одновременно становится фактом сознания. Во-вторых, этот факт сознания управляет пониманием объекта, включающим сложную совокупность интрапсихических отношений. В-третьих, осознание объекта с необходимостью соответствует его интеграции в «я-мне», и тем самым — самопониманию. «Я твёрдо убеждён, — пишет П. Рикёр, — что понимать неотделимо от самоосознания». Во всяком случае, между «присутствием» объекта, соответствующим фактом сознания и сопряжённым пониманием объекта и субъекта существует совокупность логических отношений. Психопатология подтверждает правоту П. Рикёра, ибо у невротика расстройства функции реального сопровождаются совокупностью значимых симптомов: чувства странности «Я», незавершённости, тревоги без объекта, — выражающихся, с одной стороны, в расстройствах сознания и, с другой, в расстройствах представления (ненормальное, деформированное присутствие или даже отсутствие объекта). Обратный процесс столь же логичен: расстройства представления, ненормальные факты сознания, непонимание себя и расстройства личности. Тот же механизм может быть особенно наглядно обнаружен в расстройствах языка.

С другой стороны, обычно признаётся различие смысла между «репрезентацией» и представлением. Репрезентация соответствует «чувственному впечатлению», следующему за сенсорным раздражителем, и может рассматриваться с нейрофизиологической точки зрения как первая корковая интеграция, тогда как представление соответствует интеграции этого первого впечатления в бесконечно сложном движении восприятия, — в связи с памятью, воображением, аффективностью. Наконец, представление всегда остается фактом сознания, каково бы ни было его содержание и независимо от того, осознаётся ли оно субъектом рефлексивно или нет.

(ЖАНЕ)

С психологической точки зрения Жана не анализирует представление как таковое и озабочен лишь «присутствием», которое оно содержит: присутствием здесь и сейчас объекта, неотделимым от «присутствия при себе самом» и коррелятивных сознательных импликаций. Однако он подчёркивает крайнюю сложность проблемы и констатирует, в частности, что «понятие присутствия (...) порождает совокупность чувств, которые только начинают углубляться». То же самое в области психиатрии, где мы равным образом встречаем претворение в жизнь принципов основанной им динамической психологии. Но при неврозах представление тоже затронуто диссоциацией функций: последняя ответственна за деформированные или даже чисто воображаемые представления, которые в свою очередь определяют расстройства сознания. Именно в аналогичном смысле Жана принимает определение Брика: «Истерия — это болезнь представления», в ходе которой психологические движения группируются вокруг «господствующего явления». При истерии господствующим явлением является, как правило, подсознательная фиксированная идея, о которой будет сказано далее; при obsessions, фобиях это явление, как правило, сознательно, хоть и не всегда и т. д. Даже в случаях соматической «конверсии» Жана приписывает телесные стигматы ненормальным представлениям: «Истерическими являются, — говорит он, — все болезненные изменения тела, вызванные представлениями», уточняя, что эти представления всегда более или менее воображаемы.

В целом представление становится патогенетической шестерёнкой — и точнее «идеогенной», — с того момента, когда оно более нормально не регулируется и не вписывается в нормальное движение восприятия: тогда возникают либо фантазматические движения, либо ненормальные «присутствия», проявляющиеся в форме фабуляций, мифомании, сомнамбулизма (или гипноидного состояния), бреда и т. д. По меньшей мере знание важности представления в патогенезе неврозов облегчает их дифференциальный диагноз по отношению к психозам.

Жане: «присутствие» и патологическая роль представления

(ЖАНЕ)

С психологической точки зрения Жане не анализирует представление как таковое и сосредотачивается на феномене «присутствия», который оно предполагает: присутствия объекта здесь-и-сейчас, неотделимого от «присутствия для себя» и сопряжённых сознательных коррелятов. Он подчёркивает крайнюю сложность этой проблемы и отмечает, в частности, что «понятие присутствия порождает целый ряд чувств, которые только начинают углублённо изучаться».

То же наблюдается и в психиатрии, где реализуются принципы динамической психологии, разработанной Жане. В неврозах представление также страдает от диссоциации функций: последняя ответственна за искажённые или чисто воображаемые представления, которые, в свою очередь, порождают нарушения сознания. В этом смысле Жане разделяет определение Брикэ: «Истерия — это болезнь представления», при которой психические движения группируются вокруг «доминирующего феномена».

В истерии таким доминирующим феноменом чаще всего выступает фиксированная подсознательная идея (о которой будет сказано далее); в навязчивостях и фобиях этот феномен, как правило, находится в сознании, хотя и не всегда. Даже при соматической «конверсии» Жане объясняет телесные стигмы аномальными представлениями: «Истерическими являются все болезненные изменения тела, вызванные представлениями», причём эти представления всегда в той или иной мере носят воображаемый характер.

В целом представление становится патогенным, точнее — «идеогенным» звеном с того момента, когда перестаёт нормально регулироваться и включаться в обычный поток восприятия: тогда возникают либо фантазматические движения, либо аномальные «присутствия», проявляющиеся в виде фабуляций, мифомании, сомнамбулизма (или гипноидных состояний), бреда и т. п. Знание о центральной роли представления в патогенезе неврозов заметно облегчает их дифференциальную диагностику по отношению к психозам.

(ФРЕЙД)

Фрейд придаёт ещё большее значение представлению, однако со смыслом, полностью от него отличным: представление становится словом-символом и именно так оно подлежит его семантическому анализу. . Одновременно представление рассматривается как аффективный феномен, дополнительно поляризованный на объектное либидо; при этом

он не проводит чёткой границы между нормальными и патологическими представлениями, будь они сознательными или бессознательными.

Прежде всего отметим, что соответствие французских и немецких терминов не всегда точно.

Символизация термина расширяет смысловое поле «Vorstellung» в том виде, как оно определяется Кантом или Шопенгауэром: для Канта представление соотносится одновременно с априори чувствительности и с присутствием при себе объекта; Шопенгауэр сопрягает эти элементы с силой и волей. «Vorstellung», таким образом, должно понималось в смысле весьма близком к смыслу «представления» — с учётом языковой разницы. Однако позиция Фрейда совершенно оригинальна — до такой степени, что, как показал П. Рикёр в своём «Очерке о Фрейде», психоаналитическая теория буквально вторгается в философию посредством языка.

Символизирующий процесс обнаруживается в разграничении, устанавливаемом Фрейдом между: *Darstellung* (символизированное изображение объекта), *Vorstellung* (идеация чувственных впечатлений, исходя как из влечений, так и из их вытеснения), *Repräsentanz* (непосредственное всего соответствующий аффектам в связи с бессознательным). Под этими тремя модальностями фрейдовское представление, согласно второй топике, причастно к конфликтам «Я» в двойном качестве: как «*Repräsentanz*» бессознательных влечений, с одной стороны, и как существенный элемент вытеснения, с другой. В самом деле, Фрейд формулирует в «Метапсихологии» (1915): «Влечение никогда не может стать объектом сознания — лишь презентующее его представление может таковым стать». И далее: «Вытеснение — это по существу процесс, действующий на представления на границе систем Бсз и Псз». Согласно второй топике «Ид–Я–Сверх-Я», вытеснение превращается в защитный механизм Я, подобный «попытке бегства», так что «вытесненное оказывается вне закона, исключённым из большой организации Я». Но такая связка представления (презентации) с вытеснением делает теорию внутренне неясной: представление, с одной стороны, включено в организацию Я, а с другой — оказывается связанным с содержанием, объявленным «вне организации Я».

Кроме того, интемпоральность бессознательного добавляет к двусмысленности теории: как организующий элемент, представление неотделимо от объектных отношений и Фрейд отождествляет его с объектом: «Для Фрейда, — пишет М. Бенасси, — нет различия между «*Vorstellung*» и психоаналитическим объектом. Объект любви — это не мать, но образ матери, находящийся в ребёнке».

Однако в конечном счёте образ матери оказывается интегрированным в систему Бсз, так что представление содержит одновременно вневременные и временные элементы.

Если же интемпоральность Ид носит негативный характер и «может быть определена лишь по контрасту с Я», становится непонятно, как согласовать объект-представление одновременно с динамикой «негативного» Ид, лишённого времени, и с динамикой темпорализованного, то есть позитивного Я.

В целом сравнение обнаруживает те же концептуальные антиномии между функциональной психологией Жана и структурной психологией Фрейда.

Теория Жана не порождает подобных трудностей интерпретации, ибо он систематически останавливается на границе психофизиологических знаний и запрещает себе формулировать умозрительные гипотезы. Фрейд, со своей стороны, заходит значительно

дальше: он позволяет себе символические расширения и археологические отсылки, которые призваны легитимировать его гипотезы и могут быть им изменены по ходу опыта.

Именно так и происходит в том, что касается определения представления, которое не способно «собрать воедино разнородное» из-за включённых в него несводимых элементов. Топически и структурно можно формально признать оппозиции, противоречия и несогласованности между системами, но тогда приходится отказаться от всякого по-настоящему динамического, временного или «экономического» понимания психических процессов, что в рамках психоанализа трудно приемлемо.

3. ТРАВМА И РЕМИНИСЦЕНЦИЯ

Важность психической травмы впервые была выявлена Шарко, в особенности применительно к нескольким случаям истерической монопатии руки, наблюдения которых он опубликовал в 1884 году. Травма является, в самом деле, определяющей причиной симптомов — психических или соматических, — поскольку запускает совокупность бессознательных реминисценций, сочетающихся с идеогенными, воображаемыми, галлюцинаторными или бредовыми представлениями. Она же ответственна за формирование подсознательных фиксированных идей, которым Жане и сам Фрейд придавали особую важность. Здесь можно уловить крайнюю сложность патогенетических факторов неврозов, а также трудность их интерпретации.

(ЖАНЕ)

Приоритет в описании травматических реминисценций и их связи с эмоцией принадлежит Жане. Он подробно исследует этот механизм в «Психологическом автоматизме», «Навязчивостях и психастении», «Неврозах», «Неврозах и фиксированных идеях», «Психологической медицине»; этот анализ был бы почти исчерпывающим, если бы не одна уже упомянутая лакуна: недостаточная проработка собственно аффективного содержания травм.

По его мнению, реминисценция образована из трёх главных элементов: генитальных озабоченностей, из которых он приводит многочисленные примеры; усталости, связанной с психологической слабостью; и эмоции. Применительно к усталости, которая тем более вредоносна, чем тяжелее психологическая слабость, она усиливает и повышает значимость реминисценции, которая в свою очередь становится патогенной: больной предпринимает более или менее осознанно отчаянные и тщетные усилия, чтобы приспособиться к «трудной ситуации, из которой ему не удалось выйти с честью». Отсюда вытекает «борьба и всё возрастающее истощение», и в конечном счёте снижение психологического напряжения, еще боолее усугубляющее состояние усталости Эмоция, в свою очередь, оказывает депримирующее действие, преимущественно на «актуальную тенденцию» в момент травмы, так что эта тенденция «более не способна достаточно выправиться».

Важно подчеркнуть, что все эти психические операции протекают на подсознательном уровне и не сводятся ни к какой «особой системе» наподобие психоаналитического Бессознательного.

(ФРЕЙД)

В весьма иной перспективе Фрейд не анализирует травматическую реминисценцию как патогенетический фактор — он интересуется лишь аффективными расстройствами, ею провоцируемыми. Так, говоря о зрительных галлюцинациях истеричных, которые вновь заставляют их переживать исходную травму: «Самые различные истерические симптомы (...) состоят в той же связи с вызвавшей их травмой, что и явления (...), о которых только что шла речь». То же самое применительно к явлениям конверсии: «Мы называем психическими травмами те события, которые вызвали исходный аффект, и чья нагрузка возбуждением затем была превращена в соматические проявления». В этой концепции именно аффект признаётся исходным, а сами травматические «инциденты» — вторичными.

Подобный поворот в понимании патогенеза, о котором Жане уже высказывался в связи с теорией сексуальности, согласуется с общей тенденцией к тотальной символизации в психоанализе и тем самым открывает путь к весьма неоднозначным интерпретациям. Так, травматическая реминисценция неизбежно включается в процессы вытеснения: по первой топике её несложно представить частью системы Бессознательного наравне с вытесненным, но значительно труднее определить её статус во второй топике, где вытеснение понимается как защитный механизм «Я». В первом случае реминисценция является элементом действия, во втором — элементом реактивной защиты. Кроме того, «Оно» — по Фрейду — «несвязно, фрагментировано», стремится «вслепую к инстинктивным удовлетворениям», и, следовательно, действие реминисценции может быть лишь той же природы. Однако как элемент защитной реакции «Я» плохо понятно, как она сохраняет те же характеристики — как и вытеснение само по себе. Для сравнения: чисто функциональное и динамическое объяснение Жане не встречает подобных препятствий.

4. ФИКСИРОВАННАЯ ИДЕЯ

(ЖАНЕ)

Здесь снова заслуга открытия — признанная самим Фрейдом — принадлежит Жане. Следует констатировать, что понятие подсознательной фиксированной идеи в настоящее время почти предано забвению — по меньшей мере в том, что касается её важности не только для психотерапии, но и для дифференциального диагноза неврозов и психозов.

Понятие патологической фиксированной идеи предшествовала даже Шарко, который изучал её главным образом при случаях истерии в связи с психическими травматизмами и первым подчеркнул устойчивость аффективного состояния, относительно независимого от остальных представлений. В том же смысле Мёбиус отмечал, что это состояние эмоции «поддерживается посредством представлений»; Жане ссылается и на Р. Рейнольдса, который описывал истерические параличи как «зависящие от идеи». Что касается Жане, он не только опубликовал большое число наблюдений, в которых обнаруживает важность фиксированной идеи при различных неврозах — истерии, обсессивном или фобическом неврозе, неврастении и т. д., — но прежде всего взял фиксированную идею за модель для выработки своей теории подсознательного, тоже изрядно забытой.

Можно допустить, что Жане подписался бы под определением П. Гартенберга, своего современника: фиксированная идея вытекает из «избытка конденсации психической активности на одном гипертрофированном представлении». Этот избыток конденсации сочетается, кроме того, с «сужением сознания, рассеянностью, амнезиями для всего, что внимание не освещает в данный момент». Более современный автор П. Маль, придерживаясь подхода Жане, пишет: «Некоторые фиксированные идеи — более или

менее подсознательные — становятся центром, вокруг которого группируется большое число психологических фактов и даже целое психологическое возбуждение, становящееся подсознательным, как и сами фиксированные идеи». Жане изучает отношения фиксированной идеи с сомнамбулизмом (гипноидным состоянием по Фрейд), откуда вытекает психологический автоматизм, а также суггестивность и рассеянность как невропатические стигматы: «Теперь признаётся, — пишет Жане, — то, что я писал в 1892 году, что большинство наиболее очевидных расстройств зависят от «фиксированных идей», то есть от ошибочных, но устойчивых убеждений, развившихся посредством механизма, аналогичного механизму внушения». По завершении этих наблюдений он констатирует, что фиксированные идеи весьма полезны в трёх планах: для классификации душевных болезней, для теории (в особенности для изучения дезагрегации функций) и для терапии, поскольку большое число больных исцеляется, когда удаётся «воздействовать на эти фиксированные идеи и диссоциировать их». Он разграничивает две главные категории фиксированных идей: первичные и вторичные. Первичные возникают непосредственно как конденсация на «гипертрофированном» представлении, связанным с особым эмоциональным состоянием; именно по характеристикам фиксированной идеи Жане в основном дифференцирует истерию и «истинную» психастению: психастеник гораздо яснее сознаёт свою фиксированную идею, которая прямо лежит в основе его основной навязчивости. Что касается вторичных идей, они бывают трёх порядков:

а) Фиксированные идеи посредством деривации (или ассоциации). Характерный пример, приводимый Жане, — это случай Жюстин, одержимой фиксированной идеей холеры и возненавидевшей все фрукты и овощи;

б) Стратифицированные фиксированные идеи: первичная идея порождает последовательные идеи возрастающей важности. Кроме того, если фиксированная идея исчезает, появляется другая, так что на определённом уровне фиксированная идея становится драматической необходимостью для больного.

в) Фиксированные идеи, возникающие вторично без явных ассоциативных связей.

Эта теоретическая классификация дополняется и подтверждается клинической классификацией также трех типов:

а. Те, которые больной осознаёт. Они выражаются в навязчивой мысли и сопровождаются, как правило, расстройствами восприятия, памяти, воли и внимания.

б. идеи, которые как бы исчезают из поля сознания, и их идентификация оказывается случайной и ненадёжной;

в. Те, которые действительно являются подсознательными и которые вновь появляются посредством внушения под гипнозом. Жане приводит в качестве примера случай Марии, которая в состоянии гипноза обнаруживает все этапы и ассоциации своего «Grübelnsucht» (брёда сомнения) в ходе своих экстатических приступов.

Для Жане сомнение показательно для психастеников — даже когда они не проявляют господствующей obsessions, — и оно поддерживается подсознательной фиксированной идеей. Жане также уделяет большое место характерологическим изменениям, провоцируемым подсознательной фиксированной идеей: нестабильность, абulia, неуверенность и странность «Я», и в особенности мифомания. Однако весьма нередко невозможно уточнить, где кончается сознательная ложь и где начинается интерпретирующий бред. Между тем среди патогенных агентов фиксированная идея

играет существенную роль, поскольку больной подчиняет ей своё суждение и замещает ею перцептивную реальность психической реальностью, в зависимости от которой фиксированная идея не терпит противоречий. Жане берёт в качестве примера истерическую мифоманию, о которой говорит, что «ложь не является, как долго думали, перманентным стигматом истерии», однако, что среди различных причин лжи «наиболее частой является фиксированная идея, полностью поглощающая дух больного и лишаящая его способности понимать другую мысль». Откуда он заключает: «Истеричный жертвует всем ради идеи момента».

(ФРЕЙД)

В эпоху Жане его взгляды на фиксированную идею активно обсуждались. Они были приняты и Фрейдом: «Фиксированная идея имеет смысл, она хорошо мотивирована, входит в состав аффективного события в жизни больного», — отмечает он, добавляя, что эта идея «является необходимым фактом» и образует «фон болезни»; она сочленяется с «мотивирующими идеями», которыми начинается идеогения, которой Фрейд приписывает магическую природу. Уже в 1895 году Фрейд анализирует фиксированную идею согласно наблюдениям Брейера, предшествующим его собственным: «Существует, — говорит он, — прежде всего ядро воспоминаний (...), в котором достиг своего пика травмирующий фактор или в котором патологическая идея сформировалась наиболее отчётливо». С другой стороны, вокруг этого ядра существует «нередко поразительно обильный мнемонический материал», который можно сгруппировать в три «слоя», образующих тему. «Эти темы сгруппированы так, что я смог бы описать лишь сказав, что они концентрически расположены вокруг патогенного ядра», помимо чего существуют и другие «конфигурации» — «логические связи, тянущиеся к ядру и в каждом случае идущие по непрямым, извилистым путям (...); логическая цепочка напоминает не столько ломаную линию, сколько систему разветвлённых и преимущественно сходящихся линий».

Сравнение обнаруживает важные различия интерпретации между Жане и Фрейдом не столько применительно к самому понятию фиксированной идеи, сколько применительно к шестерёнкам психического аппарата, с ней связанным. Тогда как Жане рационально изучает фиксированную идею и её различные формы под углом психологических функций, Фрейд, следуя своему обычному способу мышления, соотносит фиксированную идею с символизированным психическим процессом. По его мнению, фиксированная идея определяется неудовлетворённым желанием и «ассоциациями по смежности или по сходству», вытекающими из неудовлетворённости. Фрейда интересует прежде всего патологическая идеогения, задаваемая фиксированной идеей, и её «магический» характер. Идеогения трактуется таким образом как расстройство воображения, которое служит доказательством «всемогущества идей». Именно в этом смысле Фрейд заявляет: «Истеричный воспроизводит в своих актах и фиксирует в своих симптомах события, которые разворачивались как таковые лишь в его воображении», и, кроме того, отдаёт первенство психическим процессам «перед фактами реальной жизни». Его занимает не столько содержание фиксированной идеи, — как у Жане, — сколько процессы, её порождающие и ею порождаемые. Можно, с другой стороны, уловить в этой связи ещё одну постоянную заботу Фрейда, чуждую Жане: это археологические отсылки, к которым он прибегает для подтверждения своих теорий. Он заявляет, например, что всемогущество идей соответствует «принципу, управляющему магией, технике анимистического способа мышления», или ещё что «первичные навязчивые действия (...) носят в точном смысле слова чисто магический характер» и что даже у нормального субъекта «анимистическая душа (...) скрывается за проявлениями личности». Другая цитата: «Возможность заразной магии, основанной на ассоциации по смежности, показывает нам, что психическая ценность желаний и воли распространилась на все психические акты,

подчинённые воле». Можно заключить, что, по Фрейду, каждый индивид — нормальный или психически ненормальный — обусловлен без своего ведома, независимо от сознания и даже в действиях, кажущихся волевыми, в действительности обусловлен фоном бессознательных идей, родственных «анимистической душе».

Отметим ещё раз полностью отрицательную позицию Жане применительно к фрейдовской герменевтике. Особенно велика дистанция между его подсознательной фиксированной идеей и фрейдовской бессознательной фиксированной идеей: чем дальше продвигается анализ, тем более фундаментальной становится оппозиция между «подсознательностью» Жане и фрейдовским Бессознательным, определяя ключевую линию расхождения на всех поворотах рефлексии.

5. СУЖЕНИЕ ПОЛЯ СОЗНАНИЯ

Эта проблема анализируется здесь, поскольку особенно наглядно освещает противостояние подсознательное — бессознательное, а также вытекающие из него последствия для патогенеза неврозов. Никто не оспаривает у Жане отцовство этого открытия — признанного Фрейдом, — открытия, тесно связанного с понятием сомнамбулического подсознательного.

Исходным материалом снова служат наблюдения истеричных. Жане отмечает, что ещё Спенсер указывал: «сужение области сознания выдается отсутствием бесчисленных сопутствующих мыслей, которые обычно вызывают последовательные сцены»; со своей стороны он добавляет представление о «рудиментарном состоянии сознания»: «Сознание, которое существует повсюду и, как я думаю, исчезает лишь вместе с жизнью, в этом состоянии более рудиментарно, чем в каком бы то ни было другом».

Отталкиваясь от этого, он определяет поле сознания как «максимальный объём сознания» — наибольшее число простых или относительно простых феноменов, которые могут быть одновременно объединены в моменте и соотнесены с личностью. В истерическом случае сужение таково, что «поле сознания кажется очень маленьким, оно полностью заполнено одной репрезентацией (...), одним воспоминанием, небольшим комплексом двигательных образов и уже не может одновременно вместить что-либо ещё»; отсюда такие характеристики истерика, как «*minus habens conscientiae*» или «суженного сознанием».

Отсюда хорошо видно различие подходов Жане и Фрейда: определение Жане стремится охватить содержание самого понятия, тогда как Фрейд обычно задаёт понятие через его, в значительной мере символизированные, связи с другими понятиями. Кроме того, Жане объясняет сужение слабостью психики, тогда как Фрейд это не признаёт; хотя он и отдаёт Жане должное за открытие и повторяет его термин — «сужение поля сознания» по аналогии с сужением поля зрения, — он сводит дело к тому, что сознательная мысль истериков располагает лишь «фрагментом её производительных способностей».

Точно так же расходятся они и в трактовке «расщепления» сознания: Жане связывает его с ослаблением способности синтеза и с общим процессом распада функций, причём считает: «Дела обстоят, — говорит он, — словно элементарные психологические явления столь же реальны и столь же многочисленны, как у нормальных индивидов, но не могли, вследствие особой слабости способности синтеза, объединиться в одно восприятие, в одно личное сознание». Расщепление, таким образом, отличается от сужения поля сознания, но в обоих случаях в основе лежит психическая слабость. При этом личность истерика по определению беднее личности истинного психастеника: менее развитая, более неустойчивая, изменчивая, рассеянная, внушаемая.

Даже когда поле сознания практически сведено к одной репрезентации или небольшой группе двигательных образов, остаются «неконтролируемые побочные мысли», сохраняющие «реальную активность» и приводящие к формированию «второй группы образов, отделённой от нормального сознания». Поэтому сужение сознания нужно считать одним из главных факторов «подсознательных» представлений, «одновременных сознаний» и «альтернативных личностей» истерического и психастенического типа, которые Жане связывает с психологической дезагрегацией или распадом.

«Существо этой болезни дезагрегации, — пишет он, — заключается в образовании в духе двух групп феноменов: одна образует обычную личность, другая, способная далее дробиться, формирует аномальную личность, отличную от первой и полностью ею не осознаваемую»; он ссылается и на труды брата Жюля Жане, предложившего теорию «двойной личности». В ней «незавершённое состояние первой личности образует истерические “пороки”, тогда как вторая, постоянно скрытая за первой, пользуется малейшим случаем, чтобы её “сбросить” и выйти на белый свет»; эта постановка особенно важна для дифференциальной диагностики между некоторыми истерическими состояниями и шизофренией.

Ж. Делэй напоминает, что Г. Клод, работавший в Сальпетриере вместе с П. Жане, в докладе 1907 года сближал истерию и шизофрению как различные уровни одного и того же процесса диссоциации личности; сегодня же многие, особенно англосаксонские, психиатры почти полностью относят диссоциативные феномены к шизофреническому спектру, рискуя пропустить просто истерический невроз, потенциально быстро и устойчиво излечимый. Напомним, с другой стороны, что психастения Жане предана забвению и что различают лишь истерию и обсессивный невроз.

Таким образом, по всей видимости, было бы полезно волей или неволей обратиться к трудам П. Жане, к которым добавим несколько уточнений, полезных для дифференциального диагноза: при истерии сужение таково, что может выражаться в «почти абсолютном единстве сознания» — в особенности в случаях каталепсии. Им же объясняются «отупение, помрачение интеллекта и памяти у истеричной (...), когда закрываешь ей глаза или закладываешь ей вату в уши». Однако интерпретация симптомов порой затруднительна. В качестве примера: П. Гартенберг придерживается иного мнения, чем Жане: «Сужение поля сознания является лишь следствием, а не причиной истерических расстройств», — говорит он. Он делает за это ответственным конденсацию на гипертрофированной репрезентации, упомянутую применительно к фиксированной идее, и предполагает у истериков особую «психическую установку», заключающуюся в чрезмерном развитии «пластичного воображения». В действительности остаётся в центре вопроса такая психическая слабость как патогенный фактор. При этом нельзя забывать, что за плечами Жане стоял огромный клинический опыт, и ни одно серьёзное наблюдение не опровергло его представления о психастении, которая, по крайней мере, даёт простое и связанное объяснение не только целого ряда симптомов, но и нескольких ключевых патогенетических механизмов — подсознательной фиксированной идеи, расчленения и сужения сознания.

(ФРЕЙД)

В совершенно иной перспективе Фрейд полагает, что «узость сознательного» обусловлена разными причинами и что, в частности, «распад сознания ни в коей мере не происходит из-за психической слабости». «Дезинтеграция сознательного возникает не потому, что больные слабоумны, а лишь потому, что таковыми кажутся в результате расчленения их психической активности», — пишет он, и снова (как уже отмечалось выше) оказывается

смешанной «психическая слабость» Жане как энергетическое понятие с «умственной слабостью» или интеллектуальной недостаточностью во фрейдовском смысле, — не исключая, впрочем, возможности дефектной интерпретации Фрейдом теорий Жане.

Фрейд считает, что у истериков особенно «гипертрофирована мощь представлений», так что ассоциации остаются подспудными сознательному, приводя к патологически ограниченной концентрации представлений и, как следствию, к узости сознательного. Его позиция зеркально противоположна позиции Жане: сужение сознания здесь выводится не из недостатка энергии, а из «избытка» и аномальной локализации тонического эндоцеребрального возбуждения. Именно в этом духе Фрейд отвергает «утверждение Жане о том, что у истоков истерии и психической диссоциации лежит умственная недостаточность». Напротив, он убеждён, что во многих случаях диссоциация основывается на чрезмерной психической активности, на постоянном сосуществовании двух гетерогенных рядов представлений.

Фрейд также не учитывает различие, проводимое Жане между феноменами, зависящими, с одной стороны, от слабости психики, а с другой — от психологического напряжения. В этом свете вполне можно предположить, что некоторые истерики «с самым ясным умом» у Фрейда могли быть именно психастениками, периодически проявляющими истерические симптомы; теория Жане хотя бы отчасти проясняет сложные формы, где истерический симптом маскирует истинную природу невроза.

В любом случае противопоставление двух теорий здесь вновь оказывается непримиримым.

6. ТРЕВОГА

Фрейд и Жане оба изучали эту огромную проблему. Они стремились проанализировать тревогу как патогенетический фактор неврозов и в очередной раз пришли к полностью различным выводам.

(ЖАНЕ)

Согласно формуле Карен Хорни, «тревога является динамическим центром всех неврозов». Она же представляет собой наиболее важный — и наиболее неоднозначный — фактор различных процессов, посредством которых субъект из нормы становится невротиком. Однако не похоже, чтобы Жане, который долго изучал тревогу и её проявления, принял определение Карен Хорни. Два основных труда, в которых он рассматривает эти проблемы, следующие: «Обсессия и психастения» (1903) и «От тревоги к разрядке» (1926–1928). Элементы, которые будут здесь использованы, касаются, с одной стороны, реакций тревоги, а с другой — отношений тревоги с неврозами.

- Реакции тревоги. В рамках своей теории чувства Жане рассматривает феномен тревоги как «реакцию на неудачу». Тревога, говорит он, «всегда сопровождает реакцию неудачи, имеющую отношение к какому-либо акту». Эти реакции бывают различного порядка: реакции «отступления», отклонения, концентрации и т.д.

Они бывают первичными, когда имеют эмоциональный характер и исключительно дезорганизирующий эффект, и вторичными, когда затрагивают собственно чувства: страх, страдание, радость, грусть и т.д. Наконец, эти реакции чаще всего бессознательные, или, точнее, подсознательные. П. Диль отмечает по этому поводу, что «Жане первым признал экстрасознательное функционирование», но критикует Жане, когда тот определяет

тревогу как простую эмоциональную или чувственную реакцию. Эта критика представляется обоснованной, поскольку в состояниях тревоги существуют также интрапсихические элементы, относящиеся к сравнительно автономным структурам. Используя выражение П. Дилья, в состояниях тревоги существует психологический «объект-субъект».

То же самое касается отношений неудачи и тревоги, поскольку, как констатирует г-жа Фаве-Бутонье, тревога рождается перед лицом неудачи. После этого доминируют грусть или страдание: «Таким образом, мы понимаем путаницу Пьера Жане: под названием „реакция неудачи“ он на самом деле описывает реакции до, во время и после неудачи». Однако трудно принять «что тревогу сводят к страху или грусти, не более чем к страданию, от которого она отличается, хотя и близка к нему часто». В действительности Жане систематически сводит реакции тревоги к своему принципу действия, наравне со своей теорией чувства, в соответствии со своими понятиями психической силы и напряжения.

Однако Жане подчеркивает значение функций регуляции. Они часто ставятся в скобки, и, кроме того, не учитывается их постоянное влияние на поведение. А именно это относится к «поведениям неудачи». Существует множество теорий неудачи, которую иногда пишут с заглавной буквы. Некоторые выражения употребляются повседневно: круг неудачи, когнитивная или аффективная неудача, пограничная ситуация (*Grenzsituation*), изгнание человека и т.д. — выражения, под которыми легко обнаружить тревогу, их вдохновляющую. В оригинале есть двойственное «поведение неудачи», и Жане недвусмысленно заявляет, что идея неудачи есть «абстракция, извлечённая из поведения неудачи». Этим он указывает, что неудача, равно как и тревога, её сопровождающая, оказывает на поведение лишь реакционное влияние, и что поведение всегда пользуется функциями регуляции. Здесь вновь он подчиняет «поведение неудачи» своему принципу действия в рамках функциональной психологии и именно в этом контексте изучает «регуляции действия», приводя в качестве очень простого примера «фальшивый шаг». Его психология поэтому остаётся чужда абстрактной неудаче, равно как и «поведениям неудачи», которые в конечном итоге замыкают в порочный круг тревоги.

- Отношения тревоги и неврозов. В соответствии со своими понятиями силы и психологического напряжения Жане относит проявления тревоги к меланхолическим расстройствам, которые в особенности обусловлены психологической слабостью. Он подробно описывает состояния тревоги, моральную агонию, отказ с «горьким выражением» или со «сжатой неподвижностью» (психическая подушка), или, напротив, беспокойство типа «зверя в клетке». Между тем меланхолия — это относительно хорошо определённый психоз, и наблюдение г-жи Фаве-Бутонье оправдывается ещё больше, поскольку даже в самых простых случаях становится невозможно определить, является ли реакционная тревога определяющим фактором меланхолического состояния или наоборот. Жане, например, констатирует, что в бреде истерика существует важный фактор тревоги.

В том же смысле П. Дилья подчёркивал, что его труд «От тревоги к экстазу» выражает «его новаторский замысел обнажить звенья, связывающие тревогу с бредом». Но в конце концов сохраняется неустранимая неоднозначность между тревогой, бредом и меланхолией.

В действительности процессы тревоги мало изучены. Потому г-жа Фаве-Бутонье заявляет о двух пластах: о сложности аффективных расстройств и о проявлениях амбивалентности, которые могут проистекать как из «психической структуры субъекта», так и из

«закономерных реакций на воздействия внешней среды». Следовательно, если концепции Жана достаточно продуктивны в отношении регуляторных функций, они остаются недостаточными в описании «структур», относительно автономных, ответственных за состояния тревоги. Между тем именно эти структуры, на теоретическом уровне, соответствуют «динамическому центру» невротической тревоги.

(ФРЕЙД)

Можно допустить, что теория Фрейда ближе к психической реальности, чем теория Жана, но прежде надо учесть важную семантическую сложность. Немецкое «Angst» охватывает и то, что по-французски называют *angoisse*, и то, что называют *anxiété*; во французской традиции эти термины различаются не только по интенсивности и соматическим проявлениям, но и по тому, что тревога (*anxiété*) всегда направлена на объект (тревога за/перед чем-то), тогда как истинная *angoisse* безобъектна, представляет собой фундаментальное беспокойство без объекта.

Мадам Фавез-Бутоньё в этом смысле говорит о «нормальной, естественной» тревоге, опыт которой есть у каждого индивида: в этом случае состояния тревоги выступают как психические «аномалии», которые, однако, не позволяют считать субъект больным. Напротив, Фрейд не проводит различия между тревогой и тревожностью (*angoisse* и *anxiété*), и именно поэтому он считает, что тревога всегда связана с ожиданием: «это тревога по поводу чего-то», — говорит он. В любом случае необходимо при сравнении необходимо держать в уме эту семантическую неточность, что делает сравнение ещё более приблизительным.

Чтобы прояснить картину, теория Фрейда рассматривается по тем же рубрикам, что и у Жана.

- Реакции тревоги. В отношении реакций тревоги вновь обнаруживается прежнее противопоставление психодинамики: у Жана — функциональная концепция, у Фрейда — пространственно-структурная. Психоаналитическое определение тревоги показательное: «Мы называем её аффективным состоянием, хотя и не знаем достоверно, что такое аффект»; Речь идёт приблизительно о ощущении (*Empfindung*), которое сегодня можно было бы назвать проприоцептивным, но которое фактически соответствует сложному психическому состоянию.

Фрейд признаёт, что «физиология тревоги» его мало интересует, однако считает, что соответствующие психические впечатления зависят от моторных иннерваций, ответственных за процессы разрядки. Психологически его анализ состояний тревоги содержит:

1. специфический характер неудовольствия;
2. действия разряда;
3. воспринимаемые субъектом проявления этих действий.

Кроме того, он вводит «исторический» фактор — бессознательное воспроизведение переживания, где уже имели место «усиление возбуждения и разрядка по определённым путям»; это феноменологическое описание остаётся неоднозначным, поскольку плохо согласует пространственный аспект (аффект как состояние системы Бессознательного) и временную динамику возбуждения–разрядки.

Здесь вновь проявляется характерная для психоанализа сексуальная предустановка. В качестве примера Фрейд придаёт большое значение тому, что он называет «прототипным или прообразным опытом», то есть травме рождения: «поэтому, говорит он, мы склонны видеть в состоянии тревоги воспроизведение травмы рождения». Однако он не принимает тезиса Ранка, устанавливающего прямую связь между изначальной травмой и фобиями ребёнка. Но, подобно ему, он возлагает ответственность за все проявления детской тревоги на сексуальность. В особенности это касается тревоги кастрации, которая возникает из «опасности» и поддерживается «высокой нарциссической оценкой пениса», подавление которой запрещало бы «возможность нового союза с матерью (с материнским заместителем) в акте онанизма». У взрослого, по Фрейду, решающую роль играют сексуальные поведения: прерванный половой акт, фрустрированное возбуждение, вынужденное воздержание — всё это создаёт благоприятные условия для возникновения тревоги и «общей склонности к тревоге». В детском и взрослом возрасте решающим фактором служит потеря «объекта»; между потерей объекта, возникающим из этого опасением и ожиданием, связанным с опасностью, устанавливается постоянная связь. При этом систематическое использование символического термина «объект» упрощает и схематизирует психологический материал, но не может заменить собой рационального объяснения.

В рамках второй топики Фрейд считает, что «подлинным местом тревоги является Я», в силу конфликтов, центром и источником которых оно одновременно является: «существует оппозиция между Эго и либидо». Но с одной стороны, тревога не может происходить из Ид, поскольку соответствует специфическому аффективному состоянию эго; с другой — нет «оснований приписывать Сверх-Я какую-либо собственную тревожную реакцию», хотя тревога кастрации трансформируется в «моральную и социальную тревогу», в которую принципиально вступает Сверх-Я. Фрейд подчёркивает: формула «изгнание, исключение из орды» относится лишь к той части Сверх-Я, которая возникает поздно и развивается, опираясь на социальные модели. Наконец, следует отметить процесс инфантильной фиксации, который Фрейд приписывает тревоге: «В особенности это происходит у ребёнка: его либидо превращается в тревогу с того момента, когда оно не может достичь удовлетворения; и взрослый, ставший невротиком в силу неудовлетворённой либидо, будет вести себя в своих тревогах как ребёнок».

Эти положения позволяют сделать выводы, что вторая топка закрепляет предвзятость сексуальности, но и усиливает общий архаизм символизирующего, как и возникающую неопределённость.

В частности, отношения между тревогой и Сверх-Я остаются неясными, если не противоречивыми. Но главное, Фрейд вновь игнорирует психофизиологические функции регуляции, заменяя их случайными механизмами защиты, которые сами по себе вписаны в постоянную тенденцию к неврозу как у ребёнка, так и у взрослого. Напротив, очень реалистичны выводы, которые г-жа Фаве-Бутонье извлекает из теории Фрейда, изложенной в «Новых лекциях по психоанализу» (1932). В итоге существует три формы тревоги, из которых две, по мнению г-жи Фаве-Бутонье, являются невротическими, а одна — нормальной:

1. объективная тревога (Realangst), возникающая перед внешней опасностью и, в сущности, соответствующая тому, что по-французски называют «anxiété» тревожность;
2. инстинктивная тревога (Triebangst), исходящая из «опасностей Ид»;
3. тревога совести (Gewissenangst), вызванная угрозами Сверх-Я в его конфликте с Ид.

Ограничимся констатированием, что, сколь бы точной и действенной ни была эта классификация, она тем не менее закрепляет в известном смысле обязательный характер роли тревоги как генератора неврозов.

- Отношения тревоги с неврозами. Связь тревоги и неврозов вытекает из предыдущих положений: «речь всегда идёт, — пишет Фаве-Бутонье, — о девиации либидо, но на психическом уровне; это уже не физическое сексуальное возбуждение, непосредственно превращающееся в тревогу, а “отказ психических факторов вмешаться”, который препятствует завершению психосексуального процесса». Этот процесс не уничтожается, а вытесняется — либо в сложной игре инвестиций и контр-инвестиций, либо в системе защитных механизмов Эго.

Клинически анализ Фрейда чрезвычайно продуктивен: он различает неврастению и невроз тревоги, описывает «истерию тревоги», связь тревоги с фобиями (история маленького Ганса), с истерической бдительностью, с феноменами торможения и т. п. При этом, помимо сексуальной предустановки и интуитивно-символического характера гипотез, сам Фрейд признаёт недостаточность ряда своих доказательств и даже противоречит себе: так, в «Новых лекциях о введении в психоанализ» он сначала утверждает, что тревога возникает вследствие вытеснения, а несколькими страницами позже — что вытеснение вызвано тревогой.

Фаве-Бутонье отмечает, что он ещё усиливает это противоречие, заявляя: «Идея, подлежащая вытеснению, может быть настолько деформирована, что станет неузнаваемой, но её аффективная нагрузка — агрессивная или либидинальная — безошибочно превращается в тревогу», показывая, что даже введение в учение «инстинктов агрессии» не заставляет Фрейда модифицировать теорию, видящую в тревоге трансформацию вытесненного «аффекта». Но по случаю Фрейд признаёт неоднозначность своих объяснений: «при кажущемся противоречии мы слишком ригидно трактуем абстракции и от сложного состояния вещей выделяем то один, то другой аспект». Поэтому можно заключить вместе с г-жой Фаве-Бутоньер, что Фрейд «приносит нам новые идеи», но его теория кажется «мало последовательной», и кроме того, он «осознавал несовершенство своих прежних взглядов».

В итоге сравнительное изучение тревоги лишь подтверждает неустранимую оппозицию между теориями Жане и Фрейда, которая происходит из фундаментально различных исходных концепций: у Жане принцип действия ведёт к исключительно реакционной концепции тревоги, связанной со слабостью психологической. У Фрейда принцип удовольствия управляет артикуляцией тревоги и либидо. Ещё раз чистая активность Жане противопоставляется чистой аффективности Фрейда. Жане сохраняет преимущество перед Фрейдом относительно психофизиологической регуляции и, шире, функциональной концепции реакций тревоги. Но Фрейд сохраняет преимущество перед Жане относительно конфликтного характера тревоги, какими бы доктринальными модификациями ни были окрашены его труды. Кроме того, следует противопоставить преимущественно экспериментальный подход Жане и одновременно интуитивно-символический подход Фрейда, что во многом объясняет расхождение их взглядов. И ещё выше располагается оппозиция между подсознательным Жане и бессознательной системой Фрейда, которая отражается также на проблеме тревоги.

Эти наблюдения верны для всего патогенеза неврозов. Если заслуга открытия идеи фиксации, а также сужения поля сознания принадлежит Жане — заслуга, признанная Фрейдом, — то последний придаёт им совершенно иное значение. То же самое относится к другим перечисленным механизмам: вытеснению, представлению или травматическому

воспоминанию. Напротив, Фрейд категорически противопоставляет Жане относительно психологической астении или доминирующей патогенной роли сексуальности. Но констатация этой антиномии не является целиком негативной: в новых перспективах, открывающихся сейчас психологическим наукам, не возбраняется представить эволюцию терминов сравнения в смысле общей гармонизации, которая была бы позитивной во всех отношениях и к которой Фрейд и Жане, каждый по своему гению, внесли бы вклад.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ТЕРАПИЯ

Теоретические расхождения между Фрейдом и Жане практически выражаются в терапевтических подходах, которые, при наличии нескольких общих моментов, в целом существенно различаются и по принципам, и по способам применения. К этому добавляется взаимное непонимание — если не незнание, — более выраженное у Фрейда, чем у Жане.

В историческом плане важно, что методы психоанализа довольно быстро стали известны, распространялись и применялись, особенно в Центральной Европе и англоязычных странах, несмотря на острую критику, которая там развернулась. Эта широкая экспансия во многом заслонила результаты психотерапии Жане, в том числе и во Франции (хотя и в меньшей степени), так что его подход, за редкими исключениями, ныне почти забыт, при том, что с разных сторон к нему возобновляется интерес.

Прежде чем перечислить данные, необходимые для сравнения двух терапий, рассматривается доминирующий для обеих подходов вопрос — вопрос о суггестии в её различных формах. Именно вокруг него сосредоточиваются главные теоретические и методологические расхождения Фрейда и Жане.

1. ВНУШЕНИЕ (СУГГЕСТИЯ)

Этот термин меняет смысл в зависимости от того, соотносится ли он с душевнобольным или с психотерапией. В первом случае он обозначает симптом, во втором — способ исследования и лечения — как под гипнозом, так и в состоянии бодрствования.

Оба аспекта проблемы будут рассмотрены последовательно.

а) Невротическое внушение

Особая предрасположенность невротиков к внушению давно известна как «суггестивность» или «суггестибильность», и особенно заметна при истерии. А. Бине писал: «Гипервнушаемость — один из атрибутов истерии».

Жане рассматривает её как невропатический стигмат — наравне с отвлекаемостью и сужением сознания — и связывает с психологическим автоматизмом, чтобы объяснить большую часть сомнамбулических проявлений, спонтанных или вызванных гипнозом. При этом он не считает суггестивность главным, а тем более единственным патогенетическим фактором истерии, тогда как Бабински полагает, что «одна только суггестия объясняет истерию» и даже «может вызвать неистерические феномены».

Этот последний тезис остаётся дискуссионным, но во всяком случае Жане не следует за Бабински ни там, где тот отождествляет истерию с «питиатизмом», ни там, где

утверждает, что большинство истериков «выдрессированы» врачом, никогда не наблюдал в практике случаев истерических фуг, истерической анорексии, приступов «бдительного сомнамбулизма» и т. п., или где объявляет, что «понятия истерической лихорадки, пузырей, язв, гангрены, отёка были основаны на ошибках наблюдения и мистификациях».

Жане, в свою очередь, не отрицает ни злоупотребления понятием внушаемости, ни диагностических ошибок, ни случаев «дрессировки», но считает, что доведённый до крайности подобный аргумент быстро превращается в своего рода аргумент лени.

(ФРЕЙД)

Фрейд также рассматривает суггестивность как характерную черту истерии, обсессивного и фобического невроза и особенно сомнамбулизма, который он точнее называет гипноидным состоянием. Однако заслуга детальной проработки различных модусов суггестивности как невропатического стигмата принадлежит Жане: по его формулировке, «суггестия обозначает особый вид автоматизма — тот, который порождается языком и, шире, восприятием».

На практике суггестивность выражается в особой склонности к повторению и имитации определённых действий или слов, а также в фиксированных позах, возникающих спонтанно или по приказу врача. Эти разнообразные каталептические феномены породили образ истерика как человека «из мягкого воска» (*flexibilitas cerea* у предшествующих авторов); в более общем плане очевидно, что повторяемость, имитативность, каталепсия свидетельствуют о патологическом состоянии сознания, когда они возникают спонтанно, но уже не свидетельствуют о нём, когда являются результатом «дрессировки». В этом и заключалась ошибка Шарко: его отделения в Сальпетриер были переполнены псевдоистериками, которых Бернхейм из Нанси при жизни Шарко называл «лабораторными лягушками». После смерти Шарко истерический синдром был фактически «демонтирован» и, возможно чрезмерно, отождествлён с питиатизмом Бабинского; тем более показательно, что и Жане, и Фрейд продолжали считать спонтанную суггестивность патогенным фактором неврозов, и не только истерии.

При этом вновь проявляются прежние концептуальные расхождения. В отношении самой природы невротической суггестии они согласны, но расходятся, как только пытаются её объяснить: Жане делает акцент на психической слабости, сужении поля сознания и, шире, «рудиментарном» состоянии сознания, тогда как Фрейд игнорирует психастению, опирается на концепцию тонического эндоцеребрального возбуждения и объясняет суггестивность «недостатком критики (суждения) по отношению к представлениям и комплексам представлений, возникающих в сознании или вводимых извне через слух или чтение». У истериков, по Фрейду, этот дефицит критики тем больше, чем беднее и фрагментарнее их «идеаторное содержание»; кроме того, «мысль в состоянии бодрствования в силу диссоциации бессознательной части располагает лишь долей психической энергии». Из этого можно заключить, что Фрейд связывает суггестивность с не до конца проявленной диссоциацией между бессознательными представлениями и их сознательными комплексами, возникающей на почве бедности «идеаторного содержания» истерика.

В итоге кажется, что и он, по сути, возлагает ответственность на психическую слабость, но избегает самого термина, предпочитая говорить о диссоциации и снижении «психической энергии», а также склонен смешивать эту слабость с интеллектуальной недостаточностью. На этом фоне особенно заметна дистанция между функциональным объяснением Жане и топико-структурным объяснением Фрейда.

б) Терапевтическое внушение

(ЖАНЕ)

Подробнейшее изучение практических применений внушения принадлежит опять-таки Жане. В «Психологической медицине» он прослеживает его историю, связывая её с «животным магнетизмом», известным уже в Античности и эксплуатируемым на протяжении всех времён — от некоторых греческих практик до «эстеziогенезий» Деспайна (магнетизирующее действие вод Айкс) или Бурка (металлотерапия простым приложением металлических пластин к коже больных), через котёл Месмера, Пусегура или д-ра Ординара.

С внушением связана проблема терапевтического гипнозизма, использовавшегося эмпирически уже давно. Жане отдаёт должное Дж. Брейду, истинному инициатору медицинского гипнозизма около 1870 года, а также Ш. Рише, который боролся с предубеждением против гипнозизма, вызванным шарлатанством. Более конкретно, Жане приписывает постоянную эффективность лечению под гипнозом в «трех состояниях» Шарко: летаргия, каталепсия, сомнамбулизм. Признавая, что гипнозизм Салпетриера слишком часто был «культурным гипнозизмом», он остаётся верен его осторожному применению и считает, что оно всегда будет приносить большую пользу в лечении неврозов: «Упадок гипнозизма, — уточняет он, — не имеет большого значения» и соответствует лишь «мимолетной случайности».

В «Неврозах и идеях фикс» он особенно тщательно изучает гипнозическое внушение как «феномен влияния»: значение, приобретаемое лицом врача в мышлении больного, выгодно в том смысле, что врач не только морально ободряет больного, но и внушает ему с большой авторитетностью, что тот улучшился, если не исцелился, что действительно происходит в случаях «чудесного исцеления». Для Жане феномены влияния действуют глобально на мышление больного: «в период влияния, — говорит он, — они (больные) постоянно думают о своём гипнозизёре и очень о нём заботятся». И в другом месте: «Я считаю, что эти феномены (влияние мысли) играют значительную роль в самом внушении». Несомненно, влияние часто сопровождается аффективным движением, но Жане не считает его всегда сексуальным. Доказательством служит тот факт, что «некоторые субъекты никогда не проявляют этой особой привязанности к своему гипнозизёру, это те, кого часто гипнозизируют несколько разных людей».

В действительности феномены влияния в первую очередь выражаются в феноменах интереса со стороны больного, затем в феноменах послушания — «обратная эксплуатация эксплуатации приказа». Со стороны врача они выражаются в феноменах направления. Жане систематически их анализирует, но и здесь вновь отделяет феномены направления от сексуальных феноменов. Он критикует Фрейда, который подчиняет первые вторым: «Это объяснение, — говорит он, — результат плохого анализа: слишком поспешно из феномена интереса делают феномен любви, той любви, которая столь сложна и так мало известна»: именно здесь поднимается вопрос переноса.

(ФРЕЙД)

Со своей стороны, Фрейд довольно быстро отказался от терапевтического гипнозизма. Этот отказ был не только одной из причин разрыва с Брейером, который добился первых результатов своей «очищающей терапией» исключительно на гипнозизированных больных; он в особенности послужил отправной точкой для открытия Фрейдом его метода внушения в состоянии бодрствования и психологического анализа на основе «свободных

ассоциаций». Он критикует терапевтический гипнотизм по нескольким причинам: «Безусловно истерические субъекты (...) не все гипнабельны». С другой стороны, гипнотическое состояние представляет для него препятствие для различения истерии и других неврозов. Но в общем он сомневается в эффективности гипнотического лечения: «Гипнотерапия стремится покрыть и замаскировать нечто в психической жизни; психоаналитическая терапия, напротив, стремится обнажить это и устранить. Первая действует как косметическая процедура; вторая — как хирургическая». И далее: «Гипнотерапия оставляет пациента пассивным и неизменным, следовательно, столь же беззащитным перед новой причиной болезненных расстройств. Аналитическое лечение налагает на врача и больного болезненные усилия по преодолению внутренних сопротивлений». Кажется, что это мнение слишком категорично, и кроме того, Фрейд не знал ни метода Жана, ни достигнутых им результатов. В частности, неверно, что гипнотическое лечение действует как косметическая процедура; и с другой стороны, не совсем уместно называть «хирургическим» лечение, которое может длиться несколько лет.

(ЖАНЕ)

К критике, которую Жане адресует психоаналитическому внушению относительно переноса — хотя он признаёт его ценность — и идентификации, проводимой Фрейдом между феноменами влияния и сексуальной любовью, следует добавить критику, которую он формулирует против метода свободных ассоциаций, поскольку больной уже подвергается магнетическому влиянию врача, а кроме того «он гораздо больше, чем кажется, подстраивает свои слова для производства определённых эффектов». Жане сравнивает психоаналитический метод с «уголовным расследованием», а аналитика — с «детективом», что развивает у больного тенденцию к виновности и всё более тесному подчинению больного врачу. В особенности он упрекает Фрейда в официальном признании понятия вины и возведении его в ранг доисторического мифа: преступление Эдипа присоединяется к греху Адама, равно как убийство Диониса титанами, подземное существование которых Фрейд принимает как символ бессознательного. Наконец, он критикует продолжительность лечения и считает, опираясь на статистику, что его собственная психотерапия действует столь же эффективно и быстрее. Его заключение заслуживает внимания:

«Интересно отметить, что это вновь психотерапевтический метод, корни которого уходят в французский животный магнетизм. Психоанализ сегодня — последняя инкарнация этих одновременно магических и психологических практик, которые характеризовали магнетизм».

В заключение видно, что проблема внушения — как в состоянии бодрствования, так и под гипнозом — остаётся открытой. Успехи психоанализа отодвинули терапевтический гипнотизм на второй план, хотя теперь он вновь рассматривается с благосклонностью как во Франции, так и за рубежом. Исследования, которым он даёт место, несомненно, позволят точнее определить его показания, что сделает возможным оценить значение работ Жана и отдать должное его роли предшественника в области рациональной психотерапии. Впрочем, следует признать, что лечения внушением часто забрасываются в пользу лечений, иногда неуместных, на основе разнообразных медикаментов, число и эффективность которых неизменно возрастают.

2. ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ ЛЕЧЕНИЕ

(ФРЕЙД)

Психоаналитическая терапия слишком известна, чтобы требовалось её изложение, даже краткое. Будут перечислены лишь данные, наиболее непосредственно относящиеся к сравнительному изучению неврозов, и особенно касающиеся существенной роли, которую Фрейд придаёт исследованию бессознательного, откуда психоанализ и получил своё название психологии глубин.

Фрейд часто подчёркивает трудности такого исследования. Изначально он отмечает, что воспользовался первоначальным открытием Дж. Брейера: около 1882 года тот установил, что «каждый истерический симптом немедленно исчезает, и часто без возврата, когда удаётся полностью осветить воспоминание о провоцирующем инциденте, пробудить связанный с ним аффект и когда затем больной подробно описывает произошедшее, давая вербальный выход своей эмоции». Так в языке психиатрии появилось выражение «очищающий рассказ», которое позже должно было соответствовать «talking cure» английских психиатров.

В сотрудничестве с Брейером Фрейд опубликовал «Исследования по истерии» в 1895 году, предваренные в 1893 году краткой заметкой на ту же тему. Но уже с этой даты Фрейд оставил терапевтический гипнотизм и начал возводить это странное и грандиозное сооружение психоанализа — одновременно теоретическое и практическое, — единственным и гениальным творцом которого он был. Рано он открыл истинный смысл переноса и вытеснения и, главное, придал первостепенное, одновременно символическое и мифическое значение инфантильной сексуальности, которая с тех пор считается непреложной догмой:

«Одна из целей психоанализа, — пишет Фрейд, — вскрыть покров амнезии, скрывающий первые годы детства, и вернуть в сознательное воспоминание сексуальные проявления раннего детства».

Эволюция мысли Фрейда, упомянутая ранее применительно к проблемам бессознательного и вытеснения, продолжилась после 1923 года, даты публикации его второй топики. Важный момент этой эволюции — изобретение нарциссизма в 1914 году, но уже в 1908 году во введении ко второму изданию «Исследований по истерии» Фрейд уточняет: «Внимательный читатель найдёт в зародыше в этой книге всё то, что позднее добавилось к катарсической теории: роль психосексуального фактора, роль инфантилизма, значение снов и символизм бессознательного». После Великой войны, когда Фрейд начал страдать от жестокой болезни, которая должна была его унести, появляется понятие инстинкта смерти и пара Эрос-Танатос, символически выражающая фундаментальный пессимизм Фрейда.

Эти различные этапы эволюции фрейдовской мысли упоминаются здесь для уточнения того, что если протокол психоаналитической терапии практически не менялся с момента своего изобретения, то дух, в котором эта терапия проводилась аналитиками, претерпевал изменения, и понятно, что в настоящее время они постоянно вносят новые элементы в интерпретацию «talking cure». Характерный пример — открытие переноса, уже упомянутое ранее. По Л. Шертоку, это открытие «открыло новую эру в психотерапии», поскольку «оно выявило динамические силы, до тех пор игнорируемые, которые задействованы в отношениях врач-пациент».

Из этого следует, что аналитик должен стремиться интерпретировать «ложные отношения» и обнаружить объект аффективных притязаний больных, который не что иное, как фигура из их далёкого прошлого. Но здесь, как и везде, Фрейд ставит перенос под знак сексуальности и связанных с ней инфантильных воспоминаний. Он видит в нём даже доказательство сексуального происхождения неврозов. Этому субъективному

доказательству Жане противопоставляет результаты долгого опыта: он признаёт роль «заместителя», играемого врачом в ходе переноса, но считает, что в многочисленных случаях сексуальные расстройства «вместо того чтобы вызывать всю нервную болезнь, напротив, являются её следствием и выражением».

В любом случае, различные процессы переноса в значительной мере позволяют преодолевать сопротивления, с которыми аналитик сталкивается в ходе лечения, — сопротивления, тщательно проанализированные Фрейдом всегда в рамках сексуальности. Перенос также позволяет распознать импульсы, через которые раскрываются не только вытесненные импульсы, но и либидинальная структура бессознательного. Однако сам Фрейд признаёт, что не всегда удаётся распутать нити интроспсихического конфликта, а тем более освободить от него больного, главным образом, когда психоаналитик имеет дело с наследственными или конституциональными факторами. В качестве примера: «Я не претендую на то, чтобы с помощью катарсического метода действительно устранил все истерические симптомы, которые лечил этим способом (...). Когда имеем дело с острой истерией, с случаем, где истерические симптомы находятся в полной фазе обострения и где, следовательно, это оказывается поглощённым патологическими продукциями (истерическая психоз), катарсический метод сможет лишь слабо изменить течение болезни». И в другом месте: «Поле действия психоанализа, во-вторых, ограничено самой формой болезни (...), психоаналитическое лечение полностью показано при неврозах переноса, фобиях, истериях, obsessивных неврозах, а также при аномалиях характера, которые иногда проявляются вместо этих аффекций. Везде же — при нарциссических, психотических состояниях и т.д. — психоанализ более или менее противопоказан».

Наконец, отметим, что психоаналитическая терапия сама по себе составляет всю терапию Фрейда, за исключением нескольких советов по диететике или психической гигиене. Но эти советы учитываются лишь как вспомогательные элементы самой терапии: «Кроме того, я привык сочетать применение катарсической психотерапии с постельным режимом по мере надобности и с курсом усиленного питания по методу Вейр-Митчелла. Преимущество, которое я из этого извлекаю, состоит, с одной стороны, в избегании неблагоприятного для лечения вмешательства новых психических впечатлений, с другой — в устранении скуки, вызываемой курсом усиленного питания Вейр-Митчелла, во время которого больные нередко впадают во вредоносные грезы». Справедливо признать, что психоаналитическая терапия сама по себе обеспечила бессмертие своему автору.

3. ПСИХОТЕРАПИЯ П. ЖАНЕ

Эта терапия, которая сегодня почти полностью забыта, подробно изложена в нескольких его работах, в частности в «Психологических лечених» (1919) и «Психологической медицине» (1924). Независимо от всего прочего, интересно проследить развитие мысли Жане вплоть до публикации этих двух главных трудов, которые всегда остаются неисчерпаемым источником информации.

Около 1880 года П. Жане, тогда профессор философии в Гавре, познакомился с доктором Жибером, который проводил опыты по передаче мысли на истерической служанке Леони, и эти опыты изначально привлекли Жане к психопатологическим исследованиям. Позже, став учеником Шарко, другие субъекты, которых он подробно наблюдал — Люси, Адриенна и др., — побудили его модифицировать некоторые теории своего учителя и уточнить собственные концепции. «Психологический автоматизм» — плод его личных исследований, и уже в эту эпоху (1889) мысль Жане, с двойной психологической и патологической точки зрения, в основном сложилась. Позже она будет дополнена новыми

приобретениями, которые лишь завершат как его собственные теории, так и их терапевтические применения.

Будут рассмотрены последовательно: терапевтический гипнотизм, затем терапия в состоянии бодрствования.

а) Терапевтический гипнотизм

Исследования Шарко по гипнотизму датируются 1878 годом и послужили моделью для Жана. Но довольно быстро Жане постарался устранить из внушения под гипнозом элементы «дрессуры», в которых упрекали школу Салпетьера. В рамках сравнения будут рассмотрены последовательно: психологический механизм гипнотического внушения и модальности лечения.

Главный элемент психологического механизма — «провокация импульса вместо рефлексивного осуществления». Иными словами, Жане использует гипнотическое состояние для устранения «рефлексивных осуществлений» и сопровождающий это состояние автоматизм для благоприятной модификации психики больного. Но само собой разумеется, что это лишь «незавершённое действие», которое должно быть продолжено и дополнено иными средствами.

Сущность в том, что для Жана гипнотизм используется лишь как средство действия, направленное на восстановление нормального психологического динамизма.

Исходя из этого принципа, Жане устанавливает своё психологическое лечение, первая цель которого — диссоциировать подсознательную идею фикса, которая, по Жане, является главным виновником симптомов. Более обще он уточняет, что поиск и анализ идеи фикса полезен в тройном отношении: для классификации психических болезней — для теории — для терапии (см. сс. 169 и сл.). Именно в этом пункте терапия Жана наиболее оригинальна и, несомненно, наиболее эффективна: его метод состоит в диссоциации идеи фикса либо прямым внушением, либо, в зависимости от случая, замещении исходной идеи фикса галлюцинаторными идеями «гораздо менее эмоциональными». Речь идёт о процессе активного внушения через замещение: оно борется с травматическим элементом посредством всё менее вредных фантазмов. Жане приводит многочисленные примеры, в том числе случай Жюстин (уже упомянутый), которую господствует идея фикса холеры и которая из бессознательного страха болезни испытывает непреодолимый ужас перед фруктами и овощами. Под гипнозом Жане обнаруживает природу идеи фикса, затем «входит в сон» и начинает с локализации бедствия, говоря Жюстин: «да, он держит тебя (холера) за правую ногу».

Достигнув этого частичного освобождения, он действует «через отклонение или провоцированные ассоциации», чтобы окончательно устранить патогенную идею фикса и вылечить больную. Другой пример — случай Ко., которому он внушает под гипнозом «мечтать вслух»: в сущности, это метод, который Фрейд назвал методом свободных ассоциаций, с той важной разницей, что под гипнозом больной не может «подстраивать свои слова». Благодаря этому бессознательному автоматизму Жане идентифицирует патогенную идею фикса и диссоциирует её.

На совершенно ином уровне Мария подвержена приступам экстатического бреда, и под гипнозом раскрывает ответственную за них идею фикса — «Grübelnsucht» на базе тревоги, которую экстаз компенсирует. Последний пример — Ахилл, несколько грубоватый человек, который считает себя одержимым дьяволом и «преобразует» свою идею фикса в

паралич. Здесь вновь Жане «входит в сон» и «заставляет дьявола совершить множество разных действий», затем в конце концов приказывает самому дьяволу усыпить Ахилла. Под гипнозом Ахилл раскрывает свою идею фикса: однажды он обманул жену и за это считал себя проклятым. Всё ещё под гипнозом Жане вызывает жену Ахилла, которая приносит полное прощение несчастному «более несчастному, чем виновному», что приводит к быстрому излечению истерического паралича. Многочисленные наблюдения такого рода позволили Жане установить статистику, которая даёт ему право заключить, что «большинство больных излечиваются» и что «если эти излечения достигнуты, то потому, что удалось воздействовать на эти идеи фикса, диссоциировать их», при условии точного определения показаний к психотерапии.

Таким образом, это психологическое лечение под гипнозом можно обозначить следующими терминами: отклонение, провоцированные ассоциации, замещение, терминальная диссоциация и психологическая переподготовка. Сам Жане называет этот метод лечением через возбуждение, поскольку оно направлено на мобилизацию некоторых неиспользуемых, если не игнорируемых больным, психологических сил.

Можно оценить, насколько суждение Фрейда о терапевтическом гипнозе неточно, или по крайней мере, насколько он не знал психотерапию Жане. По крайней мере, ясно, что это вовсе не «косметическая процедура», стремящаяся «замаскировать что-то в жизни больного», а активный метод, который, конечно же, более «хирургичен», чем психоаналитическая терапия. Статистика Жане действительно содержит значительную долю излечений, легко выдерживающую сравнение с результатами Фрейда.

Как и Брейер в то же время, Жане наблюдал «чудесные излечения», но, по терминологии Фрейда, они не обусловлены «прорывом на поверхность вытесненного», поскольку если говорить о прорыве на поверхность, то речь идёт исключительно о идее фикса. Повторим в этой связи, что психоаналитический прорыв относится к аффективному порядку, тогда как у Жане он сводится лишь к психологической активности.

Наконец, «лечение через возбуждение» неизбежно включает феномены влияния, интереса, послушания и направления, упомянутые ранее. Жане говорит о них в нескольких своих работах, в частности в «Психологической медицине» (1923) и «Любви и ненависти» (1932). Эти феномены всегда возникают во время сеансов гипнотизма и определяют их эффективность. Они содержат в разной степени сексуальные элементы, но эти элементы не обязательно доминируют, как в психоаналитическом переносе. Жане считает, что под своими различными модальностями влияние зависит от интереса. В ходе различных сеансов гипнотизма он различает три фазы: первую очень короткую фазу (от нескольких часов до дня), характеризующуюся состоянием усталости больного, связанным с его сопротивлением; собственно период влияния, который любопытным образом воспроизводит обычные феномены магнетизма: исчезновение симптомов и одновременно навязчивая фиксация на «целителе» — больной постоянно о нём говорит, считает его всемогущей фигурой, своего рода божеством, часто испытывает ощущение мнимого присутствия (особые позы и установки); наконец, третью фазу, которую Жане называет фазой страсти: возвращение расстройств, усугубленное ностальгическим воспоминанием о предыдущем периоде и сожалением об утрате влияния врача («Бог ушёл»). Возвращение расстройств требует возобновления лечения, но само собой разумеется, что эта последняя фаза не наблюдается при устойчивом излечении.

По этому поводу отметим многочисленные аналогии между этими феноменами интереса и переносом Фрейда: по существу процесс идентичен, но объяснение различается. Жане

признаёт родительскую интерпретацию Фрейда (директор — это отец или мать, врач — лишь их заместитель), но не принимает исключительно сексуальный характер влияния.

б) Терапия в состоянии бодрствования

Жане считает её необходимым дополнением к гипнотическому внушению и даже применяет исключительно, когда гипнозизация встречает слишком сильное сопротивление или противопоказана по какой-либо причине. Рассмотрим последовательно: психологическое лечение — общая терапия — химиотерапия.

- Психологическое лечение. Исходя из принципа, что «человек всегда имеет в запасе большое количество сил», Жане основывает психологическое лечение на мобилизации неиспользуемых сил, а также на приобретении новых сил с целью преодоления диссоциации функций и изменения тенденций в направлении, благоприятном для психического равновесия. «Речь идёт не о философских спекуляциях о жизненных силах, — уточняет он, — а о простом практическом констатировании».

Здесь вновь первостепенный элемент — возбуждение. Под гипнозом возбуждение состоит в том, чтобы заставить больного играть интересующую его роль, но в состоянии бодрствования его применение гораздо деликатнее. Необходимо учитывать то психологическую слабость, то колебания напряжения: то максимально мобилизовать неиспользуемые силы, рекомендовать активизацию интеллектуальных или физических затрат, то, напротив, беречь энергетический капитал, назначать курсы отдыха, практики гигиены и т.д. Кроме того, возбуждение должно быть морального порядка: «иногда нужно встряхнуть больного», — говорит Жане, — сделать ему выговор или, напротив, успокоить, внушив уверенность в себе. В общем врач должен приобрести «влияние директора» и подстраивать это влияние под каждый конкретный случай. Его действие должно подчиняться трём великим принципам: мобилизации сил (уже рекомендованной Джеймсом), психическому равновесию (в связи с функциями регуляции), психологическому излучению и синтонизации (все функции взаимосвязаны и восстанавливаются одновременно). Таким образом Жане естественно приходит к представлению о психической активности как о сложном комплексе обменов по доходам и расходам и, по-видимому, первым заложил основы психологической экономики. Он считает, что количество сил, которыми располагает каждый индивид, равно доходу, который не следует превышать, но который нужно заставить приносить плоды. В итоге необходимо составить бюджет, учитывая, что «составление бюджета предполагает не только указание расходов, но и изучение ресурсов и прибылей».

С клинической точки зрения Г. Элленбергер суммирует «экономическую» психотерапию Жане следующим образом: сначала необходимо различать астенический синдром (общая усталость, замедленность, абулия) и гипотонический синдром, включающий первичные симптомы (неспособность к синтезу) и вторичные симптомы (возбуждение, obsессия, незавершённость и т.д.).

Лечение астенического синдрома состоит в следующем:

- увеличении «доходов» (сон, диететика и т.д.);
- уменьшении «расходов» (курсы отдыха, изоляции, сокращение профессиональной активности; иногда «социальная хирургия», такая как удаление из неблагоприятной среды, даже развод);
- ликвидации долгов (экономика ликвидации). Сначала необходимо учитывать «мораторий», то есть сроки, необходимые для восстановления достаточных «доходов»

и устранения «расточительства», постоянного при невротических состояниях. Только когда достигнуты удовлетворительные результаты в этом направлении, может начаться настоящее психологическое лечение: устранение сопротивлений, затем подсознательных идей фикс (экономика руководства).

Лечение гипотонического синдрома сильно отличается. Речь идёт о:

- устранении «отклонений» или вторичных психических и соматических симптомов, возникающих из чувственных или эмоциональных «реакций»; успокоении возбуждения через деятельность, соответствующую вкусам больного (спорт, охота, альпинизм и т.д.); если существует обсессивная центрировка, лучшие результаты даёт гипнотизм;
- повышении психологического напряжения — либо стимулирующими медикаментами, либо алкоголем или кофе в умеренных дозах. Но эти средства «малозкономичны» и должны использоваться только временно. Наиболее эффективный метод — методическое обучение через контролируемые действия или поведения, особенно через абсолютное требование завершения начатого акта по принципу *age quod agis* («Делай, что делаешь»): «выполнение полностью завершённого акта повышает психологическое напряжение (...), незавершённый акт понижает его».

Здесь вновь терапия Жане относится к экономике направления.

Но будь то под гипнозом или в состоянии бодрствования, главным фактором терапии остаётся внушение: «В психотерапии всегда, — пишет Жане, — идёт речь об изменении действий, их уменьшении или увеличении», и эти изменения могут быть достигнуты только влиянием врача на больного: «Суггестивное лечение (...) просто показывает ему, что у него под рукой были важные ресурсы, использование которых он забыл, и ставит их в распоряжение этого бедного администратора, который считал себя разорённым, когда это было не так». Ни один психиатр до Жане не говорил таким языком.

Наконец, вернёмся к «моральному направлению», которое неизбежно сопровождает любое изменение психической активности и которое Жане суммирует следующей формулой: воспитание движений духа, то есть контроль и регуляция эмоциональных состояний, модификация ошибочных и «зафиксированных» убеждений, устранение опасений и иррациональных страхов, особенно страха болезни и смерти. В этом пункте терапия Жане сближается с терапией Дюбоза (из Берна), который систематически применяет «медицинскую морализацию» посредством длительных бесед. Но в ряде случаев морализация недостаточна даже в рамках экономики направления, и поэтому Жане прибегает к гипнозу, который имеет преимущество более быстрого преодоления сопротивлений.

Это факт, что статистика Жане свидетельствует о высоком проценте излечений с учётом того, что он прекращал лечение, если удовлетворительный результат не достигался в течение года. Но он остаётся без иллюзий относительно злоупотреблений, которые могли бы возникнуть при лучшей известности его лечения возбуждением, как это было с гипнотизмом: «Именно потому, что пытались гипнотизировать всех подряд и лечить что угодно внушением, возникло столько неудач, которые обескуражили больных и врачей и привели к упадку гипнотизма. Если бы лечения возбуждением стали лучше известны, их стали бы применять направо и налево, и это привело бы к настоящим катастрофам».

- Общая терапия. Жане многократно подчёркивает связи между физическим и психическим состоянием невротиков. Психологическая слабость часто сопровождается

дефектным физическим состоянием. Что касается гипотонии, она не обязательно пропорциональна психастении, и поэтому многие больные проявляют ярко выраженные вторичные симптомы — психологические или соматические, — тогда как слабость проявляется гораздо менее отчётливо. И главное, чистые формы редки. Именно поэтому Жане рекомендует систематически проводить полное обследование больного, чтобы воздействовать не только на органические аффекции, такие как интоксикации или реконвалесценция после инфекционных болезней, но и на аффективные реакции — особенно тревогу, — которые из них вытекают и которые важно отличать от собственно невротических симптомов. Он также настаивает на значении эндокринных нарушений, особенно функциональных расстройств щитовидной железы и паращитовидных желез.

Применительно общей терапии, Жане уделяет наибольшее внимание пищевой гигиене. В некоторых случаях он, как и Фрейд, рекомендует усиленное питание по методу Вейр Митчелла (лечение отдыхом и лечением переяданием). В других назначает строгий режим, но осуждает аскетические диететики, применяемые в многочисленных клиниках (доктор Диета и доктор Тишина), относительно которых иногда позволяет себе несколько иронический тон. Другие лечения также предписываются Жане, в частности физиотерапия, ещё малоизвестная в его эпоху. Наконец, привилегированное место занимает переподготовка, уже рекомендованная в «Психологическом автоматизме» (1889) для расстройств речи, тиков, заикания, вербальной глухоты и т.д. с вспомогательными упражнениями на дыхание, шведской гимнастикой (Линг был ещё мало известен тогда), ручным трудом. В особенности при истерии Жане проводит двойную переподготовку: сенсорной чувствительности в сочетании с переподготовкой конечностей или органов, являющихся очагом соматических расстройств.

- Химиотерапия или медикаментозная терапия. «В своём знаменитом труде „Психологические лечения“, — пишет Ж. Делей, — Жане, анализируя все виды психотерапии, лишь вскользь упоминает психологическое действие химиотерапии, то есть медикаментов. Этому не приходится удивляться, поскольку применение химических веществ для лечения психических расстройств сводилось тогда к нескольким седативным или стимулирующим средствам. В этой области недавно достигнуты значительные успехи». Верно, что Жане в основном посвятил себя психологическому лечению неврозов, однако он уделил фармакотерапии целую главу.

Он различает, с одной стороны, «косвенные психофизиологические медикации», с другой — «прямые медикации неврозов». В первую категорию он относит препараты, предназначенные для борьбы с органическими болезнями, сопутствующими неврозам и усугубляющими их. Сегодня эта точка зрения признана всеми как верная, но полвека назад это было не так. Жане уточняет, что химическое лечение органической аффекции не излечивает невроз, но создаёт условия для его излечения, за исключением — ныне гораздо более редкого — случая психических расстройств при сифилисе без необратимых поражений. В качестве примера эффективности «косвенной медикации» Жане приводит случай истерии у женщины с Бозедовой болезнью, у которой психическое состояние значительно улучшилось одновременно с тиреоидной дистрофией благодаря длительному приёму 2 г в день хинина, доза которого была очень хорошо переносима. Он также упоминает, среди прочего, случаи артериальной гипертензии с различными психическими расстройствами, улучшенные химическим лечением. Кроме того, он констатирует эффективность опотерапии при осмотрительном применении.

Во вторую категорию, «прямые медикации», Жане меньше настаивает на седативах, мало известных в его эпоху, чем на тониках. По его мнению, эффективность железа сомнительна, во всяком случае меньше, чем фосфорной кислоты или фосфатов. Он

особенно рекомендует сульфат стрихнина и какодилат натрия, по возможности в сочетании с подходящей физиотерапией. Верно, что фармакология Жане кажется весьма скромной по сравнению с постоянно расширяющимся арсеналом современных психолептиков и психотоников, доступных психиатрии. Но интерес вопроса заключается в том, что химиотерапия Жане представлена как необходимое дополнение к психотерапии.

ПЯТАЯ ЧАСТЬ

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ДАННЫЕ

Перспективный путь труден и усеян препятствиями. Вполне естественно, после перечисления сочтённого достаточным количества сравнительных данных, попытаться рассмотреть не только их продолжение до наших дней, но и их будущее — поскольку оно поддаётся предвидению.

Однако сравнительная форма делает такую задачу особенно рискованной, поскольку одновременно невозможно и собрать все необходимые сведения, и сохранить безупречную объективность: среди этих сведений неизбежно приходится делать выбор, а такой выбор всегда может быть сочтён произвольным. Поэтому необходимо чётко указать, что выводы настоящего перспективного эссе формулируются с оговоркой «подлежащие пересмотру».

Нужна и ещё одна, семантического порядка, оговорка: термин «перспективный» (*prospectif*) обозначает, по А. Лаланду, «всякое движение интеллекта, направленное в будущее», и именно в этом смысле его ввёл в язык психологии и социологии Г. Берже. Но здесь наиболее точным был бы термин «проверсивный» (*proversif*), который позволяет с большей степенью приближения охарактеризовать сравниваемое будущее фрейдизма и «жанетизма», тогда как сегодня «перспективный» обычно рассматривается как синоним «футурологический» и, как таковой, приобретает преимущественно технический и социальный смысл. Соответственно, раз «*proversif*» признаётся более адекватным, чем «*prospectif*», то тем более это верно для «*rétroversif*», термин, который появится далее и который ни в коем случае не может иметь то же значение, что и «*rétrospectif*» («ретроспективный»).

Наконец, прежде чем перейти к «проверсивному» сравнению между Фрейдом и Жане, необходимо перечислить некоторые существенные данные, характеризующие современное состояние психологии и психопатологии, хотя такое состояние и сопряжено с многочисленными трудностями описания.

Поэтому здесь ограничимся тем, что наметим своеобразные вехи на линиях размышления, достаточно чётко обозначенных и проведённых настолько объективно, насколько это возможно.

Т. Рибо считается инициатором так называемой экспериментальной психологии, но после него эта психология полностью преобразилась — в частности благодаря широкому использованию «математического инструментария», «промежуточного звена в виде репрезентации через схемы» (по выражению Г. Башляра), а также методов, ранее мало разработанных, таких как тесты, опросы и, особенно, лабораторные исследования, охватывающие как индивида, так и различные коллективы. Наиболее важной сегодня

представляется задача согласования этого грандиозного статистического усилия с собственно клиническим наблюдением. В целом всё настоятельнее становится необходимость согласовать между собой все психологические дисциплины, которые, однако, продолжают всё больше дифференцироваться.

В частности, если верно, что, согласно определению Д. Лагаша, приводимому мадам Фаве-Бутонье, клиническая психология «характеризуется систематическим и насколько возможно полным исследованием индивидуальных случаев», то всё же экспериментальная психология, претендующая на статус точной науки, остаётся наукой «об общем» и, кроме того, с трудом применяется к «конкретным человеческим формам поведения». Мадам Фаве-Бутонье добавляет: «Именно рассматривая психологию как „науку о поведении“, Д. Лагаш может утверждать единство психологии». На этом уровне мы вновь встречаем глубинную мысль Жане, который положил начало «психологии поведения», но в конечном счёте проблема, по-видимому, остаётся открытой из-за частой антиномии между статистическими результатами общего порядка и крайней разнообразностью индивидуальных форм поведения. Психология поведения во всех её вариантах позволила приблизиться к решению некоторых проблем, но, по существу, кажется, не приносит окончательных заключений.

Положение в психопатологии ещё более неустойчиво, хотя по ряду аспектов она близка к клинической психологии и клиницист преимущественно имеет дело с отдельными, единичными случаями. Научное влияние экспериментальной психологии здесь всё же проявляется, но нередко в малоэффективном направлении. Так, подобно тому, как в экспериментальной психологии «значимый» расчёт по умолчанию рассматривается как объяснительный, в психопатологии диагноз нередко строится на перечислении симптомов, признанных «значимыми», вне всякого патогенетического объяснения. По существу, внимание в основном сосредоточено на нозологии, а мало — на патогенезе, так что в предельном случае можно заключить: великий урок Фрейда и Жане оказывается на грани утраты.

Кроме того, систематическое использование медикаментов, число и эффективность которых постоянно растут, образует решение, которое было бы идеальным, если бы во многих случаях эти препараты, назначаемые в высоких дозах, не приводили к тому, что иногда называют «сглаживанием симптомов» и тем самым не делали диагноз менее точным. По сути, можно утверждать, что со времени Фрейда и Жане единственными подлинными достижениями в психиатрии являются именно успехи фармакотерапии. Но, с другой стороны, эти достижения сопровождаются снижением значения патогенеза, которому и Фрейд, и Жане посвятили многочисленные труды. Опасность такого положения состоит, во-первых, в нарастающей нечёткости дифференциальной диагностики между невротами и психозами, а во-вторых, в возрастающем охлаждении к психотерапии.

Если ошибочно диагностировать неврот там, где имеет место психоз, ущерб невелик: неэффективность лечения уточняет диагноз без вреда для больного. Но обратная ошибка куда серьёзнее: можно назначить вредоносное лечение или даже счесть неизлечимыми тех невротиков, которые потенциально излечимы психотерапией и которые как раз и являются, по выражению Жане, теми, кто «ныне по-настоящему нуждается в нашей помощи».

Эти немногие общие замечания, вероятно, недостаточны и отчасти неточны, однако, есть надежда, что они позволят обосновать сравнительные данные, которые будут приведены относительно перспектив фрейдизма и жанеизма.

I. ПЕРСПЕКТИВЫ ФРЕЙДИЗМА

Прежде чем перечислять наиболее важные «проверсивные» данные, необходимо кратко суммировать эволюцию психоанализа за последние полвека. При жизни Фрейд вызвал много, подчас чрезмерных, энтузиазмов, но пережил и глубокие расколы, особенно связанные с Юнгом и Адлером. Кроме того, ещё до его смерти «терапевтические неудачи и теоретические трудности (...) побудили психоаналитиков искать лучшие решения», оставаясь при этом верными фрейдовской мысли.

Д. Лагаш выделяет внутри психоанализа три основные тенденции: первая (британская школа и Мелани Кляйн) стремится систематически анализировать и интерпретировать бессознательное и его мощный либидинальный потенциал; вторая (Карен Хорни) пытается согласовать психоаналитическую теорию с экологией; третья (Анна Фрейд) главным образом занимается определением «интегративной функции Я» в её отношениях с внешним миром и внутренним миром влечений.

В настоящее время эти тенденции сохраняются, становясь объектом всё более детальной проработки, но также и множества споров. Недавно появилась «третья генерация» психоаналитиков, общая установка которых состоит в том, чтобы, сохраняя строгую доктринальную ортодоксию, распространить психоанализ на различные социологические и философские области, чему, можно думать, сам Фрейд удивился бы — по крайней мере относительно некоторых из получаемых выводов. Факт в том, что Фрейд постоянно подчёркивал свою волю оставаться строго в рамках психологии, даже когда обращался к доисторическим ссылкам или распространял теорию на «коллективную психологию». В 1926 году он всё ещё категорически утверждает: «Многие голоса (...) настойчиво подчёркивают слабость Я по отношению к Оно, рационального — по отношению к демоническому в нас, и стремятся сделать из этой тезы столп „психоаналитического мировоззрения“ (...). Я враждебно отношусь к фабрикации мировоззрений». Однако столь же несомненно и то, что сама психоаналитическая теория по сути содержит, по выражению Жане, «огромную систему медицинской философии», хотя бы уже по одному вопросу языка. Возможно, Фрейд опасался искажений своей мысли последователями, стремился заранее сохранить доктринальную чистоту психоанализа и, может быть, ещё в большей степени — избежать компромиссов с иными социальными или философскими доктринами. Тем не менее, волей-неволей, он всё же направил своих преемников по этому пути.

На практическом уровне ситуация иная: терапия Фрейда по-прежнему пользуется большой верностью в части протокола «катарсического лечения» и ожидаемых от него результатов, и, по-видимому, ей обеспечено долгое будущее. Однако многие психологи и психиатры считают, что она применяется с чрезмерной широтой, особенно в сфере характерологии и даже в обычной клинической психологии. Напротив, показания к ней при чётко очерченных неврозах в целом более ограничены, чем при самом Фрейде. Тем не менее, по выражению П. Маля, «необходимо иметь в распоряжении такие психотерапии, которые соединяют знание конфликтов (...) с внушением, с тонким и гармоничным установлением связи с больным, позволяющей ему вновь устроиться в выносимой жизни». Это особенно верно в отношении «чрезмерно лабильных личностей истерического типа». На практике психоаналитическая терапия остаётся прежде всего показанной, как рекомендовал сам Фрейд, при истерии и обсессивно-фобических неврозах.

Из сказанного следует, что перспектива фрейдизма уже немыслима без более или менее рационального сопряжения с иными социальными или философскими теориями, и в этом направлении кратко рассматриваются некоторые ныне распространённые мнения, выросшие из психоаналитических идей.

1. ФРЕЙДИЗМ И МАРКСИЗМ

Некоторые положения Фрейда согласуются с философией Маркса, в частности всё, что касается понятий отчуждения и репрессии. Аналогия прослеживается и в сопоставлении «жестокое праотца», вождя первобытной орды, с фигурой «диктатора», а также в идее переноса сексуального интереса на механизмы труда и, быть может, прежде всего — в сходстве взглядов на мораль и религию.

Но, по-видимому, скрытый движущий механизм «фрейд-марксизма» можно различить в теории влечений: экономический примат у Маркса в любом случае соотносится с социальной организацией, основанной на инстинкте жизни, который, в свою очередь, выражает «требование существования». Параллельно сексуальный инстинкт у Фрейда относится к другой органической необходимости, которую можно было бы назвать «требованием выживания» или инстинктом сохранения вида. Фрейд-марксизм тем самым опирается одновременно на экономический и сексуальный приматы, объединённые в «примат безопасности», сочетающий два фундаментальных инстинкта — жизни и выживания.

Однако идеальный синтез этих двух «требований» неосуществим, и потому обычно считают, что марксизм и фрейдизм скорее дополняют друг друга, чем совпадают. Между ними существуют и серьёзные доктринальные расхождения главным образом потому, что Маркс — социолог, анализирующий положение индивида относительно общества, а Фрейд — психолог, идущий в обратном направлении. Отсюда телеологический характер марксизма, который в зависимости от взглядов считается либо рациональным, либо утопическим, тогда как фрейдизм не предлагает ничего, кроме жизни, обречённой на смерть, — своеобразной философии с оттенком стоицизма, рождающейся из искажённого переживания отчаяния и абсурда. Маркс предлагает наступление «социального счастья», которое, справедливо это или нет, легитимирует теорию постольку, поскольку она питает надежды, ей сопутствующие.

Фрейд, напротив, понимает жизнь как «более или менее длинный обходной путь в универсальном беге к небытию». Эрос в конечном счёте предстает лишь как «мироуладчик» в «могучем и немом» царстве Танатоса. Можно ограничиться замечанием, что Фрейд злоупотребляет метонимией, отождествляя жизнь и существование. Точнее говоря, существует «требование сверх-существования», распорядителем которого является Эрос и которое обеспечивает бесконечную «жизнь» родового порядка.

Тем не менее можно отстаивать тезис, что и Маркс, и Фрейд совершают важное упущение, более серьёзное у Фрейда, чем у Маркса, поскольку последний не является биологом: наблюдение организованной жизни показывает, с какой бы точки зрения мы ни смотрели, что все живые формы располагают значительным «избытком энергии», особенно молодые организмы. Следовательно, необходимо ввести третье «требование» — избыточное требование, которое, в отличие от требований жизни и выживания, можно назвать «бесплатным» в том смысле, что оно соответствует, говоря языком гомеостаза, «чистой трате». Это избыточное требование прежде всего проявляется, даже у животных, в игре во всех её формах. Оно очевидно у ребёнка и в меньшей степени — у взрослого. У

последнего оно также выражается в инстинкте любознательности и стремлении к исследованию во всех областях. По принципу оно носит нормативный характер, поскольку ориентировано на цель «чистого и бескорыстного» качества. В сочетании или без сочетания с двумя другими требованиями, составляющими «примат безопасности», оно объясняет любой процесс сублимации — во всяком случае более рационально, чем «разблокирование сексуальных влечений» психоаналитической теории.

Развивать эту демонстрацию далее здесь не представляется возможным. Отметим лишь, что понятие избыточного требования могло бы плодотворно дополнить некоторые важные аспекты марксистских теорий. Зато оно антиномично по отношению к сексуальному примату и вообще — к археологии фрейдовских концепций. Главное же, что это понятие на психологическом уровне сходится с представлением Жане о «неиспользуемых силах».

2. ФРЕЙДИЗМ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ

Постольку, поскольку можно говорить об этике Фрейда, возможно установить ряд сближений между психоаналитической теорией и экзистенциализмом, особенно в отношении проблем тревоги, экзистенциального абсурда, а также своеобразной «философии неудачи», если временно вынести за скобки онтологические резонансы этих вопросов.

Собственно психологическая проблема, сближающая Фрейда с Сартром, — это проблема воображаемого. В одном с Фрейдом направлении Сартр утверждает «преобладание мира образов над миром объектов». Однако его позиция оригинальна, когда он заявляет, что воображаемое «устраняет реальное, появляясь», и вызывает «обрушение воспринимаемого мира». А. Фобор показывает, насколько эта позиция искусственна и что логичнее, во всяком случае, говорить о «двойной бухгалтерии», ибо если верно, что, по выражению М. Мерло-Понти, «взрослый всегда сохраняет пояс ультра-вещей», из этого отнюдь не следует, что продукты воображения автоматически вызывают драматическую дереализацию воспринимаемого мира.

В этом отношении Фрейд идёт дальше, чем Сартр, делая фантазм и магические реминисценции естественными элементами психики. В такой перспективе ничто уже не является полностью реальным даже у нормального индивида, поскольку с рождения он формирует свою личность под властью протофантазма (первоначальный эдипов фантазм). Даже если ему удаётся «преодолеть Эдипа», уравновесить тревогу кастрации (другой фантазм), запустить более или менее эффективные защитные механизмы и т.п., он всё равно на протяжении всей жизни находится под влиянием продукций одновременно магических и бессознательных, аналогичных «всемогущим» идеям первобытной орды. Иначе говоря, Фрейд не только не признаёт «двойной бухгалтерии» и, как и Сартр, допускает «преобладание мира образов», но, главное, он включает фантазм в естественную структуру психики и наделяет его статусом структуры.

Зато фрейдизм и экзистенциализм радикально расходятся во всём, что касается сознания. Сартр рассматривает сознание как интегративную функцию бытия, если не как интегрированную структуру бытия, откуда с онтологической точки зрения следует, что представление о «отдельной области сознания» абсурдно: по отношению к бытию-в-себе система бессознательного может означать только «инаковость по отношению к себе», что составляет апорию. Для сартровского экзистенциализма всё, что «другое по отношению ко мне», есть отрицание «Я» («ад — это другие»). Если же, вдобавок, Я несёт в себе собственную инаковость, оно обнуляет само себя, так что существование перестаёт поддаваться определению и даже мыслимости. Проблема «привилегии присутствия

сознания самому себе» снимается; бессознательное уже не «червь в яблоке» и тем более не некая антиматерия сознания, поскольку «инаковость к себе» открывает мышлению двери в ничто, где исчезает и само Я. Представляется, что в выражении философского абсурда фрейдизм идёт гораздо дальше экзистенциализма.

3. ФРЕЙДИЗМ И СТРУКТУРАЛИЗМ

Термин «структура» обычно употребляется в весьма различных значениях в зависимости от того, относится ли он к математике, биологии, психологии или философии. В семантическом плане можно допустить, что фундаментальное намерение структурализма состоит в придании этому термину единого смысла во всех областях знания, исходя из общего постулата изоморфизма и с помощью столь же общего использования особой риторики, придающей метонимическим операциям значимость во всех случаях. Речь идёт о весьма сложной проблеме, и здесь можно лишь наметить те данные, которые считаются необходимыми для перспективы фрейдизма; главным фактором, вероятно, являются отношения между структурами и функциями.

В первом приближении, пишет Ж. Пиаже, структура определяется тремя основными признаками: целостность, трансформации, саморегуляция. Эти три признака обнаруживаются как в «чистых структурах» математиков, так и в биологических структурах, так что во всех областях исследования становится законным конструировать «абстрактные модели» или «формальные инварианты», применимые к организациям самого разного рода. Кроме того, некоторые авторы полагают, что «под» фундаментальными структурами возможно символизировать схемы или комбинаторики, обладающие исчерпывающей значимостью. Идеальная модель, разумеется, — структуры логико-математического типа; в этом духе А. Лабори определяет структуру как «совокупность отношений, существующих между элементами множества».

Таков, в предельно сжатом виде, наиболее распространённый у структуралистов концепт структуры. Первое его семантическое последствие — необходимость, по Ж.-М. Озиасу, различать термины «structurel» и «structural»: первый обозначает форму или организацию, второй — «абстрактные модели», более или менее непосредственно заимствованные из математики. В итоге абстрактная формула или схема рассматривается как наделённая значением для любой структуры уже в силу того, что она описывает операции координации. В качестве примера можно привести одну из попыток в клинической психологии, где некоторые исследователи стремятся формулировать «абстрактные модели» поведения вообще. В этом смысле П. Казайос рассматривает психологию как «науку о субъектах, которых по необходимости, но временно, будут рассматривать как объекты, то есть в виде объективных срезов, полученных из наблюдаемых срезов», так что в конечном счёте «абстракция, от случайной или побочной, становится сущностной и совпадает с основополагающей инициативой новой психологии».

Эти краткие замечания позволяют подойти к проблеме соотношения фрейдизма и структурализма, в особенности в том, что касается связей последнего «с языком, этнографией, историей», по выражению Л. Себага, а также его «символической и означающей ценности». Фрейдизм действительно можно считать структурным постольку, поскольку, с одной стороны, он включает «системы, детерминирующие несколько уровней организации», а с другой — его язык рассматривается как означающий для этих систем, особенно для системы бессознательного. В этом смысле Ж. Лакан утверждает: «Бессознательное структурировано как язык», а Ж. Лапланш добавляет: «язык не только наилучшим образом подходит для прояснения активности бессознательного, но и сам, в свою очередь, проясняется только через неё».

Такому дидактизму П. Рикёр противопоставляет одновременно безличный и проблематичный характер: «Если вопрос о субъекте, — пишет он, — имплицитно поставлен психоанализом, то тематически он не формулируется». Поэтому он считает, что структуралистская интерпретация психоанализа оставляет в стороне проблему значения, поскольку «словам придаётся статус вещей, а не наоборот». Вследствие этого, если пытаться согласовать психоаналитическую теорию со структурализмом, «то оправдывать сравнение следует скорее на уровне риторики — метафор, метонимий, синекдох, эвфемизмов, аллюзий, антитез, литот». Примечательно, что философская интерпретация П. Рикёра сходится с эпистемологическим объяснением Ж. Пиаже, который признаёт значимой лишь «рефлексирующую абстракцию» и полагает, что «постоянная опасность, грозящая структурализму, когда его пытаются превратить в философию, — это реализм структуры, к которому приходят, как только забывают о её связи с операциями, её породившими».

И здесь патология свидетельствует, наоборот, о реализме психобиологических структур, особенно в отношении расстройств речи: не может существовать абстрактной модели для деформаций так называемого «мышления извне». Невротика можно наблюдать и лечить только как субъекта, а нарушения речи, которые он проявляет, не поддаются никакому «объективному срезу». Кроме того, в ходе психоаналитического лечения можно, следуя за Жане, утверждать, что субъект «куда больше, чем думают, подстраивает свои слова, чтобы произвести определённый эффект», и, следовательно, его язык не обязательно является прямым выражением бессознательного. В пределе кажется, что сближения между фрейдизмом и структурализмом относятся к проблематике чистой абстракции, основанной на риторических операциях, не обладающих подлинной означающей силой.

В общем можно сказать, что структурализм берёт переживание в скобки: субъект исчезает, уступая место безличному, и понятно, что в результате структуралист может заявить: человек мёртв. В теории психоанализа ничего подобного нет: для Фрейда значимым является не форма, а содержание структур, особенно в том, что касается системы бессознательного, понимаемой как алогичная и вневременная. Нельзя, следовательно, утверждать, что это содержание «структурировано как язык», не смешивая форму и содержание, с одной стороны, и вневременность с диахронией — с другой. Обратное подтверждается и высказываниями о смерти человека: в структурализме это лишь растворение конкретного индивида в безличном абстрактном, тогда как у Фрейда смерть — конкретное событие, касающееся индивида как такового. В итоге между структурализмом и фрейдизмом пролегает столь же резкий разрыв, как между идеализмом и реализмом в современном смысле этих терминов.

4. ФРЕЙДИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

Некоторые авторы подчёркивают научный характер психоаналитических теорий. Так, Г. Пальмад пишет: «Фрейд действительно снабдил психотерапию тем, что могло придать ей научную реальность, — понятием научной причинности», из чего следовало бы, что благодаря ему психология смогла оформиться «в совокупность знаний, технически применимых» и что эти знания включают «точные техники администрирования доказательства». Ещё более категоричен Фр. Паше: «Так Фрейда можно было бы расположить: он пришел после Тэна и Фехнера, окружённый Уотсоном, Коффкой и Павловым, он предвосхищал, или скорее анонсировал искусных конструкторов электронных автоматов», заняв тем самым своё место «как раз перед психологией кибернетиков».

По этому поводу достаточно напомнить эмпирический и априорный характер большинства фрейдовских гипотез. Трудно, кроме того, признать научным тот постоянное обращение к метафорам и символам, толкование которых по существу субъективно и относится к герменевтике, несовместимой с научным позитивизмом. Однако в рамках гуманитарных наук ситуация менее противоречива, особенно что касается «медицинской характерологии», вдохновлённой психоанализом. Ж. Делей отмечает: «Выделенные им психосексуальные стадии и типы можно трактовать сегодня меньше в биологических, чем в социологических терминах, а именно как результат межличностных отношений, зависящих от типа цивилизации и представляющих продукт не природы, а культуры». Фактически «Фрейд заложил основы целой психоаналитической характерологии, определяемой фиксациями или регрессиями на различных стадиях полового развития ребёнка». Однако эти основы показались слишком узкими даже некоторым его последователям, и потому после него были предложены иные психоаналитические характерологии, «имеющие с фрейдизмом лишь отдалённые связи». В частности, некоторые аналитики уже не рассматривают либидо как исключительно сексуальное или агрессивное, а как «недифференцированную жизненную силу» — в перспективе, сходной с психологией Юнга. В том же духе П. Маль считает, что либидо ответственно за «первичные состояния желаний, голода, страха». Примечательно, что эти расширенные концепции либидо становятся весьма близки к «первичным тенденциям» Жана, соответствующим элементарным «сингуляризациям» изначально деполяризованной психической энергии.

Но даже в рамках наук о человеке ряд авторов, вопреки Г. Пальмаду и Фр. Паше, считает фрейдовскую мысль «мало научной». По словам П. Марше и И. Лормо, эта мысль «опирается не только на клинические факты, но и на постулаты и недоказанные утверждения; часто утверждается как исповедание веры, строит рассуждения по аналогии или сопоставлению, гораздо реже — путём строгой логической критики; развивается через экстраполяции, доказывает себя самой собой с помощью собственного дискурса и иллюстрирует себя обращением к мифам и литературе, а не всегда к клиническим и терапевтическим данным». С другой стороны, «хотя её утверждения далеко не всегда научны, от этого они не перестают порой быть верными», в частности относительно значимой роли некоторых сновидений, бессознательных феноменов, тревоги, переноса или «эмоциональной катарсиса».

В целом, если и можно говорить о подобии между фрейдовским и научным мышлением, то, по-видимому, лишь применительно к языку. Язык науки состоит из символических моделей, выработанных в основном в соответствии с принципами тождества и непротиворечия, к которым исследователь соотносит результаты наблюдений и с помощью которых стремится свести многообразие к единству. Аналогично Фрейд стремится собрать разнородность психических феноменов и сгруппировать их вокруг ограниченного числа мифических и символических моделей, построенных в соответствии с основополагающими принципами удовольствия, реальности и постоянства. Но на этом аналогия заканчивается. Её можно сравнить с встречей двух поездов, идущих во встречных направлениях и, к тому же, перевозящих грузы различной природы.

По самой своей сущности научное мышление обращено к будущему и с эпистемологической точки зрения является «футурологическим» в проверсивном смысле термина. Напротив, фрейдовская мысль постоянно обращена в прошлое, к детской регрессии и далее, к регрессии и мифической, и архаической, конечной точкой которой служит первобытная орда: она ретроверсивна и отдаляется от научного мышления постольку, поскольку её исторические интерпретации стремятся распространиться на весь комплекс гуманитарных дисциплин.

Для резюмирования данных, перечисленных применительно к перспективной проблеме, можно сказать, что:

- связи между фрейдизмом и марксизмом одновременно реальны и дополнительные, поскольку вписываются в рамки «примата безопасности», объединяющего два органических требования — жизни и выживания;
- связи между фрейдизмом и экзистенциализмом носят вторичный характер и ограничиваются некоторыми аспектами воображаемого, проблемами тревоги и экзистенциального абсурда, тогда как по вопросам сознания отношения радикально разорваны;
- связи между фрейдизмом и структурализмом почти исключительно риторического порядка и могут быть постоянно подвергаемы сомнению, если не сталкиваться с догматизмом психоаналитического фидеизма;
- связи между фрейдизмом и наукой носят случайный характер: даже в рамках гуманитарных наук «ретроверсивность» фрейдовской мысли не позволяет уверенно утверждать, что у них открытое совместное будущее.

Не претендуя на объективный и исчерпывающий обзор психоаналитической перспективы, остаётся одна несомненная вещь: именно на клиническом уровне это будущее вырисовывается наиболее ясно. С практической точки зрения «катарсическая» терапия сохранит свои показания, несмотря на всё более широкое использование фармакотерапии. Но если «психоаналитическая революция» и имеет подлинный смысл, то прежде всего на уровне патогенеза, поскольку именно к нему относятся наименее спорные открытия Фрейда: латентная агрессивность, фиксация, регрессия, цензура и вытеснение, чувства вины, комплекс «преследователь — преследуемый», амбивалентность, ингибция, внутриспсихические конфликты, защитные механизмы и т.д. Этот значительный вклад, несомненно, гарантирует ему и прочную славу, и будущее, тогда как теоретическая сторона психоанализа с перспективной точки зрения выглядит менее надёжной.

II. ПЕРСПЕКТИВЫ «ЖАНЕИЗМА»

Жане был глубоко одиноким мыслителем и не создал собственной школы.

Влияние психоанализа и широкое распространение трудов Фрейда отбросили монументальное наследие Жане в тень несправедливости. Тем не менее ряд психологов и психиатров оставались ему верны — среди них Л. Шварц в Швейцарии (ныне умерший), П. Бэйли в США, Х. Элленбергер в Канаде, Х. Шьобринг в Норвегии и некоторые другие, в том числе во Франции. Возникает, однако, вопрос: позволяет ли нынешнее положение дел говорить о какой-то перспективе жанетизма, если книги Жане теперь почти не встретишь иначе как в библиотеках или у немногих избранных частных владельцев?

Ответ на этот вопрос будет утвердительным — при условии, что в этом направлении будут продолжены усилия; именно в этом духе и предпринимается попытка наметить некоторые элементы возможного «жанеизма». При этом необходимо сразу оговорить, что перспективы Жане по самой своей сути должны быть совершенно иными, чем у фрейдизма. Было бы, конечно, интересно в рамках сравнения сопоставить мысль Жане с марксизмом, экзистенциализмом и структурализмом, однако на деле такое сравнение дало бы исключительно отрицательный итог.

Глубокая оригинальность его мысли плохо переносит какие бы то ни было параллели; поэтому цель перспективного рассмотрения может быть лишь в том, чтобы сопоставить и противопоставить воззрения двух великих учёных, дабы задать вопрос: в какой мере в

будущем удастся, если не примирить их, то по крайней мере через них наметить пути возвращения к единству клинической психологии.

Прежде всего следует уточнить современное положение Жане, опираясь на мнение высокоавторитетных фигур. Прежде всего об этом свидетельствуют участники специально посвящённого ему номера «Bulletin de Psychologie» от 5 ноября 1960 года. В целом признаётся, что именно он первым задал динамическую ориентацию психологии. Мадам Фаве-Бутонье проводит первичное различие между динамической психологией Жане и психоаналитической динамикой. Ж. Жермен пишет: «Нет нужды напоминать, что именно Жане был первым, кто своими трудами и публикациями обозначил эту психологическую и психиатрическую ориентацию». В том же духе А. Эй помещает Жане в общий психологический поток прошлого века: «Труд Жане находится на перекрёстке множества направлений мысли — прагматизма Джеймса, эволюционной психологии Спенсера, динамических концепций Мена де Бирана и Бергсона».

Э. Минковский, со своей стороны, подчёркивает новаторский дух Жане: «П. Жане — не только создатель психологии, но и безжалостный хирург ложной психологии, которая, прикрываясь теми или иными философиями, продолжала господствовать в психологии нашего времени и мешала ей приблизиться к истине». В частности, Минковский признаёт за Жане заслугу разрушения двух «идолов»: во-первых, привилегированного положения, которое в психологии занимали ощущение, восприятие и мышление; во-вторых, вслед за Бергсоном, своеобразного остракизма, направленного против памяти как источника переживания времени.

В более реалистической, чем у Бергсона, перспективе Жане исследует понятия «присутствия» и «представления-присутствия» (*présentification*). Минковский напоминает здесь о важном труде Жане «Эволюция памяти и представление о времени», вышедшем в 1928 году и представляющем собой в трёх томах его курсы в Коллеж де Франс.

В том же ключе А. Валлон называет Жане реалистом-психологом: «Новизна психологии Жане в том, что вместо фрагментарных объяснений, по выбору механистических или финалистских, он с самого начала встаёт на уровень личности и акта». В более общем плане можно сказать, что психология и психопатология Жане реалистичны, поскольку они функциональны и, тем самым, полностью темпорально структурированы.

Кроме того, функционализм Жане хорошо сочетается с новейшими достижениями нейрофизиологии. Ошибкой у него, по-видимому, является лишь трактовка чувства, которое он рассматривает только как «реакцию на собственные действия», тогда как сегодня известно, что аффективная жизнь в целом зависит от достаточно хорошо очерченных мозговых структур, в частности от межсоединений между таламусом и лобными долями: «Таламус, — пишет Ж. Делей, — в своей основе является чувствительным органом». Но если здесь и есть ошибка, её легко исправить. То же верно и в отношении сознания, которое Жане изучает прежде всего как функцию.

С нейрофизиологической точки зрения, отмечает П. Рийлан, «не существует специфических нейронов, но таламус и кора являются избранными местами»; сознание связано с «кортикальными активностями, возможно рассеянными, но затрагивающими чётко определённые структуры». В частности, именно сохранность лобных долей, по-видимому, определяет сознание становления, проявления которого можно в определённой мере оценивать по «интенсивности, передаче, длительности и приспособляемости». Таким образом, несмотря на отдельные заблуждения относительно аффективной жизни, Жане подтверждает правомерность своей функционалистской

концепции психической жизни, подчёркивая ограниченность нейрофизиологических знаний своей эпохи.

Всё в том же русле реалистического функционализма Жане анализирует различные психофизиологические регуляции и исследует феномены восприятия. В этом вопросе он расходится с гештальт-теорией, поскольку, по его мнению, «теория восприятия, сведённая к частным актам, объясняет единство объекта без необходимости прибегать к теории формы». Гораздо проще, считает он, ввести «элементарный интеллектуальный акт, который в этом целом акте восприятия выделяет форму». По сути, Жане рассматривает восприятие как «глобальную» функцию, ответственную за формирование психологических структур, так что именно функция упорядочивает структуры, а не наоборот. Эта, заблаговременно «глобалистская», позиция оригинальна, но полярно противоположна гештальтизму. Более того, она не имеет точек соприкосновения с психоаналитической теорией: Фрейд уделяет мало внимания восприятию и практически игнорирует регуляторные функции.

Напоследок стоит отметить важность, которую Жане придаёт проблемам духовности. Он подробно изучал «акты веры» — как нормальные, так и патологические (в частности, экстатический бред, мистические галлюцинации), а также интересовался парапсихологией Ш. Рише. Он утверждает, что «религиозная мысль всё же имеет свои достоинства» и ссылается на «духовную энергию», которая, по Бергсону, направляет мышление. Собственных философских выводов он не раскрывает, ограничиваясь замечанием, что жизненная сила Бергсона «ставит метафизику на чашу весов». В том же духе Минковский говорит о «тревожном спиритуализме» Жане, особенно ярко проявляющемся в его поздних трудах и фактически означающем открытость к универсальному и философскому абсолюту. По крайней мере можно заключить, что Жане вряд ли принял бы идею «замкнутого мира», с которой, по-видимому, смиряется Поль Валери.

Теперь можно перейти к «проверсивной» (обращённой к будущему) стороне возможного жанеизма. О явном и строгом определении речи быть не может, но некоторые его существенные элементы всё же поддаются выделению. Прежде всего кажется, что сегодня многие исследователи занимаются «жанеизмом», сами того не зная, в особенности тогда, когда следуют его примеру в области метода: Жане был одним из первых, кто применил принципы «экспериментальной медицины» Кл. Бернара к клинической психологии, тесно связав её с психобиологической информацией и лабораторным экспериментом. В принципе любая попытка объединения или согласования различных клинических и экспериментальных дисциплин вдохновлена мыслью Жане.

В теоретическом плане в психологии Жане можно, по крайней мере предварительно, выделить три ключевых черты: биологическую укоренённость клинических фактов; их, по существу, функциональное значение в соответствии с его принципом действия и теорией тенденций; и факторы индивидуальной спонтанности. Кроме того, сочетание часто разнородных, если не противоречивых элементов рождает философские резонансы, которые Жане сознательно не смешивает со своими собственно психологическими и психопатологическими построениями. Лишь в лекциях в Коллеж де Франс и в поздних трудах снова проступает его обширная осведомлённость в философской проблематике.

С практической точки зрения любая психология поведения в конечном счёте восходит к идеям Жане. Параллельно развились и другие дисциплины, собранные под символическим названием «поведение» — прежде всего бихевиоризм, — которые сегодня располагают значительным техническим арсеналом. Но, если сопоставить жанетовское

понимание поведения с поведением, описываемым в рамках пары «стимул — реакция», создаётся впечатление, что последнее отстаёт от первого по трём основным причинам:

1. безличность статистических методов не всегда позволяет учесть спонтанность индивидуальных фактов;
2. факты сознания исключаются из рассмотрения, а сознание трактуется как лишённое реальности, тогда как для Жана нарушения сознания у психических больных, напротив, свидетельствуют о реальности сознательных феноменов;
3. существуют многочисленные характерологические нарушения и паранормальные психические состояния, которые невозможно выявить в рамках обследования определённой выборки населения и которые тем самым могут исказить статистические выводы.

В целом психология поведения у Жана представляется одновременно более гибкой, более полной и более близкой к реальности. Наконец, в терапевтическом плане «лечение возбуждением» Жана, по-видимому, почти забыто. Уже почти не говорят о мобилизации неиспользуемых сил, о вызванных ассоциациях, о заместительной суггестии под гипнозом. Тем не менее жанетовские принципы психофизиологической экономики, феноменов влияния, интереса и подчинения не вышли из употребления и в значительной мере обнаруживаются, пусть под другими названиями, в психоаналитической практике.

Следует также отметить и новый всплеск интереса к индуцированному гипнозу — возможно, в большей мере как к диагностическому и исследовательскому средству, чем как к терапевтической методике. «Явление, которое мы называем гипнозом, — пишет Л. С. Кьюби, — когда его механизм будет лучше понят, станет одним из наших основных инструментов для изучения нормального сна, нормального бодрствования и постоянного взаимодействия между нормальными, невротическими и психотическими процессами». Автор даже рассматривает возможность применения гипноза в психоаналитической практике, от которого Фрейд когда-то отказался. Другие психиатры, в частности Л. Шертóк, также возрождают терапевтический гипноз, который особенно интенсивно изучается в США. В общем, психотерапия Жана, столь отличная от психоанализа, и сегодня остаётся областью, потенциал которой мог бы быть существенно реабилитирован и развит.

С точки зрения сравнения можно считать установленным, что фрейдизм и жанеизм развиваются в направлениях мысли, весьма различных, если не прямо противоположных. Но если фрейдизм в значительной мере осуществил свои обещания, то с жанеизмом дело обстоит иначе. Можно даже задаться вопросом, не подходит ли перспектива фрейдизма к своему предельному рубежу — чего нельзя сказать о жанеизме. Действительно, первый по своей сути «ретроверсивен», тогда как второй — «проверсивен». Опираясь на систематическую регрессию одновременно к детскому и архаическому, Фрейд сам устанавливает определённые границы для перспектив психоанализа, тогда как метод и как теоретические, так и практические принципы Жана укладываются в русло перспективной рациональности, важнейшие развития которой ещё впереди.

Определить характер этих возможных разработок в деталях, конечно, остаётся лишь весьма приблизительно резюмировать их основные элементы:

- экспериментальный метод в классическом трёхчленном ритме (от факта к факту через идею);
- рациональность и объективность, стремление согласовать клиническую и экспериментальную психологию;

- систематическая отнесённость психологии к биологии;
- в теоретическом плане: фундаментальный принцип действия, примат функций над структурами, временно организованный функционализм, единство сознания;
- в клиническом плане: психология поведения, «поведения Я» (и поведения секрета), социальные поведения, стремление к унификации личности;
- в психопатологическом плане: взаимодействие психологической слабости и напряжения, дезагрегация функций, изменения поля сознания;
- в терапевтическом плане: динамическое применение внушения, в гипнозе и в бодрствовании, признание центральной роли подсознательной фиксированной идеи;
- в психофилософском плане: рациональный персонализм, согласование поведений Я и социальных поведений, открытость к духовности.

Из всего сказанного остаётся, во всяком случае, нерешённым ранее сформулированный вопрос: в какой мере сопоставление двух столь радикально различных типов мысли может способствовать возможному возвращению психологии к собственной целостности? В этой области не существует неразрешимых задач, но все они отличаются крайней сложностью. В таком духе и предпринимается, в качестве примера, попытка сформулировать рабочую гипотезу по поводу темы, господствующей над всей клинической психологией и психопатологией и в то же время глубже всего разделившей Фрейда и Жане: бессознательное и подсознательное.

III. РАБОЧАЯ ГИПОТЕЗА

Сравнительный анализ фрейдовской системы бессознательного и жанистского подсознания привёл к выводу о принципиальном концептуальном различии между ними. Именно с этого и исходит предлагаемая гипотеза, которая преследует двойную цель. В теоретическом плане она стремится сократить это различие и тем самым вписаться в русло поиска единства клинической психологии. В практическом плане она направлена на уточнение дифференциальной диагностики между психозами и неврозами, позволяя в ряде случаев не относить к бессознательному, якобы недоступному для любой психотерапии, то, что на деле связано лишь с состоянием подсознания и может быть легко «катарсизировано».

Прежде всего приведём несколько указаний на современное состояние проблемы. Факт в том, что о подсознании Жане ныне почти не говорят. В 1955 г. Л. Шварц ещё напоминает о теории подсознания и, в частности, указывает на «её значительный разрыв с бихевиористами». В 1960 г. А. Пьерон принижает значение, которое сам Жане придавал подсознательному, а А. Эснар считает подсознание Жане «смутно определённым бессознательным», своего рода «изнанкой сознания», включённой в «целостный синтез психической жизни». Эти немногие высказывания достаточно показывают, до какой степени теория Жане либо забыта, либо искажена. В частности, она не была, насколько можно судить, сопоставлена с лейбнизианской теорией степеней сознания (состояния «глухие» и «более чем глухие») и с принципом непрерывности.

Напротив, фрейдовское бессознательное по-прежнему является объектом многочисленных толкований. Недавно его охарактеризовали следующим образом: «вневременность, отсутствие отрицания и противоречия, конденсация, смещение», что подтверждает его статус как «отдельной области» по отношению к сознанию. В наши дни концепт бессознательного изучается с различных точек зрения — не только психологической, но и социологической, философской; в этом смысле Жане уже отмечал превращение психоанализа в «огромную систему медицинской философии». Приведём несколько примеров: в перспективе «исторической онтологии» А. Эй определяет

бессознательное как «неизвестное сознания» и, тем самым, уподобляет его «не-бытию», возвращая нас к извечному для философии вопросу: «Как может быть нечто, сущность которого неизвестна?» И как вообще определить «не-бытие»? Отсюда — бесконечные споры, в частности вокруг оппозиции «быть» / «казаться», которые не приводят к чётко формулируемому ответу.

С более психологической позиции А. Эснар считает бессознательное «чем-то положительным, существующим автономно» и определяет его как «сознание в чистом виде», то есть сознание, «лишённое представления». Подобная точка зрения также открывает простор для дискуссий, главным образом из-за выражения «сознание в чистом виде», смысл которого на первый взгляд легко схватывается, но в основе своей остаётся глубоко двусмысленным.

Наиболее важной остаётся проблема вне-временности бессознательного. Фрейд уточняет свою мысль так: «процессы системы Бессознательного находятся „вне времени“, то есть (...) не имеют с ним никакого отношения; временные связи принадлежат системе сознательного». Неоднозначность этого определения в том, что в отношении бессознательного всё же речь идёт о времени, тогда как для сознательного остаётся лишь длительность. Первое оказывается «анахроничным», если не «ахроничным», второе — по сути диахронным. Но и здесь ахронность бессознательного сводится к «отсутствию у себя» или к «само-инаковости», что в строгом смысле не поддаётся мыслимому представлению. Во всяком случае подсознание Жана не ставит проблем подобного рода.

В гегелевской перспективе П. Рикёр считает необходимым преодолеть все диалектические оппозиции, чтобы согласовать обе системы. В этом смысле он прежде всего предостерегает от эклектизма, в частности от употребления понятий дополнительности или «биполярности» систем сознательного и бессознательного: «Три меры бессознательного, два пальца предсознательного и щепотка сознательного — вот того, чего ни в коем случае не должно быть. Эклектизм всегда враг диалектики». Здесь проблема смещается и сосредоточивается на противостоянии между бесконечными ресурсами диалектики, с одной стороны, и требованиями психобиологической информации — с другой. Так, Кл. Блан полагает, что задача безвыходна не только из-за «ужасающей сложности мозговой организации», но и потому, что никто никогда не узнает, является ли «лимбико-диэнцефальный комплекс» «местом сознательного или, напротив, бессознательного».

Предпринимались попытки «обосновать» психоаналитическое бессознательное, опираясь на опыты с децеребрированными животными: они якобы продолжают воспринимать некоторые раздражения и реагировать на них «бессознательно», спонтанно и избирательно. Однако сегодня известно, что спинной мозг участвует в формировании элементарной сознательности, так что подобные опыты нельзя считать убедительными. Кроме того, органическое «несознательное» совершенно иного порядка, чем фрейдовское бессознательное. При таких условиях правомерно ли отделять гипотетическую феноменологию от нейробиологической информации и объявлять одни лишь диалектические построения значимыми, возводя метонимию в ранг достаточного основания?

А. де Вэлленс напоминает здесь о «неизбежной необходимости имплицитного во всяком человеческом опыте и на всех уровнях». Ж. Лакан, по-видимому, с этим согласен, когда определяет бессознательное как «часть конкретной речи (...), которая отсутствует в распоряжении субъекта для восстановления непрерывности его сознательного дискурса». Но, как отмечает де Вэлленс, «„распоряжение“ субъекта вновь открывает спор», если

только самого субъекта не трактовать в качестве очередной абстракции. По существу, фундаментальная двусмысленность проблемы психоаналитического бессознательного связана, с одной стороны, с вплетением органического в функциональное, а с другой — с вплетением функционального в вневременную абстракцию. Ж. Лапланш полагает, что «цель Фрейда прежде всего в том, чтобы утвердить независимость и внутреннюю связность двух систем», но вряд ли он этого достигает; именно поэтому его итоговый анализ бессознательного остаётся чисто описательным, поскольку, как указывает П. Рикёр, он не может перейти к «чистой экономике» (см. с. 139). «Органо-динамическая» теория А. Эя отвечает фрейдовской обеспокоенности, устанавливая логические связи между органическим и функциональным, но не затрагивает диалектической стороны проблемы.

Подсознание Жане, напротив, снова не вызывает затруднений подобного рода. Исходя из принципа «мыслить — значит действовать», он рассматривает неосознаваемую мысль как мысль в виртуальном состоянии (связанную с мнемоническим материалом), которая актуализируется, когда при определённых обстоятельствах становится сознательной. Если воспользоваться метафорой в психоаналитическом стиле, можно сказать, что она скорее «подвешена над» сознанием, чем «зарыта под ним» в некие бездонные и неуверенно очерченные глубины, где приходится смешивать время с длительностью. В этом отношении мысль Жане заметно сближается с Лейбницем — не только в том, что касается принципа непрерывности и «ступеней сознания», но и его знаменитой теории виртуальности.

Эта краткая актуализация проблемы бессознательного достаточна, чтобы обозначить общий характер гипотезы, которая будет теперь сформулирована: речь идёт о гипотезе реалистической, в современном смысле слова, то есть опирающейся одновременно на психофизиологический и психиатрический опыт. Три входящие в неё положения в основном вдохновлены теориями Жане, но учитывают и уроки Фрейда. При этом особенно важно подчеркнуть, что можно говорить лишь о проверсивном, обращённом к будущему, наброске, выводы которого нуждаются в самом строгом контроле, прежде чем получить возможность быть разработанными.

1. ПЕРВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Оно опирается на понятие латентности, в отношении которого представления Фрейда и Жане частично сходны. В рамках своего принципа действия Жане противопоставляет состояния латентности и мобилизации, учитывая при этом чрезвычайное разнообразие промежуточных состояний. В применении к полю сознания состояние латентности соответствует, таким образом, виртуальному полю, а состояние мобилизации — полю актуальному. Такое различие вводит А. Лаланд, отмечая, что в случае актуального поля психологические явления могут быть по воле воспроизведены, чего не происходит в поле виртуальном.

В соответствии с лейбницианской теорией виртуальности, придающей, как и Жане, большое значение *memoria actionum* (память о действиях), состояние латентности остаётся подчинённым временной организации сознания, даже если оно и оказывается в известном смысле диахронно «рассогласованным». Со своей стороны Фрейд употребляет термин латентности в более узком значении: «психические факты латентны, то есть бессознательны в описательном, но не динамическом смысле слова; это факты предсознательные, и мы оставляем название бессознательных за психическими фактами, вытесненными, то есть динамически бессознательными». Между определениями Жане и Фрейда, таким образом, существует частичная аналогия, при условии чётко различать, что

фрейдовское предсознательное не эквивалентно жанетовскому подсознательному, и тем более — бессознательному. Впрочем, и у Фрейда, и у Жана состояние латентности соответствует своего рода временной и переходной «подвешенности» некоторых психических фактов.

Эту аналогию можно связать и с тесными отношениями между памятью и сознанием — областью, где доктринальные расхождения весьма многочисленны. Достаточно напомнить элементарное различие пассивной и активной памяти: первая психологически соответствует сохранению воспоминаний, а соматически — двигательной привычке; вторая, гораздо труднее определяемая, включает комплекс частично бессознательных ассоциаций, обычно расчленяемый на четыре фазы — фиксация, воспроизведение, опознание и локализация воспоминаний. Именно эта функция на всех уровнях обуславливает формирование Я, поскольку без неё субъект не имеет и не может иметь истории, не способен к собственному обучению и тем более — к выработке внутреннего единства.

Возникает вопрос: не отождествляет ли Фрейд эту бессознательную часть мнемонической функции со своей системой бессознательного как таковой? Иначе говоря, необходимо ли постулировать «отдельную систему», чтобы включить в неё тот психический материал — вытесненный или нет, — который соответствует фиксации и сохранению воспоминаний, а также нормальным и патологическим ассоциациям в латентном состоянии? Поскольку Фрейд в основном обосновывает свои теории терапевтическими результатами, вполне допустимо считать, что катарсическое лечение просто актуализирует травматические реминисценции, хранящиеся в виртуальном виде. В таком случае сама виртуальность становится патогенной, когда уже более не допускает ни воспроизведения, ни узнавания, ни локализации. Эту патогенность можно было бы объяснить как диссоциацию мнемонической функции, связанной с особым психическим состоянием, порождённым психастенией или колебаниями психологического напряжения у Жана. Тогда ссылка на «отдельную» и вневременную область утрачивала бы смысл, а состояние латентности адекватно совпадало бы с жанеистским подсознанием.

Нормальный субъект всегда хранит значительное количество латентных воспоминаний, некоторые из которых остаются «виртуально» травматичными, но не становятся патогенными, поскольку находятся под контролем психофизиологических регуляторных функций. Не запрещено считать дефицит этих функций своего рода, пусть и расплывчатой, демаркационной линией между нормальным и невротическим субъектом, тогда как Фрейд, игнорируя регуляцию, устраняет это разграничение.

Понятие латентности позволяет также сопоставительно исследовать феномены забывания. В этой области проведено множество экспериментальных исследований, в частности различающих аффективную и логическую природу забывания, а также процессы искажения, ретро- и проактивного торможения, распада и т.п. Можно, следовательно, допустить, что подсознательная латентность иногда осложняется явлениями торможения или деформации (частичного забвения), которые психотерапия способна устранить и исправить путём актуализации (мобилизации) ответственных воспоминаний. Даже в психоаналитической перспективе травматическая реминисценция, по-видимому, соответствует латентному, заторможенному и искажённому воспоминанию.

Во всяком случае, такое объяснение очень близко к мысли Фрейда: «Забывшие воспоминания, — пишет он, — не утрачены; они остаются в распоряжении больного, готовые всплыть, ассоциируясь с тем, что он ещё знает. Но существует сила, мешающая им стать сознательными. Наличие этой силы можно считать несомненным, так как

человек ощущает усилие, когда пытается вернуть в сознание бессознательные воспоминания». Известно значение, которое Фрейд придаёт сопротивлению, выступающему здесь в активной, а следовательно — временной и динамической форме. В таком случае требование вневременности бессознательного становится трудно осознаваемым: если остаётся лишь сила сопротивления, препятствующая актуализации латентных воспоминаний, то эта сила уже не может мыслиться «вне порядка времени», а значит, и сами воспоминания не могут быть помещены в вневременную область.

Похоже, что в целом понятие латентности скорее подтверждает правоту Жане. У нормального субъекта латентные, мобилизованные и промежуточно уравновешенные состояния памяти — это позитивные факты, логически соответствующие более или менее ясным или смутным состояниям сознания. Отсылка на «обособленное и вневременное» измерение сознания перестаёт быть необходимой, а «расчленённость сознания» вновь становится исключительно патологическим феноменом. Кроме того, мысль Жане, в особенности развёрнутая им в труде «Эволюция памяти и представления о времени», оказывается весьма близка к воззрениям Лейбница.

2. ВТОРОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Оно касается вытеснения. При этом психические процессы анализируются только в ракурсе принципа действия Жане. Отсюда вытекает отказ от любой пространственной (топической) репрезентации и от сексуалистской поляризации влечений и вытесненного материала. С другой стороны, сохраняются понятия внутриспсихического конфликта и защитных механизмов (прежде всего смещения, фиксации, конденсации, замещения, аннулирования), но уже как процессов заведомо патологического порядка — в отличие от регуляторных функций, принадлежащих к психофизиологическому уровню.

Из этого краткого изложения следует, что вытеснение — вероятно, важнейшее открытие Фрейда, признанное самим Жане, — лишается у него всякой топической визуализации, и тем самым нужна в особом «пространстве» для бессознательного вновь ставится под вопрос.

Различные процессы, которые она содержит (так же как и процессы «развытеснения»), располагаются в расширенной системе коммуникаций между актуальным полем сознания и виртуальным полем сознания со всей гаммой промежуточных степеней, которые они предполагают. Во всех случаях этот комплекс психологических движений может быть отнесён к подсознанию в понимании Жане, так что понятие «отдельной» и вневременной области оказывается избыточным.

Это второе положение, таким образом, вдохновляется Фрейдом столь же, сколь и Жане.

3. ТРЕТЬЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Здесь привлекается хорошо известный психологический феномен — реманентность. Под реманентностью понимается всякая устойчивость модификации состояний сознания, возникающая либо как следствие привычки, либо как автономное, продолжающееся после устранения причины явление, подобно тому, как сохраняется намагниченность металлического тела после исчезновения намагничивающего поля. Термин будет пониматься сразу в обоих смыслах, то есть причина изменения может быть как устранена, так и нет. И здесь мнемоническая функция играет важную роль, но практически эту роль

зачастую невозможно точно определить, особенно, когда причина изменения, по-видимому, уже исчезла.

Фактически психологический анализ не всегда достигает первопричины мотивации. Часто остаётся некий неидентифицируемый «остаток», который не удаётся расчлнить даже с помощью самых точных экспериментальных методик — либо из-за спонтанности некоторых форм поведения, более или менее модифицируемых «микростимулом последней минуты» (по выражению Кэттелла), либо из-за жесткости статистических расчётов. Для обозначения этого «остатка» заимствуем у Фр. Гонсета выражение, которое он, как логик, использует для характеристики разума и вообще чисто логической рациональности, подобной рациональности математика: существует, говорит он, «некий неразложимый (ядро разума), который не может быть объяснён иначе, как через обращение к самому себе». По аналогии феномены реманентности, проявляющиеся как у нормального, так и у невротического субъекта, будут отнесены к некоему неразложимому ядру сознания.

Фрейд также говорит о «ядре» бессознательного, но в ином, гораздо более узком смысле: это ядро образуют лишь «представления влечений, стремящихся к разрядке своего инвестирования» в соответствии с принципом константности, то есть речь идет только об одном из элементов Оно. В связи же с реманентностью конструирование особой «отдельной системы» — будь то Оно или бессознательное — не требуется. Если феномены реманентности приписываются «неразложимому ядру сознания», то, во-первых, в отличие от ядра разума, это ядро сознания может, если не быть полностью эксплицированным, то по крайней мере мыслиться в рамках биологически рациональной гипотезы. Во-вторых, оно может логически соответствовать психической структуре, сложившейся по преимуществу из архаических воспоминаний, которые как бы наслаивались и «телескопировались» диахронически на протяжении филогенетического развития. Иначе говоря, это будет своего рода «унаследованная память» или, по крайней мере, чрезвычайно ранняя память.

Феномены, относимые к такой унаследованной памяти, чрезвычайно многочисленны, даже в зоопсихологии. Так, если новорождённый ещё до родов «знает», какие весьма сложные движения ему нужно выполнить просто для того, чтобы сосать, нет причин отрицать, что он мог унаследовать и некоторые архаические воспоминания, например тревогу (безобъектную, «инквизиционную» тревожность), которая сама по себе была порождена и накоплена в ходе бесчисленных предшествующих поколений борьбой за существование и страхом смерти.

В этой перспективе нет больше нужды постулировать «обособленную и вневременную» область: непрерывность диахронических процессов памяти делает это избыточным. В ходе нормального обучения ребёнка диахрония постепенно сочетается с синхронией, которая всё более доминирует по мере развития ясного сознания. Пример новорождённого является показательным для реманентности. Существенно же то, что содержательно этот диахронический «остаток» может быть соотнесён с тем, что известно об основных инстинктах (прежде всего об инстинкте самосохранения), которые сами наследуются, так что реманентность в конечном счёте относится к инстинктивной жизни. Как бы ни была неточна эта связь, она, по меньшей мере, позволяет обосновать существование некоторых «скрытых автоматизмов», выявляемых на уровне поведения. Главное, однако, что реманентность в таком понимании не противоречит лейбницианскому принципу непрерывности, и «присутствие сознания при самом себе» по-прежнему может оставаться привилегией *homo sapiens*.

Подытоживая, можно сказать, что реманентность, с одной стороны, позволяет «темпорализировать» бессознательное, перестающее мыслиться как отдельная область, а с другой — продолжает линию жанеистского подсознания, которое в таком свете оказывается теоретически слишком узким. Реманентность как бы располагается на равном расстоянии от Фрейда и Жане. В отношении психоаналитической теории она, с одной стороны, подтверждает фрейдовское открытие психологической археологии, но, с другой — лишает его герменевтического «каркаса». Кроме того, инстинкт самосохранения получает первенство перед инстинктом сексуальным, а принцип реальности — приоритет перед принципом удовольствия. Что же касается практических приложений реманентности, то они выходят за пределы простого формулирования гипотезы.

Как уже отмечалось, три предложенных положения (латентность — вытеснение — реманентность) могут служить лишь отправной точкой, подлежащей многочисленным уточнениям. В целом они заимствуют больше у Жане, чем у Фрейда, возможно потому, что психоаналитическая теория слишком последовательно «ретроверсивна». Напротив, данная гипотеза по существу «проверсивна», то есть оптимистична в той мере, в какой обращена к будущему. Вероятно, именно в этом отношении она наиболее радикально расходится с психоаналитической этикой, по существу, пессимистичной и порождающей тревогу.

И, напротив, отнюдь не умаляя заслуг Фрейда, уместнее видеть в этом дань его наследию: попытку выделить в его учении то, что обречено пережить своего автора, и соединить этот акт сохранения с попыткой согласования изначально антиномичных теорий. По меньшей мере, сама идея о „реманентном сознании“, включённом в общее поле сознания, могла бы стать предметом как клинических, так и экспериментальных исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнительное изучение Фрейда и Жане может завершиться только констатацией глубинного расхождения их мыслительных направлений. Между ними есть определённое совпадение взглядов по нескольким проблемам различной важности, но анализ

показывает, что почти всегда одни и те же термины у них наполнены разным содержанием.

Если попытаться в нескольких строках свести воедино основные черты этого противопоставления, можно сказать следующее:

– с точки зрения метода Жане переносит в психологию и психиатрию принципы экспериментального метода Клода Бернара; Фрейд создаёт собственный метод, пользующийся по преимуществу символическим языком, дающий порой гениальные интуиции, но также опирающийся на чисто гипотетические предвосхищения;

– с точки зрения теории Жане в основном исходит из принципа действия (теория тенденций), Фрейд — из принципа удовольствия (теория влечений): у Жане — чистая активность, у Фрейда — чистая аффективность. При этом между системой Бессознательного у Фрейда и подсознанием у Жане господствует полная несовместимость;

– клинически у Жане — функциональная психология (невроты понимаются как диссоциация функций), у Фрейда — сексуалистский примат (невроты рассматриваются как результат бессознательных аффективных конфликтов);

– в терапевтическом плане у Жане — лечение «возбуждением» и «замещением», при необходимости под гипнозом, с мобилизацией «неиспользуемых сил»; у Фрейда — исследование бессознательного и катарсический подход в состоянии бодрствования.

Такое краткое резюме может показаться чрезмерно сжатым, и именно в расчёте на эту возможную критику в конце книги и составлена сравнительная сводка.

Другая заключительная ремарка сближает Фрейда и Жане уже в негативном плане и подтверждает общее правило: наиболее сильные и высокообразованные умы никогда полностью не избегают, пусть на каком-то этапе или в какой-то сфере, «духа системы».

Жане приносит жертвы этому духу, когда определяет чувства как проприоцептивные реакции на собственные действия или тревогу — как реакцию отступления, неудачи. Надо, однако, признать, что он сам предостерегает от чрезмерной интеллектуальной жёсткости, когда говорит о своей теории тенденций, что эта система не должна быть «ни всеобъемлющей, ни исключительной», и вся его конструкция в целом остаётся открытой для модификаций, способных заполнить её возможные лакуны.

С психоаналитической теорией дело обстоит иначе, прежде всего в отношении сексуалистской установки, на которой она построена. Хотя ученики Фрейда и не всегда признают столь систематический характер этой установки, трудно избежать вывода, что именно на этом, по ключевому пункту, система действительно сложилась.

У Фрейда, безусловно, имеются мотивы, несколько корректирующие либидинозный императив и его «органическое удовольствие» — например, Я-влечения, латентная агрессивность или «тёмные силы», вступающие в игру при сублимирующем «разблокировании» сексуальных влечений. И тем не менее следует признать, что психоанализ, как в теории, так и на практике, оказался бы почти опустошён, если бы был лишён своего сексуального примата.

Тот же дух системы обнаруживается у Фрейда и в том, как, воодушевлённый успехом своих феноменологических гипотез, он в конце концов начинает принимать их за соответствующую действительность психической реальности.

Можно, таким образом, считать, что и Фрейд, и Жане в той или иной мере подчинились духу системы. Здесь уместно вспомнить суждение мастера экспериментальной медицины: «Люди, питающие чрезмерную веру в свои теории и идеи, — писал Клод Бернар, — не только плохо подготовлены к открытиям, но и делают весьма плохие наблюдения. Они неизбежно наблюдают с предвзятой идеей, и, поставив опыт, в его результатах хотят видеть лишь подтверждение своей теории (...). Великий экспериментальный принцип — это сомнение, философское сомнение, сохраняющее духу его свободу и инициативу». Этот суровый приговор здесь применим лишь частично, но, объективно говоря, Фрейд заслуживает его в большей степени, чем Жане.

Сравнение было бы слишком неполным, если бы не завершилось кратким рассмотрением философских измерений, содержащихся в теориях Фрейда и Жане. Клиническая психология — и психопатология тоже — неизбежно обладает философским измерением, не только через язык, но и потому, что в какой-то мере всегда касается человеческой судьбы. Стоит лишь коснуться этих вопросов, и перед наблюдателем встают многочисленные трудности уже в попытке определить саму природу этого философского измерения.

Чтобы упростить проблему, можно опереться на точку зрения Ж. Гаже, предупреждающего клинициста как против «плохой философии» (опирающейся исключительно на экспериментализм), так и против «хорошей философии» (аридной абстракции). Единственно рациональный путь — путь «философии в действии», берущей за исходный пункт эпистемологию и соединяющей опыт и диалектику, чтобы охватить человека «в его холистическом характере».

Такой подход характеризует реализм — в современном смысле слова, — чья главная интенция состоит в том, чтобы заново примирить научный и философский дух и предоставить им общую точку опоры — психологию. Но учёный по склонности всегда будет опираться на экспериментальную психологию (психологию статистических средних), тогда как философ — на психологию клиническую (психологию индивида).

Уже из одного этого различия можно судить о трудности задачи; тем не менее кажется, что именно такая «философия в действии», о которой говорит Ж. Гаже, единственно пригодна для более-менее объективного сопоставления философских созвучий и резонансов теорий Фрейда и Жане.

(ФРЕЙД)

Фрейд постоянно отвергал мысль, будто он занимается философией: «Я враждебен к изготовлению мировоззрений», — говорит он и добавляет, что принимает «со смирением презрение, с которым философы взирают на нас сверху, исходя из своих возвышенных требований». Но речь идёт явно о приверженцах «сухой абстракции». В том же духе он утверждает, что «психоаналитическое исследование не имеет ничего общего с философской системой, обладающей полной и завершённой доктриной»; критикует Юнга, который, по его словам, претендует принести «новое благовестие, (...) даже новое мировоззрение для остального человечества». Не представляется нужным множить цитаты.

Несмотря на это, психоаналитические теории пробуждают широкий философский резонанс, как подчёркивает П. Рикёр: «двойная герменевтика» пронизывает всю психоаналитику, и в этом смысле Жане упрекает Фрейда в том, что тот превратил клиническое исследование в «огромную систему медицинской философии».

Следует также помнить об агностицизме Фрейда ретроверсивного толка, побуждающем его искать в архаике доказательства фиктивности любых верований. Во время тяжёлой, долго тянувшейся болезни он вновь обращается к проблеме религий и их происхождения, но в итоге видит в Моисее лишь «трагического героя», одарённого «страшной волей» и «могущественным видением человека». Уже в «Тотем и табу» (1913) он выводит религиозное чувство из «чувства вины сыновей», убивших отца, и пишет: «Все религии — не более чем попытки решить одну и ту же задачу».

В основе своей его мысль несёт отпечаток радикального скептицизма: цивилизацию он видит как «гигантское лицемерие», а напоследок заключает: «надо отступить, и Великий Неизвестный, Он, или Великий Маниту, скрытый за Судьбой, повторит этот опыт с другим видом»; в конце концов он ищет прибежища в «гаванях шопенгауэровских».

Если попытаться добраться до самых потаённых пружин фрейдовской мысли, обнаруживается, что важнейшей из них является именно мысль философская, проступающая уже в ранних его сочинениях и всё более определённо проявляющаяся вплоть до «Моисея», опубликованного в 1938 году, за год до его смерти.

(ЖАНЕ)

О Жане можно сказать то же — но в совсем ином, если не противоположном смысле. Он происходил из университетской семьи, был до медицины и психиатрии профессором философии. Как и Фрейд, он принадлежал к большому рационалистическому и эволюционистскому движению своей эпохи, но, тогда как Фрейд строил структурную концепцию психической жизни, Жане брал за основание психологической теории энергию, переводя её на язык действия и функций.

Во всяком случае, он всегда рассматривал основные психологические и психопатологические проблемы без всяких прямых философских отсылок. Если в его текстах и заметен здесь и там след аристотелизма, влияние Лейбница, У. Джеймса, Бергсона, Мэна де Бирана, оно всё же строго подчинено одинаково требовательным рациональности и объективности.

Эти требования не позволяют ему «смешивать жанры», и он критикует «огромную систему медицинской философии», которую представляет собой психоанализ, заявляя, что «ни медицине, ни метафизике не было ни малейшего резона сливаться». В то же время, когда он пишет, что «психология не может удовлетвориться абстрактными формами научного мышления», он тем самым признаёт, что изучение психической активности требует особых способов рефлексии, фактически вовлекающих психологию в философию — не смешивая их при этом.

Его работы по патогенезу неврозов, клинической психологии, «психологической медицине» не несут на себе философской интерпретации. Лишь в поздних книгах и лекциях в Коллеж де Франс появляется философское измерение, вполне соответствующее «философии в действии» Ж. Гаже.

Там исследователь входит в мало освоенную, если не неразведанную область, где мысль Жана, питаясь всеми традиционными источниками, остаётся глубоко оригинальной. Оценить масштаб этой часто остающейся в рукописях философии Жана предстоит специально подготовленным исследователям; здесь можно лишь обозначить некоторые её линии.

Известно, что Жан стал инициатором динамической психологии, так называемой «психологии поведения», основанной на «принципе действия», восходящем к аристотелевскому принципу нормальной активности. С этого момента психология Жана становится функциональной: функции конкретно выражают тенденции, их иерархию и бесконечно сложный ансамбль действий и реакций, в который они вовлечены.

Интеллектуальная жизнь — это тоже действие: «думать — значит действовать»; *age quod agis*; «мышление — это совокупность внутренних поведений».

Философски отсюда вытекают, по крайней мере, две важные идеи. Первая чётко подрывает картезианское «я мыслю»: если мысль сама есть действие, то правильнее сказать *ago ergo sum*. Вторая — ещё более значимая — заключается в том, что Жан отдаёт временной приоритет функции перед структурой: не структура определяет функцию, а функция создаёт структуру.

«Материя, — говорил Аристотель, — влюблена в форму». Сегодня исходным мы можем считать лишь материю-энергию; в этом плане, продолжая линию Аристотеля, можно вслед за Жаном сказать: психическая энергия «влюблена» в структуру. Эта концепция — противостоящая гештальт-принципам — фактически является переносом древнего тезиса «функция создаёт орган».

В том же духе Жан рассматривает личность как «конструкцию, стремящуюся к единству» и находящую свой «зародыш в физиологическом единстве тела». На шаг дальше: общее стремление к личностному единству становится условием формирования структур — возможно органических, несомненно психологических; поэтому Жан выстраивает целую иерархию поведений, на вершине которой стоят «поведения тайны» — именно на этом уровне формируется единство персонажа, с того момента, как тот не имеет иного собеседника, кроме себя самого.

Философски эти тайные поведения необходимы для формирования **идеи**: идея предстает как структура (форма), чья ценность зависит от целостности и сохранности породивших её интеллектуальных функций — снова функция создаёт идеальную структуру. Можно было бы, начиная с греков и вплоть до Декарта, энциклопедистов, Гегеля, Фрейда и структурализма, заново пересмотреть историю идей; здесь достаточно констатировать, что мысль Жана в этом пункте глубоко оригинальна и не вписывается ни в одну традиционную доктрину.

Что касается психоаналитической теории, она несовместима с пространственной фиксацией структур, равно как и с фрейдовской идеей «всемогущества идей» или отождествления идеи с аффективным впечатлением мифического происхождения.

То же касается структурализма, для которого язык — «мысль извне»: у Жана формирование идеи относится к порядку функционального, осуществляется посредством «внутренней речи» и обусловлено стабильностью психофизиологического состояния и длительностью, благодаря которым настоящее становится для субъекта «рассказом для

самого себя», из чего и вырастает понимание. Именно в этом смысле П. Рикёр пишет: «понимать — значит прежде всего понимать себя».

Ещё одна оригинальная черта мысли Жане состоит в том, что она постоянно ориентирована на биологические данные, которыми он располагал: все его теории находятся в логической связи с биологической эпистемологией — особенно с её психогенетическим разделом — до такой степени, что часть его работ можно рассматривать как предисловие к «генетической эпистемологии» Ж. Пиаже и его школы.

Его мысль во многом близка Лейбницу — вспоминается, например, знаменитая ремарка Лейбница о первых «микроскопистах»: «я предпочитаю Левенгука, который говорит мне, что он видит, картезианцу, который говорит мне, что он думает». Возможно, именно здесь родилась биологическая эпистемология и философия начала постепенно покидать «сухую абстракцию». В любом случае, вдохновляясь биологической эпистемологией, Жане опирается не только на Лейбница, но прежде всего, *mutatis mutandis* (с учетом внесенных поправок), на «старого Аристотеля».

Таким образом, именно на уровне «философии в действии» Фрейд и Жане противопоставлены наиболее радикально, несмотря на все предосторожности, которые каждый предпринимал для защиты собственной мысли от искажённых толкований. В конечном счёте это противопоставление может быть сведено к двум ключевым терминам, проясняющим и упрощающим проблему: природа и культура.

Под природой здесь понимается одновременно «*physis*» (др.-греч. — природа, сущность, происхождение) в самом широком смысле и «естественный человек», при осознании того, что отделить человека от его среды можно лишь искусственно. Природа — это единство человека и окружающего его мира в статистически нормальном состоянии. В рамках «философии в действии» естественный человек представляет собой метастабильное равновесие — физиологическое и психологическое, внутреннее и внешнее; в пределе «естественное» становится синонимом «нормального» — и то же верно для отношений человека со средой и межличностных/социальных отношений.

Культура, в нынешнем, наиболее распространённом смысле слова, — это коллективное развитие группы, общества, цивилизации; это развитие можно связать с древним смыслом *genesis* как «производства» (а не только «изначального творения»). Культуру во всех измерениях характеризует именно производство, хотя производство ещё не тождественно прогрессу.

Оппозиция природы и культуры начинается там, где различные культурные «производства» начинают искажать нормальную эволюцию отношений «человек–среда» и разрушать их равновесие; ключевой момент здесь — переход от «нормального преобразования» к «искусственной деформации». В этом смысле оппозицию природа–культура определяет культурный артификализм.

Если теперь вернуться к обобщающим формулировкам: психо-философия Фрейда по своей сути культурна, психо-философия Жане — по своей сути натуралистична.

(ФРЕЙД)

По Ж. Делёю, медицинская характерология, идущая от Фрейда, меняется в зависимости от типа цивилизации и «является продуктом не природы, а культуры». Высокая «культурность» психоанализа резко выдвигает на первый план его фундаментальный

артификализм, вынуждающий исследователя, часто ценой больших усилий, пробиваться к скрытым за ним психическим реалиям.

В качестве примера Фрейд ссылается на мнение Фрэзера, трудами которого восхищается: «Люди ошибочно приняли порядок своих идей за порядок природы и вообразили, что, будучи в состоянии контролировать свои идеи, они должны быть также в состоянии контролировать вещи». Фрейд видит в этом яркое объяснение магии и «нелепости предписаний», откуда вытекают «психическая оценка желания и воли», а также всемогущество идей. Нельзя лучше охарактеризовать культурный искусственализм, вытекающий из первобытного воображения, и не представляется сомнительным, что, считая мир «ультравещей» высшей реальностью, магия составила первое артификалистское проявление первобытной мысли. Не воспрещается думать, что если греки отметили историю печатью собственной рациональности, то более или менее магический культурный искусственализм тем не менее господствовал над цивилизацией вплоть до Галилея, существование которого Фрейд, по всей видимости, игнорирует.

В особенности он устанавливает целую систему отношений между властью первобытной магии и формированием психики ребёнка, а также с субстратом системы Бэз взрослого, — вплоть до заявления: «Человек — животное орды». Ничто в действительности не воспрещает относить к культурному искусственализму «первофантазм» новорождённого, психосексуальную — тоже фантазматическую — эволюцию ребёнка, и в более широком смысле — психоаналитическую «ретроверсивную» археологическую герменевтику, управляющую «историей-судьбой» человека. Представляется излишним умножать примеры.

Неизбежным следствием психоаналитической культуры является систематическая драматизация — с взятым в театральном смысле термином. Этимологически «драма» означает действие, долг, обязанность; лишь в театре действие персонажей мало-помалу было уподоблено трагедии. Г. Делёз прибегает к первой этимологии драмы, когда берёт под сомнение физические, географические или мифические «динамизмы», и также, когда заявляет: «То, что мы называем драмой, особенно напоминает кантовские схемы применительно к априоризму пространства и времени». Однако именно второе значение вступает в игру, когда Г. Делёз заключает: «Кратчайшее — это драма, сон, или, точнее, кошмар прямой линии». Двусмысленность рождается — чреватая последствиями — из этого отождествления между действием-динамизмом и драмой-кошмаром: динамизм является естественным, трагедия — культурной. Сама драма может быть либо естественной, либо чисто культурной — или искусственной.

Примечательно, что Фрейд даже не упоминает греческую рациональность и произвольно выбирает примеры из литературы и театра, чтобы трансформировать их в драматические фантазмы, которые он обобщает не только для всей психики, но и для всего человеческого вида: миф о Титанах, трагедия Эдипа (сведённая к проблеме скотской сексуальности), трагическая судьба Нарцисса, символическая борьба Эроса и Танатоса и т. д. ... Однако независимо даже от греческой рациональности, можно задаться вопросом, каким было бы лицо психоанализа, если бы Фрейд обратился к Досократикам, — к Эмпедоклу, например, тому поэту-философу, определявшему любовь как «врага нестерпимой необходимости», или к «Пиру Сократа», или к «Никомаховой этике», где Аристотель формулирует свой принцип нормальной активности, или к Эпиктету — последнему из Стоиков, — тоже говорящему о пире: «Помни, — говорит он, — что следует вести себя, как на пиру. Подают блюдо — потянись и возьми умеренно. Проходит мимо — не держи. Ещё нет — не тянись вдаль с нетерпением, но жди, пока оно не окажется перед тобой. Так — с детьми, с женой, со властью, с богатством. Когда-нибудь ты будешь достоин пира богов».

Однако школа стоиков — это школа воли и свободы, плохо согласующихся с психофилософией Фрейда.

В действительности весь психоанализ систематически драматизирован, исходя из «трагического преступления» исходного и «неотвратимого рока (...) Царя Эдипа».

В действительности весь психоанализ систематически драматизирован, исходя из «трагического преступления» исходного и «неотвратимого рока (...) Царя Эдипа».

Можно также допустить, что Фрейд вдохновляется Гегелем и Ницше. Ж. Брюн показывает, что для Гегеля «желание — это одновременно принцип «я» и принцип космической эпопеи Духа». Однако Фрейд выносит Дух за скобки и сохраняет лишь влечение, его насилия и драмы ... Равным образом Ницше: «Желание Эроса — жестокость, поскольку сжигает случайности». И в другом месте: «Сексуальный инстинкт, опьянение, жестокость принадлежат к числу древнейших празднеств человечества». Здесь именно первичные инстинкты интерпретируются на культурном языке и принципиально Фрейдом драматизируются, соотносясь с исходным преступлением.

Конечным пределом этого процесса культурного артификализма является представление фантазматической драматизации как «оценки»: ребёнок оценивается исходным фантазмом, тревогой кастрации, враждебностью к отцу и т. д. То же самое в ходе периодов невроза, которые он переживает, и в более широком смысле интрапсихических конфликтов взрослого с попытками сублимации, которые они содержат, — так что в крайнем случае можно мыслить, что наиболее высокая степень культуры тесно сопрягает наиболее развитую оценку и наибольшую психическую нестабильность. Философски подобная концепция психологической жизни может порождать лишь скептицизм и пессимизм. Наиболее характерным её выражением является то, что состоит в рассмотрении принципа удовольствия как «служащего инстинктам смерти»: Эрос — вечный побеждённый Танатоса. «Таким образом, — пишет Марта Робер, — цель жизни — смерть, и жизнь сама — более или менее длинный объезд в всеобщем беге к небытию». Однако в действительности речь идёт лишь о риторических выражениях, ибо конкретно цель жизни — породить жизнь, располагающую для этого значительным избытком энергии. Однако если в абстракции обобщают метонимические приёмы или синекдоху, если принимают часть за целое и подразумевают большее, говоря меньшее, тогда, разумеется, можно смешивать жизнь (универсальную) и существование (индивидуальное): сама идея смерти оказывается искусственно оценённой. Последний пример неправомерной оценки будет взят из исследования П. Кауфмана, в ходе которого автор упоминает ««культурную» интерпретацию эдиповой мутации, как основополагающей человеческого порядка».

Можно задать вопрос: соответствует ли этот культурный артификализм оценке или, напротив, обесценению человеческой судьбы? Это в любом случае лишь чисто аффективная интерпретация естественного события, каковым является смерть. То же самое применительно к «человеческому порядку». Их оценка как таковая тоже «искусственализирована» в связи с аффективностью, питаемой мифами и символами, значимая ценность которых не установлена. В действительности смерть — наравне с человеческим миропорядком — может быть рационально интерпретирована как естественное событие, подчинённое циклической эволюции, которая воспроизводится бесконечно. Откуда можно заключить, что культурный артификализм, драматизация и аффективная систематизация соответствуют необоснованному обесценению по отношению к биологической реальности и к необыкновенному излиянию, неисчерпаемая щедрость которого его характеризует. В более конкретном плане значительно более

согласно с этой биологической реальностью соотносить судьбу человека с этой сверх обильной «непреодолимостью» организованной жизни, нежели обесценивать её, подчиняя абстрактному артификализму, где инстинкты смерти сочетаются во «всеобщем беге к небытию».

(ЖАНЕ)

В противоположность этому у Жане исходным остаётся триптих «энергия–действие–функция»; нормальное развитие, вытекающее из внутреннего динамизма индивида, в теории эквивалентно естественному производству, а на практике эта эквивалентность лишь относительна — поскольку цивилизации постоянно порождают различные формы интеллектуального артификализма, и нормальное развитие может привести к патологическому результату, и наоборот. На этом уровне вступает специфически человеческий фактор, поддающийся анализу лишь в незначительной мере.

По всей видимости, именно в этой перспективе следует располагать подход Жане и оказывается возможным рассматривать значительно более действенную, нежели предыдущая, синонимию: синонимию натурализма и гуманизма, — при условии оставлять в стороне как прагматистский, так и позитивистский смысл гуманизма. Необходимо также принять во внимание значение, придаваемое Жане «социальным формам поведения», которым он приписывает ответственность в обучении и формировании индивидуальности.

С другой стороны, следует сделать выбор среди различных определений, сформулированных для натурализма, — ибо в зависимости от приписываемого ему смысла натуралистический характер мысли Жане может быть оспорен. Прежде всего устраним «исключительный натурализм», о котором говорит Р. Ле Сенн: «Чистый гуманизм всегда скатывается в натурализм», — говорит он. Здесь гуманизм и натурализм оба критикуются с точки зрения строгого позитивизма, согласно которому отношения человека и природы относятся интегрально к совокупности механистических законов. Синонимия по-прежнему верна, однако её «исключительный» характер наделяет её ограниченным и в некотором роде «закрытым» смыслом, не принимаемым Р. Ле Сенном.

Рассматривая проблему с точки зрения клинической психологии в целом, Д. Лагаш высказывает значительно более нюансированное мнение, — в особенности применительно к обычно принимаемому разграничению между экспериментальной психологией и клинической психологией. Г-жа Фаве-Бутонье резюмирует вопрос, соотнося первую с натурализмом, а вторую — с гуманизмом. «Отказываясь, — говорит она, — выбирать между натурализмом и гуманизмом, он (Д. Лагаш) показывает, как натурализм, стремящийся устранить сознание, относиться к фактам как к вещам (...), противостоит гуманизму, обращающемуся к пережитому опыту, стремящемуся понимать столь же, сколь и объяснять индивида, обращаясь к ограниченному синтезам, подобным типам личности или характера», — откуда следует, что именно «делая из психологии «науку о поведении», Даниэль Лагаш может утверждать единство психологии». Здесь снова рассматриваемый натурализм «закрыт» вследствие своего позитивистского и «исключительного» характера, допускающего лишь выводы, разрешаемые экспериментированием и статистикой. По Д. Лагашу, этот натурализм должен быть дополнен гуманизмом клинической психологии, цель которого — «как можно более полное исследование индивидуальных случаев». Однако подобное исследование «открывает» с необходимостью перспективы значительно более широкие, нежели те, что доступны экспериментальному натурализму, — так что гуманистический вклад позволяет

в действительности осуществить единство психологии, — при условии располагать это единство в рамках «открытого» натурализма.

В этой перспективе становится оправданным говорить о сдвиге от натурализма к гуманизму: у Жана — натурализм «открытый», объединённый с нормальным культурным развитием и подчёркивающий значение «социальных поведений» в формировании индивидуальности. Здесь и можно применить ключевые, заимствованные у Бергсона термины «закрытый» и «открытый»: психо-философия Фрейда соответствует закрытому натурализму, удвоенному систематическим культурным артификализмом; психо-философия Жана — открытому натурализму, сопряжённому с нормальным культурным развитием.

Отсюда возникает заключительный вопрос: «на что», собственно, открывается этот «гуманизированный натурализм»?

Ответ потребовал бы обширных исследований и, вновь, в первую очередь заинтересовал бы специалистов, способных методически проанализировать обширное, отчасти забытое творчество Жана. Можно лишь повторить: натурализм, лежащий в основе «науки о поведении» Д. Лагаша, напрямую восходит к «психологии поведения» Жана, чьим вдохновителем он был.

«Открытость» Жана рациональна; она столь же далека от кантовского антропоцентризма («без человека природа была бы пустыней») или романтизма Новалиса, как и от физикализма Карнапа. По сути, эта открытость психологична: определяя «Я» с одной стороны как «частный аспект персонажа» (поскольку «отношения не все проходят через него»), а с другой — как «дух, таинственный принцип действия», когда оно достигло собственной единства, Жане достаточно точно маркирует порог этой открытости. Она проявляется ещё яснее в его утверждении, что «психолог не может удовлетвориться абстрактными формами научной мысли».

Поздние работы Жана весьма наглядно показывают, через какие именно процессы его опыт психолога и психиатра «открывал» путь к универсальному; именно в этом смысле всю его психо-философию можно охарактеризовать как рациональный персонализм. Вероятнее всего, Жане одобрил бы формулу Г. Берже, для которого открытие «я» есть обнаружение «бедного и лишённого всего субъекта, который знает, что он вне пространства и времени, но всё же чувствует себя пойманным в их рамки».

Финальный акцент на философии Жана оправдан тем забвением, в котором он сегодня прибывает. Но и у Фрейда, при меньшей рациональности его подхода, есть философски значимые элементы. Если верно, что именно в области клиники вклад Фрейда наиболее значителен и наименее подвергается критике, то не менее верно и то, что он обладает заслугой утверждения специфичности психоорганических структур, исключаяющей всякое сходство с «чистыми структурами» математиков.

Э. Бренье высказывает мнение того же порядка: «если рассмотреть метод психоанализа в целом, поражает его сближение с феноменологией и психологией формы: повсюду ищут прежде всего структуры, а не элементы» — при одной оговорке: Фрейд не принимает гештальт-постулатов изоморфизма, поскольку строит свою психо-философию исходя из основополагающего факта — данности структурированного пережитого.

Всё более очевидным становится и то, что структура как таковая обусловлена изначально энергетическими отношениями, а в биологии психо-органические структуры изначально

зависят от элементарных функций, координирующих их первые элементы ещё до того, как «биологический объект» становится «проектом».

Отсюда можно заключить, что загадка жизни обнаруживает себя не только на каждой ступени морфогенеза и психогенеза, но и — несмотря на такие гипотезы, как у Опарина — на самом уровне биопоза: тайна не «после» структуры, а по меньшей мере «до» неё. Поэтому, хотя Фрейд и рассматривает структуру как фундаментальный феноменологический элемент, следует отдать ему должное за попытку повернуть время вспять и объяснить человека через его историю.

Какова бы ни была ценность этого объяснения, оно имеет то достоинство, что представляет собой замечательный пример «восходящей причинности» в эпоху, когда гуманитарные науки доминирует «нисходящая причинность», лежащая в основе всех эволюционистских теорий. В частности, психоаналитический архаизм резко противостоит современному футурологизму.

Можно сожалеть лишь, что Фрейд обращался к прошлому в рамках строгого антропоцентризма и ради обоснования сомнительного сексуального примата. Тем не менее он даёт пример, достойный продолжения: оригинальный психогенетический фундамент.

Ему нельзя ставить в вину, что он не рискнул заглянуть «до» этой исходной точки, но вполне допустимо не следовать тем, кто стремится связать первичную структуру напрямую со случайностью, возводя случай в ранг «*deus ex machina*» (буквально «бог из машины») или как верховного распорядителя всемирной лотереи.

Так или иначе, сегодня, по-видимому, настало время заново обдумать и обновить аристотелевский каузальный принцип. Не обязательно возвращаться к «Первому двигателю», но по крайней мере было бы интересно, учитывая современные достижения биологии, перенести на нашу эпоху понятие «*dynamis*» и принцип нормальной активности. Тогда вновь пришлось бы обратиться к Жане — к его теории тенденций, его функциональной психологии и к рациональному персонализму, который и является их логическим и философским выражением.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ И ОБОБЩАЮЩАЯ ТАБЛИЦА

ТЕОРИИ

ФРЕЙД	ЖАНЕ
Психическая энергия поляризована на либидо.	Психологическая энергия изначально «деполяризована».
Принципы удовольствия и реальности.	Принцип действия.
Два отдельных выражения — одно биологическое, другое феноменологическое.	Постоянные отношения между энергией, функциями и поведением.

<p>Концепция по существу структурная и пространственная психического аппарата — потоки энергии и слои.</p> <p>Впоследствии — трудные связи между психологической динамикой, топикой и экономией.</p>	<p>Концепция по существу функциональная.</p> <p>Иерархия функций.</p>
<p><i>Теория влечений:</i></p> <p>инстинкты «Я» и сексуальные инстинкты; источник, объект и цель влечения;</p> <p>понятия объекта, интрапсихического конфликта, сублимации, компульсии; инстинкты жизни и смерти;</p> <p>символизм, архаизм, обращение к мифам;</p>	<p><i>Теория тенденций:</i></p> <p>абстрактная теория, дающая отчёт о формах поведения;</p> <p>иерархия и взаимодействие тенденций;</p> <p>понятия психологической силы и напряжения (психастения и колебания);</p> <p>функции регуляции;</p>
<p><i>Система аффективности</i></p> <p>Понятия аффекта и волнения;</p> <p>объектные отношения; инвестиции и контринвестиции;</p> <p>первенство сексуальных аффектов.</p>	<p><i>Система активности</i></p> <p>Чувство — проприоцептивная реакция на действие;</p> <p>чувство действует как регулятор действия;</p> <p>четыре фундаментальных чувства и аффективные чувства.</p>
<p><i>Сексуальность:</i></p> <p>у ребёнка: эдипов период; ребёнок является «полиморфным извращенцем»;</p> <p>у взрослого: дальнейшая выработка; бессознательное вытеснение и торможение;</p> <p>сублимация посредством «разблокирования» сексуальных влечений;</p> <p>более или менее признаваемый пансексуализм;</p> <p>сексуальное происхождение неврозов.</p>	<p><i>Сексуальность:</i></p> <p>соответствует «первичной» функции среди прочих; без поляризации;</p> <p>допускает вытеснение;</p> <p>разоблачает пансексуализм;</p> <p>«сублимация» вытекает из игры высших и прогрессивных тенденций;</p> <p>сексуальные явления при неврозах являются в той же мере следствием, что и причиной.</p>
<p><i>Нарциссизм:</i></p> <p>определён в 1914 году как смещение либидо и его инвестирование на «Я».</p>	<p><i>Нарциссизм:</i></p> <p>Не признаёт нарциссизма.</p>

<i>Скрытая агрессивность:</i>	<i>Скрытая агрессивность:</i>
важное открытие Фрейда (в связи с «влечениями «Я»»).	входит в рамки активности тенденций.
<i>Игнорирует регуляцию;</i>	<i>Психофизиологическая регуляция:</i>
фундаментальное отличие от защитных механизмов.	важное открытие Жане; позволяет разграничить нормальное и ненормальное.

ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ

<i>Сознание:</i>	<i>Сознание:</i>
Пространственная концепция (психические созвездия); 1-я топика: Бсз — Псз — Сз; 2-я топика: Оно — Я — Сверх-Я; «Оно» является местом Бсз; «Я» является одновременно местом и источником конфликта.	Функция контроля, облегчения и синтеза; Как функция, является «переменным и относительным», — как соотнесённое с завершённой личностью, является единым; понятие поля сознания; дезагрегация и множественность при неврозах.
<i>Теория бессознательного:</i>	<i>Теория подсознания:</i>
Бсз является «обособленной областью», вневременной; ключевая роль вытеснения; не допускает подсознательного Жане.	Мыслится, исходя из понятия фиксированной идеи; понятие мнемонической латентности; согласуется с лейбницеvской теорией степеней сознания; не допускает системы Бсз Фрейда.

ПАТОГЕНЕЗ НЕВРОЗОВ

Сексуальное происхождение неврозов; важность тонического эндоцеребрального возбуждения и конфликтов «Я»; важность травматизма и реминисценции;	Болезни эволюции функций; недостаточность функций регуляции; важность психологической слабости и тензионных колебаний;
--	--

<p>идеогенное представление;</p> <p>занимается прежде всего аффективными расстройствами: они оживляют исходный аффект;</p> <p>не допускает психастении Жане.</p>	<p>первенство описания психологического автоматизма и идеогении;</p> <p>первенство описания травматизма и реминисценции;</p> <p>не допускает сексуального происхождения неврозов.</p>
<i>Фиксированная идея:</i>	<i>Идея фикс:</i>
<p>признаёт приоритет Жане, однако соотносит фиксированную идею с системой Бсз;</p> <p>уподобляет её анимистической магии.</p>	<p>открытая и описанная Жане;</p> <p>является подсознательной (понятия латентности и мобилизации).</p>
<i>Сужение поля сознания:</i>	<i>Сужение поля сознания:</i>
<p>принято Фрейдом, однако рассматривается как следствие «чрезмерной концентрирующей психической активности».</p>	<p>определено Жане как следствие психологической слабости;</p> <p>неконтролируемые боковые мысли; психологический автоматизм.</p>
<i>Тревога:</i>	<i>Тревога:</i>
<p>вытекает из конфликтов «Я» в связи с отклонением либидо;</p> <p>определяет невроз тревоги.</p>	<p>рассматривается как «реакция на неудачу» (реакция отступления);</p> <p>носит тот же характер, что и меланхолические расстройства.</p>
<i>Перенос:</i>	<i>Перенос:</i>
<p>открытие Фрейда около 1892 года: объект переноса — лишь заместитель реального объекта.</p>	<p>допускает фрейдовскую теорию замещения, однако помещает перенос в категорию явлений интереса.</p>

ТЕРАПИЯ

<i>Внушение:</i>	<i>Внушение:</i>
<p>соглашается с Жане о невротической внушаемости;</p> <p>критикует терапевтический гипнотизм.</p>	<p>определяет внушаемость как автоматизм особого рода;</p> <p>изучает терапевтическое внушение под гипнозом.</p>

<p>Важнейшее открытие Фрейда: катарсическое лечение (метод свободных ассоциаций, исследование Бсз посредством «отпрысков», инфантильная сексуальность, архаизм и т. д. ...)</p> <p>значение вытеснения и переноса.</p>	<p>Соглашается с вытеснением и переносом; критикует свободные ассоциации, интерпретацию снов, и в особенности «обособленную область» сознания.</p>
--	--

ПСИХОТЕРАПИЯ ЖАНЕ

<p>Как правило, игнорируется Фрейдом.</p>	<p>Лечение «возбуждением», замещающим внушением под гипнозом, мобилизацией неиспользованных сил;</p> <p>различное лечение для психологической слабости и для гипотонии;</p> <p>химиотерапия и общее лечение.</p>
---	--

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ДАННЫЕ

<p>Фрейдизм является по существу «ретроверсивным» (археология и обращение к доисторическим мифам);</p> <p>несмотря на это: распространение фрейдизма на марксистские, экзистенциалистские, структуралистские теории, а также на научную «футурологию»;</p> <p>господство понятия структуры.</p>	<p>«Жанеизм» является «проверсивным» (динамизм, связанный с темпорализованным функционализмом, выражающимся в «психологии поведения»);</p> <p>Жане может рассматриваться как предтеча психологии, сопрягающей биологический опыт и клинический опыт, исходя из понятия функции.</p>
---	---

ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Фрейд является левым гегельянцем.

С психофилософской точки зрения фрейдизм является по существу культурным (понятия производства и диалектического искусственализма; фантазматическая оценка);

предложенное определение: «закрытый» натурализм, удвоенный систематическим культурным искусственализмом (определение, не претендующее на умаление значения и ценности открытий Фрейда в области клиники). Восходящая причинность.

Жане является левым лейбнианцем.

С психофилософской точки зрения жанетизм является естественным порядком (понятие «открытого» натурализма) — то есть очеловеченного в рамках, расширенных за пределы количественных автоматизмов;

предложенное определение: «открытый» натурализм, включающий нормальное культурное производство и соответствующий рациональному персонализму.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. ALAIN : Lettres sur la Philosophie première, Paris, Presses Universitaires, 1955.
2. AUZIAS Jean-Marie : Clefs pour le structuralisme, Paris, Seghers, 1967.
3. BECKER Raymond de : La vie tragique de Freud, Paris, La Planète, 1967.
4. BERGER Gire, Caractère et personnalité, Paris, Presses Univer-
5. BLaNc Claude : L'inconscient et la neurologie, (in Ey Henri, L'inconscient, VIe colloque de Bonneval, 1966.
6. BREHIER Emile : Les thèmes actuels de la philosophie, Paris, Presses Universitaires, 1954.
7. BOUNHOURE Louis : Déterminisme et finalité, Paris, Flammarion, 1957.
8. CHAUCHARD Paul : L'équilibre sympathique, Paris, Presses Universitaires, 1953.
9. CHERTOK Léon : L'hypnose, Paris, Payot, 1963.
10. DELAY Jean : Etudes de psychologie médicale, Paris, Presses Universitaires, 1953. La psychophysiologie humaine, Paris, Presses Universitaires, 1959.
11. DIEHL Paul : La peur et l'angoisse, Paris, Payot, 1958.
12. Ec Marcel : L'homme et l'angoisse, Paris, Fayard, 1964.
13. Ey Henri : L'inconscient (VIe colloque de Bonneval), Paris, Desclée de Brower, 1966.
14. Ey Henri, BERNARD Paul et BRISSET Théodore : Manuel de Psychiatrie, Paris, Masson 1960.
15. FAVEZ-BOUTONIER Juliette : L'angoisse, Paris, Presses Universitaires, 1949.
16. FAURE Henri : Hallucinations et réalités perceptives, Les objets dans la folie, Paris, Presses Universitaires, 1965.
17. FERENCZI Sandor : Thalassa. Psychanalyse des origines de la vie sexuelle, 1904. Trad. DuPoNT et SANANA, Payot, 1969.
18. HAMELIN Octave : Essai sur les éléments principaux de la représentation, Presses Universitaires, 1907.
19. HARTENBERG Paul : L'hystérie et les hystériques, Paris, Alcan, 1910.
20. HESNARD A. : La psychanalyse. Théorie sexuelle de Freud, Paris, Stock, 1928.
21. HORNEY Karen : La personnalité névrotique de notre trad. de l'anglais par Jean PARIS, Paris, L'Arche, 1953.
22. temps,
23. JANE Pari, De Sagrave, 199) : Histoire de la philosophie, 4e 6a., KANT Emmanuel : Critique de la raison pure, trad. J. GIBELIN, Paris, Vrin, 1945.
24. KLEIN M. : La Psychanalyse des enfants, Paris, Presses Universitaires, 1959.
25. LABORIT Henri : Biologie et Structure, Paris, N.R.F., 1968.
26. LAGACHE Daniel : La psychanalyse, Paris, Presses Universitaires, 1964.
27. LALANDE André : Vocabulaire de la philosophie, 8e éd., Paris, Presses Universitaires, 1960.
28. LAPLANCHE Jean et LECLAIRE Serge : L'inconscient (in H. Ex, vie colloque de Bonneval), 1966.
29. LE SENNE René : La description de conscience. Obstacle et valeur, Paris, Aubier, 1934.
30. NAVILLE Pierre : La psychologie du comportement, Paris, Gallimard, 1965.
31. OSBORN Reuben : Marxisme et psychanalyse, trad. de l'anglais par Annette STRONCK, Paris, Payot, 1965.
32. PALMADE Guy : La psychothérapie, Paris, Presses Universitaires, 1957.
33. PASCHE Francis : Le génie de Freud (centenaire de la naissance de Freud), Paris, Presses Universitaires, 1957.
34. PIAGET Jean : Le structuralisme, Paris, Presses Universitaires, 1968.
35. PRADINES H. : Psychologie générale, I., Paris, Presses Universitaires, 1948.
36. RICE Selil, 1963 De l'interprétation, Essai sur Freud, Paris, Le Le conscient et l'inconscient (in Ey Henri, VIe colloque de Bonneval), 1966.
37. RIJLANT Pierre : Eléments de physiologie psychologique, Paris, Masson, 1966.
38. ROBERT Marthe : La révolution psychanalytique, t. II, Paris, Payot, 1964.
39. SCHWARTZ Léonard : La psychologie dynamique de Pierre Janet (traduit de l'allemand par L.E. THOMAS), Paris, Presses Universitaires, 1955.
40. SEBAG Lucien : Marxisme et structuralisme, Paris, Payot, 1964.
41. WAELHENS A. de : L'inconscient (in Ex Henri, VIe colloque de Bonneval, 1966.

ЖУРНАЛЫ И ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Annales de médecine psychologique, Paris.

MARCHAIS P. et LORMEAU Y. : Reflexions sur « L'introduction à la Psychanalyse » et la méthode freudienne, n° 5, pp. 772 et 774.

L'année psychologique, Paris, 1910.

BINET Alfred et SIMON Théodore : Hystérie, pp. 81, 96, 99.

Bulletin de Psychologie.

Benassy M. Les théories du Moi, 1962, p. 788 – Psychanalyse théorique, mai 1967, p. 1310 - f Psychanalyse théorique, févr. 1968, p. 584 - Psychologie clinique, avril 1968, p. 729.

BERGERON M. : La psychologie des conduites, nov. 1960, p. 26.

Ey Henri : Force et faiblesse des concepts de Janet, nov. 1960, pp. 52 à 54.

FAVEZ-BOUTONIER Juliette : Les sentiments, mai 1963, pp. 921 et 923. - Psychologue clinique, numéro spécial 1960, p. 890.

FRANCES R. : Esthétique expérimentale, février 1967, p. 576.

GAGEY J.: Psychologie clinique et philosophie, numéro spécial 1968, pp. 931 et 932.

GERMAIN J. : Pierre Janet, nov. 1960, p. 3.

HESNARD A. : Equivoque de l'inconscient, nov. 1960, pp. 74 et 75.

KAUFMANN P. : La théorie freudienne de la culture, n° spécial 69-70, p. 549.

LAPLANCHE J. : La sexualité, n° 9-10, 1969-1970, Pp. 496 et 498.

PIERON Henri : Conscience et conduite chez Janet, nov. 1960, pp. 150 et 151.

PIERON Henri : (Mémoire sur l'œuvre de), n° 6-8, 1969-1970, p. 371.

WALLON Henri : Pierre Janet, psychologue réaliste, nov. 1960, P.

Bulletin de la Société française de Philosophie.

DELBUZE G. : La méthode de dramatisation, juillet 1967, p. 96.

DERRIDA J.: La « différance », juillet 1968, p. 81.

RICŒUR Paul : Une interprétation philosophique de Freud, juil. sept. 1968, pp. 82 et 83.

Dialectica (Neuchâtel).

GONSETH Fr. : Remarques sur un exposé de H. Dingler, 15 mars 1953, p. 165.

Encyclopedia Britannica, XVIII, p. 671.

Les Etudes Philosophiques.

BRUN J. : Formalisme, violence et érotisme, janv. 1968, pp. 16 et

CAZAYUS P. : La Psychologie et le concret, janvier 1967, pp. 41 et 43.

L'Evolution psychiatrique (janvier-mars 1950).

COURCHOT J.L. : Janet à la Salpêtrière, p. 360.

ELLENBERGER H. : La psychothérapie de Janet, pp. 469 sq.

MALE.P: L'Automatisme psychologique, p. 374.

MINKOWSKI E. : Le problème du temps chez Janet, pp. 453 et 462.

ROUART J.: Janet et Jackson, p. p.494.

Gazette médicale de France.

MALE P.: Les progrès récents de la psychiatrie, avril 1965, p. 1 391.

PERRON-MAGNAN P. et SAMUEL-LAJEUNESSE E. : A propos du complexe d'Œdipe, avril 1968, pp. 2425 et 2415.

Médecine de France. Claude Bernard, 1954, n° 50.

Perspectives psychiatriques.

MIROUZE R. ; quelques données sur le développement psychosexuel de la petite fille, sept. 1963, p. 19.

Revue française de psychanalyse.

CHERTOK L. : La découverte du transfert, mai-juin 1968, p. 521.

Revue de médecine psychologique.

KUBIE L.S. : L'hypnotisme, terrain de choix pour les recherches psychophysiologiques et psychanalytiques, 1963, n° 3, p. 233.

ОТ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Сообщение Амеде Понсо. Ред. Марсель Ривьер, Париж, 1962 год.

Наука и философия, эссе. Ред. Nauwelaerts, Левен, 1968 год.

Человек и его муки, Эд. Резма, Париж